

МИРА ЛЕРМАН

БРОНЗОВЫЕ ЗЕМЛИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сотворенные земли

Мира Лерман

Бронзовые земли

«Автор»

2026

Лерман М.

Бронзовые земли / М. Лерман — «Автор»,
2026 — (Сотворенные земли)

Каждые десять лет над Равенстом повисает тишина. В ней слышен только звон медных монет — плата за девушку, уходящую за Бронзовую грядку. Лирия идёт туда добровольно. Её семья в долгах, дом вот-вот отойдёт чужому роду, а старшая сестра уже не может тащить на себе всё одна. Выбора нет. За Грядой её встречают: королева Бронзовых земель, чья власть держится на древнем проклятии; её брат Мелантир — красивый, опасный, с янтарными глазами и улыбкой, за которой скрывается ложь; и трое чужаков, которые однажды появятся из темноты, чтобы предложить ей побег. Но правда страшнее, чем Лирия могла представить. Девушек забирают не для службы. А когда она наконец узнаёт зачем, возвращаться уже поздно. Пока она идёт в неизвестность, кто-то уже идёт за ней следом. Потому что сёстры не бросают друг друга.

© Лерман М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Глава 1.	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	59
Глава 11	65
Глава 12	71
Глава 13	76
Глава 14	86
Глава 15	91
Глава 16	96
Глава 17	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Мира Лерман

Бронзовые земли

Часть 1. Глава 1.

Священный праздник Рахма — время поклонения пресным рекам и богу вод Ньяду. Предания гласят, что именно Ньяду даровал первую бессмертную жизнь в Калуе — Водную деву, которая за века своего существования установила хрупкий мир между людьми и обитателями Бронзовой гряды. Тех, кого мы, смертные, именуем истинно-бессмертными и ложно-бессмертными. Рахма также считается днём покровительства Водной девы царству смертных, оттого этот день почитаем всеми и отмечается в зелено-голубых тонах — в знак глубины речных вод Калуе, и в ярко-оранжевых — цвета огня, который ярк, как человеческая жизнь, и век которого столь скоротечен. Празднование приходится на канун первого дня лета. Если на Рахму идёт дождь — это благословение Ньяду; впрочем, не зафиксировано ни одного задокументированного случая, когда солнечная погода в Рахму считалась бы неблагословением.

*<i>«Писание первых». Сорок вторая исследовательская </i>
<i>гильдия историков Калуе.</i>*

Слушать на ночь страшные истории — очень плохая идея. Особенно если эти истории рассказывает Аня — дочь наших арендодателей, у которой воображения больше, чем здравого смысла.

Я проснулась от того, что кто-то сильно сжал мою лодыжку, а потом отпустил, оставив саднящую кожу.

— Ты кричала, — сухо констатировала Элеонор.

Я моргнула, прогоняя остатки кошмара. Там, во сне, было слишком много крыльев, рогов и зубов — всё из тех страшилок, которыми Аня потчевала меня вчера перед сном. *Во сне крылья, рога и зубы смыкались надо мной в ледяной темноте. Даже сейчас, на жёстком соломенном матрасе, я чувствовала этот холод под рёбрами.*

— А просто разбудить ты не подумала? — буркнула я, потёрла голень. — Сразу щипки.

— Я звала тебя трижды, — ответила Элеонор, отступая к двери. — Ты не слышала.

— Я запрещу Ане рассказывать тебе эти сказки, — добавила она, чуть мягче. — Она ничего о них не знает. Просто выдумывает на ходу, а ты ей веришь.

— Мне нравятся её выдумки, — ответила я, хватаясь за матрас, чтобы сесть. — Они страшнее, чем реальность. Но хотя бы в них есть что-то, кроме долгов и ссор.

Элеонор не ответила. Она стояла в проёме, прямая, как лезвие ножа. Тёмные волосы уже были заплетены в тугую косу, повязка на лбу взмокла — она встала давно. Наверное, ещё до рассвета, чтобы не встречаться с матерью на кухне.

Я села на кровати, скинула оленью шкуру, которая служила мне одеялом уже третью зиму. Она стала короткой — мои ступни торчали наружу, и сестра этим воспользовалась.

— Мама уже проснулась? — спросила я, хотя ответ знала.

В доме было тихо. Слишком тихо для утра, когда одна из нас уезжает навсегда.

— Иди и разбуди, — отрезала *Элеонор*. — Мне нужно проверить, не захватила ли она свои безделушки. Их ещё можно продать.

— Конечно. Как скажешь.

Элеонор развернулась, полы потёртого платья взметнулись, и дверь закрылась раньше, чем я пробормотала «*И тебе доброго утра, дорогая*».

Она не услышала. Или сделала вид.

Я сидела на кровати и смотрела на дверь. В груди было пусто — будто кто-то выскреб ложкой всё живое, оставив только тонкий, болезненный слой

«*Мать уезжает сегодня*», — напомнила я себе.

Я знала это. Знала уже три дня. Но только сейчас, в этом сером, предрассветном свете, который едва пробивался сквозь затянутое паутиной окно, это стало по-настоящему реальным.

Хотела ли я её отъезда? *Не знаю*. Но я не хотела, чтобы она оставалась — такой, как сейчас. Вечно недовольной. Обиженной.

Я вздохнула, заставила себя встать. Пол был холодным, и босые ноги сразу заныли.

Сегодня она уезжает и останемся только мы.

Платье и корсет я завязала сама — этот навык у меня был с пятнадцати лет, когда отец уволил последнюю служанку. Тогда *Элеонор* только вернулась домой, и просить её о помощи казалось мне неуместным. Она и так смотрела на меня, будто я была единственным, ради чего ещё стоило дышать.

Я не хотела её подводить.

Волосы заплела в косу, как у сестры. Повязала повязку, чтобы не мешались. Сунула ноги в полуразваленные сапоги, которые скрипели при каждом шаге.

Мать была в своей комнате. Я знала, что *Элеонор* меня не дожждётся — она уже, наверное, спустилась вниз, чтобы в последний раз пересмотреть мамины вещи, выторговать лишнюю монету у старёвщика, сделать хоть что-то полезное.

Чтобы не думать о том, что мать уезжает.

Я пошла по коридору, стараясь ступать тихо. Где-то внизу звякнула посуда — *Элеонор* гремела кастрюлями, вымещая злость на ни в чём не повинной посуде.

Дойдя до комнаты, я обнаружила, что мать уже была на ногах. Она уже стояла посередине, полностью одетая, и смотрела на огромный сундук, набитый барахлом, с таким видом, будто он был её единственным другом.

— О, *Лири*, хорошо, что ты уже здесь, — сказала она, хватаясь за ручку сундука. — Помоги мне. Они скоро будут.

— Да, знаю, — ответила я, подходя с другой стороны.

Сундук был тяжёлым. Не чудовищно, но достаточно, чтобы мать кряхтела, таща его к двери. Я налегла — и мы сдвинули его с места. Медленно, шаг за шагом.

— Разве тётя *Элени* не поможет тебе с вещами? — спросила я, когда мы остановились перевести дух. — Мне казалось, у неё достаточно средств.

Мать пожала плечами — жест чужой, потерянный, будто она сама не понимала, зачем ей этот сундук.

— Я не хочу напрягать твою тётю. Она и так любезна, согласилась взять меня к себе

— Дело не в любезности, мама, — сказала я тихо. — Ты прекрасно это знаешь.

Значит, она не ждала от тётки ничего, кроме крыши над головой. Как и от нас.

Между нами повисло молчание — тяжёлое и липкое, как смола. Мы дотащили сундук до лестницы. Дальше — только вдвоём, потому что *Элеонор* даже не поднялась.

Сестра делала вид, что её не касается, что мать для неё — чужая. Может, так оно и было. После всего, что мать сказала — и не сказала — тогда, четыре года назад, *Элеонор* имела право на эту холодность. Я не винила её.

Мы спустились в прихожую. Я взмокла, мать тяжело дышала, прижимая руку к груди. *Элеонор* стояла в углу, забирая деньги у старьёвщика за старые безделушки. Её пальцы были красными от усердного трения — она всегда драила пол, будто от этого зависела её жизнь.

— *Наконец-то, — бросила Элеонор, не поднимая головы.*

Старьёвщик поклонился и ушёл. Мать вышла на кухню, но через минуту вернулась — недоумённая

— Аня сказала, во дворе уже стоит повозка, — обратилась мать к ней, с укоризной. — Ты не пошла их встретить!

— Я занята, — ответила сестра, невозмутимо пересчитывая монеты. Железьяки скользили между её пальцами с тихим, сухим звоном — единственным звуком, который она соизволила нам подарить. Она бросила быстрый взгляд в нашу сторону — колючий, быстрый, как укол булавкой. — Не слишком ли большой сундук? — холодно спросила она, кивнув на массивный ящик. — Ты могла бы оставить что-то здесь.

— Ты уже продала кучу моих вещей, — мать сжала губы так, что они побелели. — Этого тебе мало?

Элеонор на секунду отвела взгляд от монет. В её синих глазах — холодных, как зимняя вода подо льдом — мелькнуло что-то, похожее на боль. Всего на мгновение. А потом она снова стала каменной.

— Это малое, что я могла сделать для семьи.

— Конечно. Всё, что ты могла, ты уже сделала, — бросила мать, и в голосе её прозвучала такая горечь и обида, что у меня свело живот.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как мокрая шерсть. *Элеонор* едва заметно вздрогнула — я видела, как дрогнули её плечи, но она не обернулась. Вместо этого она снова наклонилась к полу и принялась тереть его с такой яростью, будто это пятно было личным оскорблением, а чистота — единственным, что она ещё могла контролировать в этой жизни.

— Пойдём. Наши гости, наверняка, уже заждались завтрака, — вставила я, пытаюсь перевести разговор с мёртвой точки. Слова прозвучали жалко и тонко, как нитка, которую вот-вот перетрут.

— Ты им не служанка, чтобы готовить, — мать расправила плечи, и этот жест — гордый, почти вызывающий — напомнил мне, какой она была когда-то: красивой, статной, уверенной в себе. До того, как жизнь выдрала из неё все эти клочья достоинства.

— Нет, не служанка, — тихо ответила я, чувствуя, как напряжение в комнате становится почти осязаемым — густым, как старая патока, которая засахарилась и теперь царапает горло. — Мы просто гостеприимные хозяева. Но сначала я помогу донести сундук.

— Нет. Попроси кучера. Нечего тебе надрываться.

Я кивнула, с облегчением выскальзывая из комнаты, где воздух, казалось, застыл, пропитанный многолетними обидами. Тяжесть стояла такая, что хотелось выбежать на улицу, вдохнуть полной грудью — пусть даже ветер будет холодным и колючим.

Мне нужно было выбраться отсюда. Глотнуть свежего утреннего воздуха, который хоть немного рассеет эту давящую тяжесть.

Кучер ждал у кареты — старой, но ещё крепкой, с лакированными боками, на которых играли солнечные блики. Повозка стояла у самой садовой лужайки, где трава уже начала желтеть, сворачиваясь в сухие трубочки.

Тётя *Элени* даже не вышла. Её силуэт угадывался за занавеской — неподвижный, отстранённый, чужой. Впрочем, я её и не винила. Мы были для неё почти незнакомками, а моя мать — обузой, которую богатая родня согласилась взять из чувства долга, а не любви.

То, что она вообще согласилась принять её, чтобы снять с нас бремя лишних расходов, было для меня величайшей загадкой и благословением одновременно. Может, в ней ещё оставалось что-то человеческое. Может, она просто хотела поскорее отделаться.

Кучер оказался высоким, но жилистым — руки в верёвках вен, лицо обветренное, продутое всеми ветрами. Я решила, что он вполне способен донести сундук сам, о чём и сообщила ему, пропуская в ворота.

— Конечно, *госпожа*, — ответил он с лёгким поклоном. Его сапоги оставляли на мокрой от росы траве тёмные влажные следы.

— Я не *госпожа*, — отрезала я.

В его глазах мелькнуло замешательство — он явно не привык, чтобы с ним говорили так, особенно в этом доме, где от прежнего величия осталась только память. Но он покорно кивнул и прошёл внутрь.

Я видела, как он взвалил сундук на плечо с такой лёгкостью, будто тот был набит пухом. И вспомнила, каким неподъёмным он казался мне, когда мы с матерью тащили его вдвоём. Мои руки до сих пор помнили ту тяжесть — она пульсировала в мышцах, как невысказанная обида.

Мама вышла на крыльцо, накинув дорожный плащ. Тёмно-синий, выцветший на плечах — там, где солнце выедало краску год за годом, пока мы жили в этом доме, теряя всё, кроме стен.

Она выглядела уставшей. И какой-то отрешённой. Словно её мысли были уже далеко, в степи, где воздух пах иначе и где никто не напоминал ей о том, кем она была раньше.

— Мама, ты пропустишь завтрак? — спросила я.

— Я взяла провизию с собой, — она отвела взгляд. — Вяленое мясо, хлеб.

Я заметила, как недовольно дёрнулась тень на лице *Элеонор*, вышедшей следом. Вяленое мясо было частью нашей общей провизии — той самой, которую мы считали по кускам, когда денег не хватало даже на хлеб.

Её пальцы, истёртые о пол, сжались в кулаки. Я видела, как побелели костяшки.

— Нам надо идти, — бросила *Элеонор* матери, даже не взглянув на неё. — На рыбный рынок.

— Хотя бы подожди, пока я уйду, — процедила мать.

— Конечно. Жду, — сквозь зубы ответила *Элеонор* и даже не мигнула. Её спина была напряжена, как струна, готовая лопнуть от любого неосторожного прикосновения.

Я перевела взгляд с одной на другую. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Или хотя бы оказаться где-нибудь далеко, где эти голоса — один ледяной, другой горестный — не режут слух своей вечной, застарелой злобой.

Воздух между ними был плотным, почти осязаемым, как дым от сырых дров. Я чувствовала, как он оседает на коже, липкий и горький.

Мама шагнула ко мне, и я увидела, как дрогнула её губа — тонкая, бледная, почти прозрачная на утреннем свету.

Она обняла меня. Крепко, почти больно — так, как не обнимала уже много лет. Её руки пахли дорогой и пылью, и чем-то ещё, чем пахнут вещи, которые слишком долго ждали, когда их упакуют и увезут.

— Я не хотела вас задерживать, — прошептала она, убирая выбившуюся прядь с моего лица. Её пальцы были шершавыми, но тёплыми, и этот контраст — тепло и шершавость — почему-то ударил сильнее, чем любая ласка. — Берегите себя. Если возникнут сложности, напишите тёте Элене. Я тоже буду писать. Постараюсь помочь, чем смогу.

Её ладони прижались к моим щекам, задержались на мгновение. Я чувствовала каждую трещинку на её коже.

Затем она перевела взгляд на старшую дочь, которая стояла в дверях, скрестив руки на груди. Её лицо было непроницаемым, но я видела, как напряжены её плечи, как побелели костяшки пальцев.

Мама сделала шаг к ней. Один. Второй. Протянула руку — ту самую, которая ещё минуту назад лежала на моей щеке.

Но в последний момент отёрнула, будто наткнулась на невидимую стену. Стекланную, холодную, такую же, как взгляд *Элеонор*.

— Будь добра, — глухо сказала она. — Заботься о сестре. Это твой долг.

Я вспомнила другую картину: юная *Элеонор*, только что возвращённая приказчиком домой после того, как зачитали условия брачного договора, что она нарушила. Как она стояла в прихожей, всё ещё в дорожном платье, с потухшими глазами, и пыталась прижаться к матери. А та — смотрела сквозь неё. Отстранилась. Сказала только: «Иди в свою комнату. Потом поговорим».

— Я знаю, — коротко бросила *Элеонор*.

Никто из них не подошёл друг к другу.

Мама кашлянула, словно что-то сдавило ей горло. Моё горло тоже саднило. *Я знала, что мы можем не увидеться снова. Мать уезжала в степи тумана — три дня на лошади, но у нас лошади не было. Дороги опасны: звери, лихие люди.*

— Прощай, мам, — выдавила я. — Я надеюсь, ты навестишь нас, как будет возможность.

Я не верила в это. Но слова нужно было сказать.

Мама кивнула, ещё раз взглянула на *Элеонор*, которая стояла, как изваяние, и быстро вышла, не оборачиваясь. Кучер подсадил её в повозку, лошадь всхрапнула, и повозка, громыхая колёсами по утопанной земле, тронулась с места.

Я стояла на крыльце, чувствуя, как в груди разрастается пустота. Горло саднило, но я не позволяла слезам пролиться.

— Ну вот, — прошептала я. — Теперь всё изменится.

— Надеюсь, — раздался за спиной холодный голос *Элеонор*. — Пошли. У нас много дел.

Элеонор сразу же скрылась за дверью в доме. Я же не знаю, сколько простояла так, глядя на пустую дорогу. Ветер поднимал пыль — мелкую, колючую, она оседала на губах, на ресницах, вьедаясь в кожу, напоминая, что мир продолжается, даже когда твой собственный рушится.

Потом я развернулась и пошла в дом, чтобы взять корзинку для провизии и пойти на рынок вместе с сестрой.

Рынок шумел, переливался красками и запахами. Здесь, в самом сердце *Равенста*, жизнь была ключом, не обращая внимания на наши личные трагедии. Я любила это место: пряные ароматы трав, ветер с реки, мелькание лиц. Эмоции здесь всегда были громкими.

— Что ты хотела взять? — спросила я сестру, когда мы остановились у знакомого прилавка.

— Овощей, фруктов. Рыбу. На что хватит с продажи маминых безделушек, — коротко ответила *Элеонор*, разглядывая сморщенные яблоки. — Арендная плата поступит завтра.

— Она поступит, — заверила я. — У нас есть деньги на этот случай.

Сестра ничего не сказала, только крепче сжала кошель на поясе.

— Я сейчас, — я отступила от неё, заметив знакомую рыжую голову в толпе. — *Улья!*

Моя подруга, цветочница, помогавшая матери собирать лекарственные травы, обернулась. Её лицо осветилось улыбкой — широкой, искренней, такой, которая, казалось, могла прогнать любые тучи. Веснушки на её щеках были похожи на россыпь мелких монет, а глаза — зелёные, с золотыми искрами — смотрели на мир с той лёгкой насмешкой, которая всегда меня в ней завораживала.

— *Лири!* — она обхватила меня за плечи, едва не выронив корзину с сушёным тимьяном и валерьяной. Травы пахли горько и сладко одновременно — как грядущее лето. — Ты как? Я слышала, ваша мама уехала?

— Уехала, — кивнула я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Поэтому, если ты дашь мне зелени в долг, чтобы утешить меня, было бы замечательно — ухмыльнулась я. — все деньги у *Элеонор*.

Улья виновато поморщилась, и её веснушки съехались к переносице.

— Не в этот раз, подруга. Мать убьёт. Сами едва сводим концы с концами.

За её спиной показался *Найтан*. Копна морковно-рыжих волос, застенчивый румянец, вечно сбегающий взгляд зелёных глаз. Он был похож на сестру — такой же яркий, веснушчатый, но в нём не было её лёгкости. И тем не менее, было в нём что-то притягательное.

Я улыбнулась ему — привычно, почти не думая. Тот лёгкий флирт, который ни к чему не обязывает, но заставляет сердце биться чуть быстрее.

— Здравствуй, *Лирия*, — тихо сказал он.

— Здравствуй, *Найтан*, — ответила я, и мой голос, кажется, прозвучал чуть мягче, чем следовало.

Но *Найтан* не поддержал игру. Он тяжело вздохнул, провёл рукой по волосам — рыжие кудри взметнулись и упали обратно, — и перевёл взгляд на пустой прилавок.

— Жаль, нам бы не помешали сейчас настоящие покупатели, — пробормотал он.

Я огляделась. Обычно многолюдная часть рынка, где торговали цветами и травами, пустовала. Здесь же были продавцы резных игрушек из костей, но и к ним никто не подходил. Даже старьёвщик, который всегда стоял в углу и зазывал прохожих скрипучим голосом, сегодня молчал, уткнувшись в свой мешок.

— До праздника ещё две недели, а народу нет, — заметила я. — Странно.

Улья переглянулась с братом. В её глазах мелькнуло что-то, от чего у меня похолодело в груди. Не страх — нет. Что-то другое. Тяжёлое, липкое, как патока, которую не смыть водой.

— Ты забыла? — тихо спросила она. — В этом году — *оброк*.

Моё сердце пропустило удар. Конечно. Как я могла забыть? Раз в десять лет. Традиция, о которой говорили шёпотом, которой боялись, как огня.

— *Оброк*, — повторила я, чувствуя, как слова обжигают губы.

— Вот именно, — кивнул *Найтан*. — Все ждут. И боятся. Боятся, что за кем-то придут. Снова.

Я сглотнула. В прошлый раз мне было девять. Я плохо помнила подробности — отец тогда ограждал нас от этого, но помнила тишину, повисшую над городом, и то, как плакала соседка, чья дочь ушла в лес за *Бронзовую гряду* и не вернулась. Таков был обычай. Плата за мир с бессмертными, установленный Водной девой. Одна девушка раз в десять лет отправлялась на службу к ложно-бессмертным в *Бронзовые земли*. По слухам, предыдущие отобранные помогали вновь прибывшим там обустроиться, и время там длилось иначе, чем по эту сторону гряды. Но это были просто слухи, потому что уже сотни лет никто не возвращался с той стороны. Целым, по крайней мере.

— Думаете, в этом году выберут сами или будет доброволец? — спросила я, и голос мой прозвучал чуть выше обычного.

— Я бы вызвалась, — расхвасталась *Улья*, но в её тоне не было прежней лёгкости. Она смотрела куда-то в сторону, на горы, которые на горизонте казались чёрными и чужими. —

Маме бы заплатили столько медных монет, сколько я вешу, и моя семья жила бы богато ещё не одно поколение.

— А учитывая, что ты не самая хрупкая девочка, — поддел её брат, сжав плечо, — это была бы очень солидная куча монет. Но всё равно — нет. Жизнь моей сестры всего дороже.

Улья фыркнула, но спорить не стала.

А я стояла и смотрела на горы.

Я согласно кивнула. Деньги семье выплачивали обычно управители города, поскольку именно они поддерживали соблюдение проведения обряда, но вот откуда к нам поступали столь драгоценные медные монеты — был большой вопрос. Кто-то склонялся к страшным мыслям: фэйри из-за гряды оставляли плату за девушку в наших лесах, но никто и никогда этого не видел. Вся традиция была покрыта мраком.

А ты бы пошла? — спросила я себя. И не нашла ответа.

— Ты бы мог тогда сам пойти и стать полезным семье, — с ухмылкой бросила Улья, что говорило о её подтрунивании над братом.

— Отбирают только девушек, — прошептал *Найтан*, понижая голос. — Для старых богов. Для тех, кто за Стеной. Кто знает для чего.

— Я думала, что для службы ложно-бессмертным, — возразила я. И шок пронзил меня. — Ты думаешь, их отдают в жертву богам?

— Нет, конечно. Это происходит уже сотни лет. Думаешь, наши отцы отдавали бы своих дочерей, если бы думали, что их приносят в жертву? — заверил *Найтан*. — Но и реальное их назначение нам просто не говорят.

Косторез, расположившийся неподалёку, который высекал острым кинжалом очередную игрушку из кости, усмехнулся, привлекая наше внимание. Мы все втроём посмотрели на него. На голове у него был капюшон, низко спадающий на лицо, чтобы прятаться от солнца, но он откинул его, обнажив своё лицо миру. Каштаново-бронзовые кудри. Острые скулы. Губы, сложенные в полуулыбку, которая не трогала глаз.

А глаза они были тёмными, с золотыми искрами, которые, казалось, видели больше, чем следовало. В них было что-то старое, усталое, будто он смотрел на этот мир так долго и находил его всё более и более скучным.

— Конечно, разве вы могли усомниться, что власть имущие способны солгать своему народу? — усмехнулся он, даже не глядя в нашу сторону. Его голос — низкий, с хрипотцой, как далёкий раскат грома — заставил мурашки пробежать по моей спине. — Неслышанно.

Он отложил кинжал — лезвие тускло блеснуло в свете — и взял в руки маленькую фигурку. Деву с распахнутыми крыльями за спиной. Кость странно мерцала на солнце — переливалась, как перламутр, словно принадлежала не животному, а чему-то, что никогда не ходило по земле.

— Вы думаете, девушки, ушедшие за *Грядой*, и вправду служат? — продолжал он, вертя фигурку в длинных пальцах. Его ногти были чистыми, аккуратными — не как у простого ремесленника.

Я хотела уйти. Внутри всё кричало, что не нужно с ним говорить, что он опасен. Но ноги не слушались — приросли к земле, будто корни проросли сквозь подошвы.

— А что же с ними случается? По-вашему мнению, — спросила я, и голос прозвучал чужим, хриплым шёпотом.

Он улыбнулся. Улыбка не затронула его глаз — те оставались холодными, как зимнее небо.

— Это зависит от того, кому они достанутся. Есть боги, что пьют красоту, как вино. Есть те, что питаются страхом. А есть — он взмахнул рукой, стряхивая костную стружку, которая повисла в воздухе, как мелкая пыльца, — те, что ищут не просто тело, а душу. Чтобы заключить её в клетку.

Улья побледнела. *Найтан* шагнул вперёд, заслоняя сестру, но я не могла пошевелиться. Взгляд костореза приковал меня к месту, как кольцо охотника — птицу.

Он поднял фигурку выше, и солнечный свет пронзил кость насквозь. Мне показалось, что внутри что-то блеснуло — живое, бьющееся, запертое.

— Вы говорите о богах, об истинно-бессмертных, — вырвалось у меня, и я удивилась собственной смелости. — Они не связаны материальными вещами. Но кто-то приносит монеты. Медь. За каждую девушку. Это могут быть только ложно-бессмертные, это

— Ты думаешь, деньги приносят *фэйри*? — он рассмеялся — и смех его прозвучал как звон разбитого стекла, рассыпающийся по мостовой мелкими осколками. — Веришь ли ты в *фэйри*?

Я вздрогнула, а он снова усмехнулся, и в его карих с золотым отливом глазах на миг плеснулась тьма. Он продолжил.

— Нет. Вероятно, их дают свои же, чтобы успокоить совесть. Чтобы думать: мы не продаём дочерей, мы отправляем их на службу. И медные монеты — такая малость за то, чтобы не смотреть правде в глаза.

У меня открылась челюсть. Улья рядом замерла на месте от такого откровенного мнения чужака. Кто он? Не могла вспомнить, видела ли я его здесь раньше. Мой взгляд метнулся к *Найтану*, но он тоже держался настороженно. За такие разговоры нам могло влететь всем, а я и без того имею запятнанную репутацию по самые щиколотки.

Он положил фигурку на прилавок и подтолкнул её ко мне.

— Возьми. Это подарок. Чтобы ты не забывала: правда всегда больше лжи, но ложь убивает медленнее.

Я не хотела брать. Его изречения были странными и пугающими, а в его глазах — золотых, чужих — я видела что-то, от чего хотелось спрятаться.

Но пальцы сами потянулись к холодной кости.

Фигурка лежала на ладони — тяжёлая, не по размеру. И Холодная. Она будто примерзла к пальцам.

— Кто вы? — выдохнула я.

Косторез наклонил голову, и его кудри упали на лицо, скрывая глаза.

— Тот, кто знает, что не лес является самым опасным местом по эту сторону *Гряды*, — сказал он тихо. — Но и не все кости, что мне приходится находить в лесу, принадлежат животным. Я много смотрю, мало говорю. Делюсь мыслями.

— Делайте это осторожнее, в следующий раз, — вставил напряжённо *Найтан*, и я была с ним согласна.

Косторез наклонил голову, и бронзовые кудри упали на лицо, скрывая глаза.

Он поднялся из-за прилавка, и я только тогда заметила, какой он высокий. Выше *Найтана* на голову, а на все две выше меня. Плащ его, серый и невзрачный, при движении вдруг полыхнул изнутри золотом, как закатное небо, и я поняла: этот человек был богат. Слишком богат, чтобы сидеть здесь, в пыли, и резать кости.

Он шагнул в толпу — и та расступилась перед ним, как вода перед камнем. Никто не возмутился, никто не посмотрел вслед. Его будто и не было.

Но на мгновение он обернулся, и его губы шевельнулись в беззвучных словах. Я не услышала, но почему-то поняла:

«Мы ещё увидимся».

— *Лири!* — Улья трясла меня за плечо. — Ты как? Ты побледнела как смерть. Что он тебе сказал?

— Ничего, — я перевела дыхание. — Просто кто это?

— Мы его раньше не видели, — ответил *Найтан*, хмурясь. — Приехал недавно. Говорят, косторез из южных земель. Но я бы не советовал с ним связываться. От него нелюдимым веет.

Я кивнула, но взгляд мой упал на прилавок, где осталась лежать та самая фигурка — маленькая дева с распахнутыми крыльями за спиной. Кость странно мерцала на солнце, и мне показалось, что она смотрит на меня.

— Надо взять, — вдруг сказала я себе под нос и, протянув руку, быстро сунула фигурку в карман передника.

Улья удивлённо моргнула.

— Точно надо мало ли.

— Это же подарок, — ответила я, чувствуя, как холодок пробегает по пальцам. — Может, сгодится на что.

Найтан покачал головой, но ничего не сказал. *Улья* только вздохнула.

— Ладно, надо идти, — бросила я, ощущая, как фигурка будто тяжелеет в кармане, и мы двинулись прочь, но я всё никак не могла отделаться от чувства, что нас кто-то провожает взглядом.

«Мы ещё увидимся».

Ньяду, надеюсь, нет.

Глава 2

— *Улья Бреннан!* — резкий голос пробился сквозь гомон рынка, заставив меня вздрогнуть. Я обернулась и увидела мать Ульи — госпожу *Бреннан*. Она стремительно приближалась к нам, вытирая руки о засаленный передник. Её лицо, обычно приветливое, сейчас было перекошено гневом. — Где тебя носит? Я целый час жду.

Её взгляд упал на меня, и щёки налились ещё более ярким румянцем.

— Опять пришла сюда? Если не покупаешь — уходи! — Её голос был пронзительным, как скрип несмазанной петли, и каждый слог врезался в уши, заставляя вжимать голову в плечи.

— Мама, мы просто разговаривали, — начала *Улья*, но мать перебила её, схватив дочь за локоть.

— Разговаривали? С ней? — госпожа *Бреннан* бросила на меня взгляд, полный презрения, словно я была чем-то неприличным, приставшим к подошве её башмака. — Я же велела тебе держаться подальше от этой семьи. У них нет будущего, нет даже доброго имени! Будешь якшаться с ней — и ждёт тебя такая же судьба старой девы, как у неё и её сестрицы.

— Мам, мы же общаемся с детства, никому не будет никакой разницы... — высоким голом протянула *Улья*.

— Вот именно! — она повысила голос, не скрывая злорадства, переведя уничтожительный взгляд на меня. — С детства, а ты всё так же бедна и опозорена. Тебя замуж не возьмут, хочешь, чтобы и *Улью* считали такой же? Репутация моей дочери мне дороже!

Слова били больнее пощёчин. Не потому что были правдой — а потому что и вправду так считала. *Как и все остальные*. *Элеонор* не опозорила нас. Её опозорили. Но попробуй объясни это женщине, которая всю жизнь измеряла достоинство других тем, как много у них земли и как крепко они держат ноги в стремях. *Улья* побледнела, попыталась вырваться.

— Мама, прекрати! *Лири* не виновата в проступках старшей сестры, — взмолилась *Улья*, и я закусила язык, чтобы не выступить на защиту *Элеонор*. Сделаю только хуже.

Найтан отошёл прочь, делая вид, что занят разбором корзины, которую принесла мать. Наверняка вспомнил, что флирт со мной был под строжайшим запретом.

— Молчи! — Госпожа *Бреннан* дёрнула её к себе. — Идём. *Найтан*, смотри за лавкой. И ты тоже не смей больше с ней разговаривать, слышишь?

Найтан бросил на меня виноватый взгляд, но послушаться мать не посмел. Он кивнул, уставившись в пол, словно меня тут уже не было. *Улья* обернулась, и в её глазах стояли слёзы.

— Прости, *Лири* — прошептала она, прежде чем мать уволокла её прочь.

Я осталась стоять посреди рынка, глотая унижение. Вокруг шептались, тыкали пальцами, но я заставила себя поднять голову. Если сейчас проявлю слабость, они съедят меня живьём.

— *Лири!* — голос *Элеонор* прозвучал резко, как удар хлыста. Она появилась из-за прилавка с рыбой, и её лицо было белым от гнева. — Что здесь произошло?

— Ничего, — выдохнула я. — Просто госпожа *Бреннан* напомнила мне моё место.

Сестра стиснула челюсть. В её глазах полыхнуло что-то опасное, но она лишь кивнула.

— Пошли. Нам нужно купить продукты и убраться отсюда.

Мы двинулись вдоль рядов, но я заметила, что *Элеонор* то и дело оглядывается, словно ища кого-то взглядом. Её пальцы нервно теребили край кошель.

— Ты чего? — спросила я.

— Ничего, — отрезала она, но через мгновение добавила: — Я слышала, что сегодня в город приехал кое-кто.

— Кто?

Элеонор не ответила, но её напряжённая спина говорила сама за себя. Мы купили рыбу, хлеб и немного овощей, и уже собирались уходить, когда у входа на рынок я заметила высокого мужчину в дорожном плаще. Он стоял, прислонившись к столбу, и, казалось, ждал кого-то. Когда наши взгляды встретились, у меня перехватило дыхание.

Это был не косторез. Этот был другим — моложе, с тёмными, почти чёрными волосами, холодными серыми глазами и тонкими, жестокими губами.

— *Элеонор*, — сказал он, когда сестра поравнялась с ним, и в его голосе не было приветствия — только сталь. — Моя дорогая мачеха.

Он насмешливо улыбнулся, не утрачивая холодности в глазах.

Сестра замерла, будто её окатили ледяной водой. Я видела, как побелели её костяшки, сжимающие корзину.

— *Арик*, — выдавила она. Без намёка на приветливость.

Мужчина шагнул к ней, и я инстинктивно подала вперёд, но *Элеонор* остановила меня взглядом.

— Надеюсь увидеть тебя здесь, — продолжал он, окидывая её платье и повязку на волосах с плохо скрываемым презрением. — Живёшь скромно.

— Живу, — отрезала *Элеонор*. — Чего ты хочешь?

Вместо ответа он обернулся и жестом подозвал женщину, стоявшую поодаль. Молодая, с округлившимся животом, в богатом платье, она подошла, опираясь на руку служанки.

— Моя жена, *Лизаветта*, — представил *Арик*, и в его глазах мелькнуло торжество. — Мы ждём наследника. Хотел лично сообщить тебе об этом.

Я почувствовала, как *Элеонор* вздрогнула. Едва заметно, но я была рядом и видела всё.

— Поздравляю, — сухо сказала она.

— Да, — *Арик* подошёл ближе, его голос стал тише, но от того не менее угрожающим. — И, знаешь, в связи с этим я задумался о наследстве. Мой отец был щедр, но, как выяснилось, недалёковиден. Мы не получили твой выкуп при жизни отца, и ты знаешь, что после его смерти на выкуп накладываются проценты. И ещё эти отступные

Он вздохнул, словно столь сложные экономические вычисления его утомляли.

— но дом дом-то принадлежал роду моей матери, а я остался без крова. И по закону, если наследник не рождён в браке, имущество возвращается в род. — Он сделал паузу, словно давая нам время осознать.

У меня нет твоего дома. Его ни у кого больше нет, потому что этот твой отец проиграл его в карты. Спрашивай с тех, кто его забрал.

Он улыбнулся, почти засмущавшись, почти по-доброму. Почти.

— *Элеонор*, я имел в виду твой дом. — Он бросил короткий оценивающий взгляд на меня. — Ваш, дом, поправлюсь. Ты же *Лирия*, верно? Так выросла с момента, когда мы виделись в последний раз.

Я оторопело заморгала, но *Элеонор* пошла в атаку.

— Ты его не получишь. С чего ты решил, что он тебе положен?

— Плата, которую ты вносишь, слишком маленькая. И слишком долгая. Сколько мне ждать, пока ты по паре железных монет в месяц мне выплатишь всю сумму? Через десять лет? Двадцать? А малыш родится уже через пару месяцев, — он махнул рукой в сторону *Лизаветты*, которая вся сжалась от напряжения. Явно не так она планировала встречу с единственным родственником мужа и носителем его фамилии.

— У нас был договор, — проговорила *Элеонор*. — Твой отец

— Мой отец мёртв, — перебил *Арик*. — А я намерен обеспечить будущее своего сына. Так что подумай, *Элеонор*. Долг твой платить ещё долго, а дом дом может быть продан с торгов, если ты не найдёшь способа погасить задолженность в ближайшее время.

Моё сердце пропустило удар, но я не смела вмешиваться, хотя уже очень сильно хотелось послать этого напыщенного индюка.

— Дом моей семьи не ставится на кон в качестве залога. И точка. Я этого не допущу, — отрезала сестра, её кулаки уже были просто белыми от того, как она сжала их вместе.

— А разве ты решаешь? Насколько я помню, и у вас нет наследника по мужской линии. Объявится какой-нибудь ублюдок вашего папеньки и заберёт поместье, и плакали мои

Его речь оборвалась громкой и резкой пощёчиной. Я с ненавистью смотрела на этого самомнительного недомерка. Ладонь горела — не от боли, а от резкого, почти сладкого удовлетворения. Я никогда не била людей. Никогда не думала, что способна. Но сейчас, глядя, как он хватается за щеку с выражением оскорблённого достоинства на мерзком лице, я поняла, что эта пощёчина была не его. Она была тем, кто оставил нас в таком положении. Моя рука опустилась.

Арик вытаращился на меня, словно бы только заметив, что я тоже стою здесь.

— Не смей. Говорить. Про отца, — чеканя каждое слово, бросила ему, переведя взгляд на свою сестру. Милостивые боги, *Элеонор* улыбалась. Не той каменной, дежурной улыбкой, которую она носила, как щит. А настоящей — горькой, хищной, почти злой. Такой я не видела её с детства. И эта улыбка сказала мне больше, чем любые слова: она была довольна. Не тем, что я ударила, — тем, что я не смолчала.

— Моя сестра точно так же, как и я, наследует поместье, согласно завещанию нашего отца. Думаю, теперь ты будешь учитывать и её мнение, — с толикой довольства произнесла *Элеонор*. Она кивнула на жену *Арика*: — Советую вам меньше волноваться. У вас сейчас и так сложное время.

— Я пойду к распорядителю, и ты, — он ткнул пальцем в *Элеонор*, придерживая другую руку у красной щеки, — и ты, — ткнул теперь пальцем в меня, — вспомните, что такое уважение, когда ваш дом будет описан и всё имущество перейдёт ко мне. Я был добр, — отбирая у нас каждую свободную монету, — давал вам время. Ну так теперь время заканчивается. У вас месяц.

Он ушёл, а мы остались стоять среди рынка, где продавцы уже отводили взгляды, делая вид, что ничего не слышали.

Мы стояли и смотрели им вслед, на душе было беспокойно, угроза казалась совершенно реальной.

— У нас есть шанс найти лазейку в вашем брачном договоре? Или он правда может продать наш дом? — дрожащим голосом спросила я. Сестра продолжала смотреть вслед «пасынку», нервно стискивая кончик своей тёмно-каштановой косы.

— Эти брачные контракты составляются таким образом, чтобы только мужчины остались в выгоде. Девушек они не защищают, — ответила она. — Мой предусматривал выкуп, если брак не будет consummated или не принесёт наследника. Я я не смогла дать им его. Значит, мы платим. — Она развернулась ко мне, схватив за плечи: — Но я что-то придумаю. Раздобуду деньги.

— Давай вместе что-то придумаем. Ты всегда за всех отдуваешься, — встряла я, перехватывая её руки. — Вдвоём всяко больше шансов.

Она вздохнула и посмотрела почти снисходительно.

— Если честно, шансов маловато, *Лири*.

Что мы можем придумать? Нас двое, у нас нет ни состояния, ни связей, ни надежды на лучшее. Мать уехала, отец мёртв, репутация разрушена. «И правда, маловато».

Тут нужна целая гора монет, чтобы всё решить. И желательно — медных.

Она отпустила мою руку и пошла прочь, выпрямив спину, но я видела, как дрожат её плечи.

Домой мы возвращались в молчании. Я перебирала в голове все возможности, но их было так мало. Работа? Мы и так работаем на износ. Продажа имущества? Почти всё уже продано. Остались лишь стены, да и те под угрозой.

Я не сразу поняла, откуда она взялась — эта мысль, липкая и холодная, как змея, выползшая из щели. Она зародилась не из слов Арика и не из нашего отчаяния. Она пришла с рынка, от того костореза с золотыми глазами, который сказал: «Медные монеты — такая малость за то, чтобы не смотреть правде в глаза». А что, если посмотреть? Что, если взять эту правду — продать себя — и обменять на жизнь сестры?

Оброк.

Глава 3

Две недели до Рахмы тянулись, как вязкая смола. Каждый день я просыпалась с мыслью о медных монетах, о долге, о доме, который мог в любой момент уйти из-под ног. *Элеонор* делала вид, что всё под контролем, но я видела, как она по ночам сидит у окна, пересчитывая жалкие остатки наших сбережений.

Я тоже считала. Снова и снова.

Мы перерыли весь дом в поисках того, что ещё можно продать. *Элеонор* вытащила старый отцовский сюртук — тонкое сукно, но с протёртыми локтями. Я нашла в чулане медный подсвечник с погнутым краем. Сестра молча сложила всё в холщовый мешок и ушла на рынок, а когда вернулась, в её кошельке звенело жалкое количество монет.

— Меньше, чем в прошлый раз, — сказала она, не глядя на меня. — Старьёвщик сказал, что вещи старые и никому не нужны.

Я взяла несколько медяков в руки. Они были холодными и шершавыми, словно сама судьба имела такую текстуру.

— Может, попробовать отнести в другой квартал? — предложила я.

— Там нас не ждут. — *Элеонор* усмехнулась горько. — У нас репутация хуже любой просроченной рыбы.

Она ушла в свою комнату и закрыла дверь. Я осталась в кухне, перебирая в голове всё, что мы могли бы сделать. Работа? Мы и так работаем на износ. Занять? Не у кого, да нам и не дадут, зная наше положение. Попросить у матери? Она сама теперь живёт на подаянии тёти.

Из-за закрытой двери донёсся звук. Тихий, приглушённый. Я замерла, прислушиваясь. Это было похоже на плач. *Элеонор* — моя железная, негибкая сестра — плакала. Слезы, которые она никогда не позволяла себе при мне, сейчас прорывались сквозь щели старой двери, смешиваясь с воем ветра за окном.

От этих звуков у меня защемило сердце, и слёзы навернулись на глаза.

Положение — *крах*.

Я сделала шаг вперёд, чтобы постучать, но рука застыла в воздухе. Она не хотела, чтобы я видела её слабость. Никогда не хотела.

А может, это просто ветер выл в печной трубе. Может, мне показалось.

И я ушла, оставив всхлипы позади, чтобы вдохнуть свежего воздуха, который хоть немного прочистит голову.

На следующее утро *Элеонор* встала затемно. Я слышала, как она возится в прихожей, надевая рабочие сапоги.

— Ты куда? — спросила я, спускаясь по лестнице.

— На мельницу, — ответила она, не оборачиваясь. — Господин *Лье* сказал, что нужны рабочие руки перед праздником. Платят медяк в день.

— Но ты же не обязана

— *Я обязана, Лири*. — Она повернулась, и я увидела её лицо — уставшее, но решительное. — Мы обязаны выжить. Если для этого нужно молоть зерно до кровавых мозолей — я буду молоть.

Она вышла, хлопнув дверью. Я смотрела в окно, как её тёмная коса мелькает между кустами, пока сестра не скрылась за поворотом.

А значит, с меня — завтрак для наших постояльцев и грязная работа по дому на весь день.

Вскоре я взяла корзину и отправилась в поля за домом. Собрать полевые цветы и лекарственные травы было моей работой с детства — этому учила меня няня *Олена*, ещё с тех времён, когда у меня была няня. Ромашка, зверобой, тысячелистник, мята. Я знала, где растёт самое лучшее сырьё, и могла продать его на рынке дороже, чем обычные торговцы.

Но сейчас даже лучшие сборы не спасали.

Я срезала стебли валерианы, складывая их отдельно от цветов, и думала о том, сколько ещё нужно набрать, чтобы выручить хоть немного. Корзина наполнялась медленно, а время подгоняло.

В полдень я тайком пробралась на рынок — к тому месту, где *Улья* иногда торговала, когда мать отпускала её одну. Сегодня ей повезло: госпожа *Бреннан* осталась с отцом, и *Улья* стояла за прилавком одна, нервно оглядываясь по сторонам.

— *Лири!* — выдохнула она, увидев меня. — Быстро, пока никто не видит.

Я выложила травы. *Улья* быстро оценила их взглядом, прикидывая цену.

— Сушёный зверобой хорош, ромашка тоже. Валериана свежая?

— Вчера собирала, — кивнула я.

Она достала из-под прилавка завернутые в тряпицу монеты. Я видела, как она колеблется.

— Я могу дать только половину обычной цены, — прошептала *Улья*. — Мать забрала почти всё. Если узнает, что я покупаю у тебя

— Я понимаю. — Я взяла монеты, даже не пересчитывая. Они тут же исчезли в кармане.

Улья сжала мою руку.

— У вас всё будет хорошо, — сказала она, но в её глазах я читала сомнение.

— Обязательно, — ответила я, не веря своим словам.

Я ушла, пока никто не заметил. В кармане звенело жалкое подобие богатства, и с каждым шагом я понимала: этого не хватит даже на новый угол для крыши.

Дома я пересчитала деньги. Мелочь. Крохи.

Мы с *Элеонор* работаем, продаём, экономим — но долг не уменьшается. Проценты растут. *Арик*, наверное, уже потирает руки, представляя, как вышвырнет нас на улицу.

Мысли об *оброке* возвращались снова и снова, как зубная боль. Я гнала их, но они возвращались, обрастая мрачными деталями: девушки, ушедшие за *Грядю*, медные монеты, которых хватит на всё и тишина, которой они платили.

Но я ещё не решилась.

За три дня до *Рахмы* небо почернело внезапно, как будто кто-то задул единственную свечу в комнате. Ветер налетел с востока, рванул ставни, и первые тяжёлые капли упали на землю с такой силой, что подняли пыль столбами.

Мы с *Элеонор* едва успели закрыть окна, когда грянул гром — раскатистый, злой. А следом, ослепляя, ударила молния.

Я зажмурилась, и в тот же миг раздался треск, от которого земля, казалось, ушла из-под ног.

— Дерево! — крикнула *Элеонор*, но я уже всё поняла.

Старый дуб у самого дома, тот самый, под которым мы в детстве играли в куклы, раскололся надвое. Огромная часть рухнула прямо на веранду, проломив перила и завалив часть крыши.

Мы выбежали на крыльцо под ливень. Вода заливала лицо, мешая смотреть, но я видела достаточно: крыша над кухней была пробита, балки торчали в разные стороны, а веранда превратилась в груды щепок.

— Никто не пострадал, — прошептала *Элеонор*, словно проверяя, не ошиблась ли.

Я кивнула, чувствуя, как страх сменяется отчаянием. Удар пришёлся на угол дома, там, где мы хранили инструменты и сушёные травы. Если бы мы сидели на веранде, как часто делали по вечерам

— Нам нужно чинить, — сказала я, перекрикивая ветер.

— На что? — Голос сестры был пустым. — У нас нет ни денег, ни лишних досок, ни рук. *Лье* за помощь на мельнице дал мне только мешок муки и обещание.

Я смотрела на обломки. Всё шло наперекосяк. Долг, дом, теперь ещё и эта гроза. Словно сам *Ньяду* решил добить нас.

— Я достану доски, — сказала я твёрже, чем чувствовала. — У *Найтана*, может быть, есть лишние. А крышу починим сами.

Элеонор посмотрела на меня долгим взглядом, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на надежду. Или на прощание.

— Хорошо, — сказала она. — Починим.

Я так и не попросила доски у *Найтана*. На следующий день, когда мы с *Элеонор* разбирали завал, к нам пришёл *Арик*.

Он стоял на дорожке, в дорогом плаще, даже не промокшем под мелким дождём, и смотрел на разрушенную веранду с плохо скрываемым удовольствием.

— Слышал, у вас неприятности, — сказал он, не здороваясь.

— У нас всё хорошо, — отрезала *Элеонор*, выпрямляясь. Её руки были в садинах, платье испачкано, но спину она держала прямой.

— Вижу. — *Арик* усмехнулся. — Я к вам по делу. Срок подходит к концу через две недели, а увеличенные платежи ко мне не поступали ещё. Если до *Рахмы* вы не внесёте хотя бы половину, я передаю дело управителю. Дом будет описан.

— Ты не посмеешь, — прошипела *Элеонор*.

— Посмею. И ты это знаешь. — Он широко и неожиданно улыбнулся. С намёком. — Если только не найдётся альтернатива.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

Арик пожал плечами.

— В городе говорят, в этом году ищут добровольцев на *оброк*. Плата за девушку — больше ста медных монет. Этого хватит и на долг, и на новый дом.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Вот они, мои мысли, озвученные этим засранцем. Но постаралась не подать виду, что меня это интересует.

— Ты предлагаешь мне продать себя на службу ложно-бессмертным? — голос *Элеонор* был тихим и страшным.

— Я предлагаю решить вопрос. — *Арик* развернулся, не дожидаясь ответа. — Думайте. Времени у вас мало.

Ох, только бы она не начала думать в этом направлении. Сестре приходилось тяжело каждый день на протяжении последних шести лет.

Одно дело выйти замуж в шестнадцать, и совсем другое — стать в восемнадцать вдовой с долгами за плечами. Она тянула эту лямку, когда собственные родители относились к ней с презрением: мать винила, что она не смогла родить наследника мужу в возрасте, отец винил, что на него легли непосильные долги. Вот только отец сдался, дошёл до банкротства, а потом и пьянства, что и привело к ранней смерти. А она не сдавалась и каждый день продолжала бороться за нашу жизнь. *Ей нельзя на оброк*, это было уже слишком много для одного человека.

Но была ещё я.

Он ушёл, а мы остались стоять среди обломков, и дождь, казалось, зарядил с новой силой.

В ту ночь я почти не спала. Смотрела в тёмный потолок и слушала, как за стеной *Элеонор* ходит из угла в угол. Она тоже не могла уснуть.

Я думала о словах *Арика*. Сто медных монет. Сумма, которая казалась нереальной, когда мы пересчитывали жалкие *железянки* в кухне. Сумма, которая могла решить всё.

Но цена была слишком высокой.

Накануне *Рахмы*, вечером, когда последние приготовления к празднику уже были сделаны, а *Элеонор* ушла в город за какими-то припасами, я услышала стук в заднюю дверь.

Улья стояла на пороге, закутанная в старый плащ. Её лицо было белым, глаза красными — она плакала.

— *Лири*, я должна тебе кое-что сказать, — начала она, и голос её дрожал.

Я впустила её, усадила на лавку, налила воды.

— Отец вчера днём он упал, — выдавила она. — Не мог дышать. Такое было и раньше, но на этот раз мать послала за лекарем. — Она всхлипнула. — Тот сказал, что если не начать лечение через три дня — *Улья* закрыла лицо руками, плечи её тряслись. — Ему осталось меньше двух недель.

Я обняла её, чувствуя, как слёзы закипают в собственных глазах.

Она открывала рот и закрывала его, словно не решалась что-то озвучить. Её пальцы на обеих руках свернулись в кулак.

— Я пойду на *оброк*, — прошептала *Улья*. — Завтра ночью. Я уже оставила имя у управителя.

— Что? — я отстранилась, глядя на неё с ужасом. — Когда?

— Сегодня. Сейчас. Я ждала, чтобы сказать тебе. Я знала, что ты будешь против. — Она сжала мои руки. — Но я должна, *Лири*. Ради отца. Ради семьи. Если я не сделаю этого, он умрёт, и мать никогда мне этого не простит. Это мой единственный шанс послужить своей семье.

Я смотрела на неё, и в голове проносились обрывки мыслей. Слишком много совпадений. Ещё две недели назад она просто шутила на эту тему. А теперь уже решила на самый отчаянный шаг, какой только мог быть.

— Ты не вернёшься, ты осознаёшь это? — отчеканила я, не уверенная, для кого именно это говорю. — Всем придётся продолжить жить так, как будто тебя уже нет.

— Они — моя семья, — заверила она, и в покрасневших глазах разгоралась настоящая решимость.

Вот бы и мне хватило храбрости так поступить. И если решусь, заплатят ли нам обеим? Обычно кандидатур больше чем одна не выдвигалось. По крайней мере, на моей памяти. Наверняка за сотни лет существования традиции такое уже случилось. Нужно будет уточнить этот вопрос у распорядителя.

— Просто скажи, что поддерживаешь меня, — взмолилась она. — Мне так нужен сейчас твой толчок. Скажи, что я поступаю правильно.

— *Улья*, — я вздохнула, проглатывая кислоту, — от моих слов ничего не изменится. Ты знаешь это. Считаю ли я это безумством? Да. — Я помолчала, но затем, смягчив голос, продолжила: — Но твоя цель благородна, ведь в конце концов, речь идёт о твоей семье. Даже если им будет больно потерять тебя.

Она сжала мою руку, едва прошептав: «*Спасибо*».

— Но я не хочу, чтобы ты отправлялась одна в лес, — возразила я. — Я пойду с тобой.
Решение было принято.

Глава 4

День Рахмы наступил неожиданно ярким, словно сама природа забыла о вчерашней грозе. Солнце заливало улицы золотистым светом, и даже воздух казался праздничным — чуть солоноватым от речных испарений, но свежим, пьянящим. Город с самого утра гудел, как потревоженный улей. Повсюду развевались зелено-голубые ленты — в знак глубины речных вод *Калуе*, и оранжевые — цвета огня, который ярк, как человеческая жизнь. На перекрёстках жгли благовония, и дымок ладана смешивался с ароматами свежей выпечки и жареного мяса.

— Сегодня ты обязана пойти на праздник, — сказала я *Элеонор*, когда мы заканчивали уборку. — Ты же помнишь, что в *Рахму* нельзя работать после полудня. *Ньяду* рассердится, и тогда

— *Ньяду* уже сердится, — парировала она, и я уставилась на неё. Она кивнула в окно. — Иначе бы шёл дождь. *Поверие*, *Лирия*, про дождливую погоду и благодать *Ньяду*.

В моей голове что-то щёлкнуло. Точно, благословением в *Рахму* считался именно дождь. Но ведь в него особо не погуляешь, а сегодня я была намерена гулять как в последний раз. Потому что он таким и был.

В её глазах впервые за много дней мелькнуло что-то живое.

— Хорошо. Пойдём.

Я почти не поверила своим ушам. Последние недели она была так погружена в работу и переживания, что я боялась даже заикнуться о развлечениях. Но *Рахма*, кажется, творила чудеса. Или она просто почувствовала, что мне нужен этот день.

Мы надели наши лучшие платья — не новые, но выстиранные и выглаженные. *Элеонор* заплела мне косу, вплетя в волосы голубую ленту, которую я хранила ещё с детства. Сестра тоже принарядилась, хотя её наряд оставался строгим, почти траурным, и несмотря на уже почти летнюю жару, её руки и плечи были полностью закрыты, как и всегда.

— Идём, — сказала я, беря её за руку. — Я хочу увидеть всё. И танцевать. И есть пироги с рыбой, пока не лопну.

— Не лопни, — сухо ответила она, но уголки её губ дрогнули в улыбке.

Главная площадь *Равенста* утопала в цветах. Жители вынесли столы прямо на мостовую, и воздух был полон музыки — дудки, волынки, звонкие бубны. Дети бегали между взрослыми, размахивая бумажными корабликами. Женщины в ярких передниках разносили угощение.

— Смотри! — *Элеонор* указала на группу ряженных, которые изображали водяных духов. Они были в зелёных балахонах, обвешанных ракушками и речными камнями, и плясали вокруг бочки с водой, выкрикивая древние здравицы.

Я засмеялась, и смех этот показался мне чужим, давно забытым. Как давно я не смеялась? Месяц? Год?

Мы ели жареную рыбу, макая её в сметану с зеленью, пили яблочный сбитень, который грел изнутри, и я старалась запомнить каждую секунду. Вот *Элеонор*, откинув голову, слушает песню менестреля, и впервые её лицо расслаблено. Вот она кивает старому торговцу, который когда-то знал нашего отца, и тот, улыбаясь, подносит ей кружку. Вот мы танцуем вместе с другими девушками, взявшись за руки, и я чувствую тепло её пальцев. Я старалась запомнить всё, по чему буду так горько скучать потом. Если это «потом» у меня будет.

Мы с *Ульей* тайком отправились к распорядителю. Я оставила своё имя и почувствовала, как тяжесть каменной глыбы легла мне на грудь. Отступать было некуда. В списке на *оброк* теперь значилось два имени. Больше желающих не нашлось. Мы попросили держать это в тайне от наших семей и от кого-либо ещё и уточнили, заплатят ли нашим семьям за нас обеих, если мы пойдём вдвоём. Нас тут же остудили: заплатят, но только если обе девушки смогут пересечь *Гряды* живыми. Ранее уже были попытки попасть несколькими кандидаткам, но только самым

удачливым удалось это сделать всего пару раз, согласно «*Писанию первых*», просветил нас распорядитель.

Это должно было уничтожить нашу решимость, но проблемы, что терзали нас здесь, были куда серьёзней, чем мы сами. Мы не могли подставить свои семьи.

Поэтому сегодня я веселилась открыто, радостно, исключая мысли из головы, что время, отведённое мне здесь, уже почти закончилось. Но такой чудесный день стремительно заканчивался, солнце клонилось к закату, и тени начали удлиняться. И ни одной тучки за день на небе не появилось — можно ли это было считать дурным ознаменованием, я не знала.

— Мне нужно кое-что сделать, — сказала я сестре, когда толпа стала редеть. — Ты иди домой, я догоню.

— Не задерживайся, — ответила *Элеонор*. — Завтра рано вставать.

Она ушла, а я осталась на площади, глядя, как её тёмная фигура растворяется в сумерках. Сердце сжалось. Я знала, что больше никогда не увижу её здесь, среди этих огней, но я запомню её такой.

Выждав время, я всё же вернулась домой, но направилась не к крыльцу, а к кухонному окну. Внутри было тихо — *Элеонор*, наверное, уже легла. Я осторожно открыла створку, просунула руку и положила на подоконник сложенный вчетверо лист бумаги. Тот самый, который писала вчера, когда она спала.

«Элеонор, моя дорогая сестра. Если ты читаешь это, значит, я уже ушла туда, откуда не возвращаются. Не ищи меня. Я сделала это ради тебя, ради дома, ради нашей семьи. Потому что ты уже несла огромные жертвы ради меня, ради нашей семьи, которая так с тобой обошлась. Теперь жертвовать буду я.

Ты заслуживаешь жизни без долгов и унижений. Ты заслуживаешь счастья. Распорядись деньгами правильно и, прошу, начни уже жить.

Прости, что не сказала тебе в лицо. Я бы не выдержала, даже писать это мне было больно. Мы не говорили этого друг другу, но я люблю тебя, Лени, и знаю, что я единственная на свете, кого любишь ты. Но теперь тебе нужно будет меня отпустить.

Помни: я всегда буду с тобой, в каждом ветре, в каждой капле дождя. Обещаю постараться выжить там, где я окажусь.

Твоя младшая сестра, Лири».

Я задвинула письмо за горшок с сушёной мятой — туда, где она обычно искала свои травы по утрам. Потом зажмурилась, прогоняя слёзы, и пошла прочь.

Улья ждала меня у старой мельницы. Мы заранее спрятали здесь котомки с самым необходимым — хлеб, вяленое мясо, фляги с водой, тёплые платки. В городе нас уже ждали — распорядитель выделил пятерых мужчин, которые должны были сопровождать нас до самой *Гряды*. Я никого из них не знала, и от этого неприятное ощущение в животе стало только острее. Но мы сами попросили не впутывать в это наших знакомых. *Как бы не пришлось об этом пожалеть.*

Мы двинулись в путь, когда луна уже поднялась высоко. Лес встретил нас прохладой и густыми тенями. Тропа, указанная распорядителем, вилась между старыми деревьями, и я то и дело оглядывалась, чувствуя чей-то взгляд. Но позади была только ночь.

— Как прошло твоё прощание с сестрой? — тихо спросила *Улья*. Она была бледна и непривычно сдержана, но я вполне могла понять её состояние.

— Я написала ей письмо. Не смогла сказать лично, — я вспоминала образ *Элеонор*, исчезающий в праздничных огнях вечера. — Она бы не отпустила.

— Как и *Найтан*, — её голос дрогнул на имени брата. — Я нарисовала ему рисунок, с пояснением, куда ушла.

Между нами воцарилось молчание. Не все из нас умели читать и писать — далеко не у всех были няни и средства на учителей. Моё детство дало мне такую возможность, а *Улье* её — нет.

— Они поймут. Ведь деньги спасут твоего отца, — я сжала её руку, продолжая идти.

Наши охранники даже не смотрели на нас, вглядываясь в тьму леса. Мы шли всего с двумя факелами, их света хватало лишь на пару шагов вперёд.

— Не бойся, — шепнула я. — Мы всё сделали правильно.

Хотя у самой в груди всё сжималось от дурного предчувствия.

Улья хмыкнула в ответ, одолеваемая своими эмоциями.

— Мы всё сделали правильно, — повторила она неестественно спокойным голосом.

Лес становился всё глуше. Деревья здесь росли так тесно, что ветви сплетались в сплошной полог, и факелы гасли в сыром воздухе — их приходилось зажигать снова и снова. Корни выступали из земли, точно кости древних чудовищ, и я то и дело спотыкалась. Влажный мох скользил под ногами, и запах прелой листвы смешивался с чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным, таким, от чего начинало кружиться голова.

— Что это? — прошептала *Улья*, прижимаясь ко мне.

Я не ответила. Где-то в глубине леса раздался звук — не крик, не вой, а что-то среднее между стоном и шепотом. Он длился всего мгновение, но я замерла, и сердце пропустило удар.

— Ветки скрипят, — сказал один из мужчин, но голос его дрогнул.

Старший, седой, с глубокими морщинами вокруг глаз, поднял руку, и мы снова остановились. Он долго вглядывался в темноту, его голова была напряжена, как у пса, взявшего след.

— Нам нужно спешить, — сказал он наконец. — Этот лес очень опасен.

Мы ускорили шаг, насколько позволяла тропа. Но ноги словно вязли в земле, и каждый следующий шаг давался тяжелее. Воздух стал плотным, как перед грозой, и я с трудом переводила дыхание. Факелы горели тускло, их свет едва доставал до ближайших деревьев, и мне казалось, что за пределами этого скудного круга что-то движется.

— *Лири*, — шепнула *Улья*, и я почувствовала, как её пальцы впиваются в мою руку. — Ты тоже это чувствуешь?

Я кивнула. Страх поднимался изнутри медленно, как масло на воде. Он не был паническим — он был вязким, тягучим, заполнял грудную клетку, мешая дышать. В ушах зашумело, и я вдруг поняла, что тишина вокруг стала абсолютной. Не было больше ночных птиц, не было треска цикад. Даже ветер затих, словно лес затаил дыхание.

— Стойте, — приказал старший, обнажая меч.

Мы замерли. Я смотрела, как он медленно поворачивается, вглядываясь в темноту. Его меч тускло блеснул в свете факела.

— Кто здесь? — спросил он в пустоту.

Ответа не было. Но я вдруг поняла, что впереди, между стволами, что-то есть. Не тень, не обман зрения. Что-то большое, тёмное, неподвижное. Оно ждало.

— Уходим, — сказал старший, и в его голосе впервые прозвучал страх. — Быстро.

Мы бросились вперёд, но земля под ногами вдруг стала вязкой, как смола. Факелы метались, и я видела, как деревья вокруг нас меняются — их кора покрывалась какой-то слизью, а ветви тянулись к нам, точно руки.

— Не останавливаться! — крикнул кто-то.

Я бежала, спотыкаясь о корни, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. *Улья* была рядом, её дыхание сбивалось, но она не отставала. Вдруг один из мужчин вскрикнул, и я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как он падает на колени. Его лицо было белым, глаза вытаращены, и он указывал дрожащей рукой вперёд.

— Там

Я перевела взгляд.

Между деревьями стояла **оно**. Существо было огромным, выше любого человека, и его очертания не были чёткими — словно кто-то вылепил из грязи и корней подобие тела, но забыл придать ему форму. От него тянуло холодом, таким сильным, что у меня перехватило дыхание.

— Стойте, — прошептал старший, но его голос дрожал. — Не двигайтесь.

Мы замерли. Оно не шевелилось. Оно просто стояло, и в этой неподвижности было что-то более страшное, чем любой крик или угроза.

— Что это? — выдохнула *Улья*.

— Тихо, — прошипел старший.

В следующее мгновение факелы погасли. Не задуло ветром, не кончилось масло — просто свет исчез, будто кто-то накрыл его ладонью. Мы оказались в темноте, такой густой, что я не видела собственной руки.

— Зажигайте! — закричал кто-то, и я услышала, как звенит кресало, но искры гасли в сыром воздухе, не давая огня.

А потом тишина лопнула.

Вопль, раздавшийся слева, заставил меня подскочить на месте. Я услышала треск ломающихся костей, влажный хруст, и тело упало на землю. Кто-то закричал — нечеловеческим, полным боли голосом, и этот крик оборвался так же внезапно, как и начался.

— Бегите! — заорал старший, и я почувствовала, как чья-то рука толкает меня в спину.

Я побежала, не разбирая дороги, увлекая за собой *Улью*. Ветви хлестали по лицу, ноги скользили по мху, и я молилась всем богам, которых знала, чтобы мы успели, чтобы выбрались, чтобы

Позади раздался ещё один крик, и я поняла, что нас осталось четверо. Потом кто-то закричал снова — и стало трое. Потом я услышала голос старшего, полный ужаса, и тут же — глухой удар, от которого земля содрогнулась.

Куда бежать? Куда?!

— Не оглядывайся! — закричала я *Улье*.

Мы бежали дальше, просто прямо, и я чувствовала, как силы покидают меня. Лёгкие горели, в глазах темнело, но я не останавливалась. Позади слышался лязг мечей, но он как будто затихал. То ли мы отрывались, то ли там просто больше некому было бороться.

Тьма вокруг стала почти осязаемой, и я уже не видела тропы, только угадывала её по тому, как ветки расступаются перед нами.

Вдруг нога *Ульи* подвернулась, и она упала, вскрикнув от боли.

— Вставай! — я рванула её за руку, пытаюсь поднять, но *Улья* была больше меня, моя попытка оказалась бесполезной. Мои руки были слабенькие и тоненькие, как щепки.

— Не могу, — прошептала она. В этот момент луна показалась сквозь густые кроны деревьев, и я разглядела её — я увидела в её глазах такой страх, что у меня свело живот. — *Лирия*, беги

Я не успела ответить. Лунный свет распространился чуть дальше и упал на жуткое чудовище.

Его тело было сплетением бугорчатых мышц под бледной — почти прозрачной — кожей. Клыки выступали вперёд над неестественно-широкой челюстью, и с них капала кровь. Глаза — две пустые чёрные дыры — смотрели прямо на нас, и в них не было ничего, кроме голода. Оно двигалось медленно, словно наслаждаясь нашим ужасом, и каждый его шаг заставлял землю вздрагивать.

— *Улья* — прошептала я, пятясь назад.

Она пыталась встать, но нога не слушалась. Её лицо было белым, как полотно, и я видела, как слёзы текут по щекам.

— Беги, *Лири*, — повторила она. — Пожалуйста.

Но я не могла. Не могла оставить её.

Совсем недавно я слушала истории о чудовищах от *Ани*, от которых не могла потом спать по ночам без кошмаров. Сейчас этот кошмар ожил. *Стрыга*, кажется, так **это** называлось.

Существо наклонилось, его длинные узловатые пальцы сомкнулись на плече *Ульи*. Она даже не успела закричать — только взглянула на меня, и в этом взгляде было всё: прощание, любовь, боль. А потом раздался звук, который я не забуду до самой смерти: хруст ломающихся костей, треск разрываемой плоти, и крик — дикий, полный агонии, который оборвался так же внезапно, как и начался.

Кровь брызнула на моё лицо. Тёплая, липкая. А голова моей подруги с ужасным звуком упала возле моих носков. В тот миг что-то во мне оборвалось — тонкая нить, связывающая меня с нормальной жизнью, с домом, с надеждой на возвращение.

— **НЕТ!** — закричала я, не понимая, кричу ли вслух, или только в своей голове.

Стрыга подняла голову. Его пасть была перепачкана кровью, и он уставился на меня, облизывая длинным, раздвоенным языком почерневшие губы.

— Ещё одна, — прошептал его голос, похожий на скрежет камней. — Сладкая
Я оторопела, услышав человеческую речь, ужас сковал меня до самых лёгких.

Я хотела бежать, но ноги не слушались, хотела вздохнуть, но воздух горел в лёгких, не находя выхода. Тело стало чужим, тяжёлым, и я могла только смотреть, как тварь приближается, как его когти тянутся ко мне, как раскрывается пасть, пахнущая смертью.

Я уже чувствовала его дыхание на своей шее, когда из темноты вынырнули три тени.

Они двигались бесшумно, стремительно, и, во имя богини смерти *Морены*, невероятно быстро. В тот же миг воздух разрезал свист мечей. *Стрыга* взвыла — нечеловеческим, полным боли воплем, *но тени наседали*. Запахло железом и гнилью. Я видела, как лезвия входят в его тело, как он истекает чёрной жидкостью и бросается в лес, но не могла пошевелиться. Две тени — не тени, люди в длинных мантиях — бросились за ним. Перед глазами всё расплывалось, сознание ускользало, и последнее, что я помню, — как кто-то опускается рядом, касается холодными пальцами моего лица и командует. Кажется, я увидела лицо под мантией, но не могла сфокусировать взгляд.

— Если ещё жива — то беги.

Но я не могла. Всё окончательно залилось тьмой, и я провалилась в неё.

Очнулась я от холода. Земля подо мной была сырой, небо над головой — серым, пред-
рассветным. Я лежала на краю леса, и вокруг не было никого. Только в нескольких шагах вид-
нелись остатки костра, погасшего много часов назад, да на ветке висела чья-то накидка.

Я попыталась сесть, и тут же рядом раздался голос:

— Наконец-то.

Я обернулась и увидела его.

Косторез. Он сидел на поваленном стволе, небрежно перебирая в пальцах маленькую
костяную фигурку. Его каштаново-бронзовые волосы были растрёпаны, а глаза в утреннем
свете казались почти золотыми.

— Вы — прошептала я.

— Я, — ответил он, переводя взгляд на меня. — *Мелантир Лорентайр*, — представился он.

— Моя подруга. *Улья* — слова застряли в горле.

— Я знаю, — его голос стал мягче. — Это была жестокая смерть. Но она была не
напрасна. Ты жива.

Я попыталась встать, но ноги подкосились. *Мелантир* оказался рядом мгновенно, подхватив меня под локоть.

— Твоя подруга умерла, — сказал он, и в его голосе не было фальшивого сочувствия, только спокойная правда. — Но ты должна идти дальше. На тебе нет ран, я проверил, поэтому нужно поспешить. Ты уже опаздываешь.

— Куда? — выдохнула я, и в моём голосе прозвучало такое отчаяние, что я сама испугалась. Он говорил о моей подруге, как о сломанной ветке, а меня торопил идти дальше, будто ничего не случилось.

Он кивнул в сторону, где между деревьев смутно угадывалась серая полоса — *Бронзовая гряда*. Оттуда тянуло холодом и чем-то древним, нечеловеческим.

— Туда, куда ты сама хотела. *За Гряды. В Бронзовые земли.*

Глава 5

Я никуда не собиралась. Мне хотелось снова потерять сознание — если бы это происходило по моему желанию. Перед глазами стояли кровавые образы — обрывки тел, что я успела заметить, и *Улья* Меня вырвало, с шумом, прямо рядом с местом, где я сидела. Желудок сжался в тугий узел, и меня выворачивало до тех пор, пока не осталась только горькая, кислая пустота. Я не могла ни закрыться, ни сдержать этот порыв.

Когда я подняла глаза от своего вчерашнего ужина на холодной коричневой земле, я встретила взглядом с *Мелантиром*. Он сидел на корточках в нескольких шагах, и его бронзовые волосы, освещённые первыми лучами, казались расплавленным металлом. Он не морщился, не моргал и выглядел почти заинтересованным, словно такая реакция была для него в диковинку.

Я просто таращила на него, надеясь, что новый приступ тошноты не скрутит меня снова. Но мужчина молчал. Только его золотые глаза — сейчас, при свете утра, они казались жидким янтарём — скользили по моему лицу, изучая, оценивая.

— Больше добавить ничего не хочешь? — он и не моргнул, пока я тяжело вздыхала и поднималась на ноги. — Тогда пойдём. Потому что, судя по всему, ты не собираешься рассказывать, что будет, если *оброк* не состоится.

Меня пошатывало, но я стояла, стараясь держаться уверенно. Мне хотелось лечь на землю и плакать, но сейчас было необходимо взять себя в руки. Рука непроизвольно сжалась так, что ногти впились в ладони, и боль отрезвила.

Было ощущение, что, если я не двинусь сейчас за *Гряду*, он убьёт и меня тоже.

Мы молча направились к подножию. С каждым шагом воздух становился плотнее, а камни под ногами — острее, точно я ступала по осколкам разбитого стекла. Бронзовые прожилки в скалах вспыхивали в лучах зари, точно вены, по которым течёт расплавленный металл. Пахло здесь иначе — не лесом и утренней росой, а медью, сыростью и чем-то древним, спящим в недрах гор.

Спустя пару минут он всё же решил продолжить разговор.

— Я не собираюсь утаивать от тебя ничего, но ночь *Рахмы* на исходе. Проход может закрыться.

— Проход? — я вскинула брови. — Имеются какие-то туннели в горах?

На его лице отразилось выражение, которое было сложно интерпретировать. Смесь насмешки и терпения — как у взрослого, который объясняет прописные истины несмышлёному ребёнку.

— Не совсем. Мы входим в земли ложно-бессмертных. Как вы их называете. Они бы не были такими — без защиты, — проговорил он загадочно.

Мой мозг отказывался обрабатывать информацию сейчас, намёки доходили долго.

— Что ты имеешь в виду под «защитой»?

— Люди могут быть крайне жестокими с тем, что им непостижимо. Сотворение истинно-бессмертных было призвано защитить обе стороны от нападков друг на друга, — пояснил он, запутав ещё больше на секунду.

Но до меня всё же дошло.

— *Магия*? Ты говоришь о магическом барьере? — мои брови взмыли вверх, и я сбилась с шага. Слово «*сотворение*» билось в моей голове. — А ложно бессмертные обладают?

Он кивнул, но как-то поник.

— Обладают, но ограниченно.

Мы слышали, что *ложно-бессмертные* были сильны физически, свирепы и опасны. Ещё мы слышали, что они обладали какими-то силами, позволяющими управлять стихиями, но это

воспринималось на уровне небылиц. Где-то в «*Писании первых*» «для начинающих» я вычитала слово «*магия*», которое описывало этот процесс. Но это были сведения тысячелетней давности, много раз переписанные со времён заключения *Мира* после первых войн.

— «Люди могут быть крайне жестокими с тем, что им непостижимо», — повторила я тихо.

— Называй как хочешь, — *Мелантир* усмехнулся, не замедляя шага. — Он держится уже тысячелетия. Ни один человек не способен его пересечь без нашего ведома.

Нашего. Я хотела спросить ещё, но он вдруг поднял руку, призывая к молчанию.

— День почти наступил. Дальше — ни слова, пока я не скажу.

Мы подошли к подножию в полной тишине. Скалы нависали так низко, что я почти касалась их головой. Бронзовые прожилки здесь были гуще, и от них исходило слабое свечение, будто камень хранил в себе остатки зари. Я протянула руку, но не посмела коснуться — камни казались живыми, дышащими.

Мелантир остановился, протянул руку вперёд и замер. Я смотрела на пустоту перед ним и ничего не видела.

— Барьер есть, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты его не видишь, но он здесь.

Он шагнул вперёд, и воздух перед ним вдруг пошёл рябью — как вода, в которую бросили камень. Я почувствовала, как волна энергии прошла сквозь меня, заставив волоски на руках встать дыбом. В этот самый миг его лицо начало меняться.

Я замерла, не в силах отвести взгляд, глаза широко распахнулись. Его черты заострились, словно кто-то провёл резцом по мягкой глине, убирая всё лишнее. Скулы стали острее, подбородок — жёстче, а глаза вспыхнули золотом — тем самым, что я уже видела мельком на рынке. Но самое невероятное случилось с ушами: из-под спутанных каштановых волос показались заострённые кончики, такие тонкие, что казались почти прозрачными на свету.

Воздух вокруг него задрожал, а от кожи пошёл слабый, едва уловимый жар. Он стал больше. Не ростом — присутствием. Я отшатнулась, едва не упав. Я бы и закричала от ужаса, но после прошлой ночи моя планка «ужаса» оказалась слишком высока. На смену панике пришла оторопелость, потому что я поняла, кем он был.

— Не бойся, — сказал он, и в его голосе зазвучала музыка — тягучая, опасная, завораживающая. Каждое слово обволакивало, как тёплый мёд, но я знала — это обман. — У меня нет планов причинить тебе вред. Я твой проводник. А теперь сделай шаг.

Шаг хотелось сделать в противоположную сторону и броситься прочь галопом. Но он протянул мне руку, и воздух вокруг неё вибрировал, словно сама реальность содрогалась от его прикосновения.

— Ты ложно-бессмертный, — выплюнула я.

— Я — фэйри. Один из них. Фэйец. Произносить «ложно-бессмертный» слишком долго, — он вновь сделал приглашающий жест. — Тебе нужно перешагнуть барьер. Сейчас, *Лирия*.

— Я не называла своего имени! — бросила резко, делая шаг назад.

— Разве не ты сама указала его в пюпитре распорядителя, *Лирия* Эрейдер?

Я ахнула. *Указала, сама, своей рукой*. Он видел его.

— И еще до этого, я подслушал вас тогда, на рынке. У вас были очень громкие голоса.

Он скривился, и виноватая улыбка отразилась на идеальных нечеловеческих губах.

— Зачем ты вообще там был? Почему заговорил с нами? — ещё шаг назад.

Он бросил взгляд золотых глаз на мои отступающие ноги и тяжело вздохнул.

— Я пытался вас напугать. Не получилось, — губы совсем скривились, почти виновато.

Я остановилась. У меня не было оружия, а если бы и было, пользоваться им я не умела. Убежать от фэйри нельзя.

— Почему я должна перейти барьер? — прямо спросила я, вскинув подбородок. Он не мог утянуть меня туда силой, иначе сделал бы это ещё несколько минут назад.

— Разве ты не сама сюда пришла, за плату? — вопросом на вопрос ответил он.

Я замерла. Да, за неё. Но это было до того, как я увидела то, что увидела. В голове это никак не укладывалось.

— Если я перейду барьер, деньги отправятся распорядителям?

— Да. И оброк будет совершён.

— А если нет? — я сделала шаг вперёд, с вызовом, подходя почти до места, где ещё недавно была его рука. Это была проверка: на какие границы я могу рассчитывать.

— Ты умрёшь, не сумеешь вернуться домой.

В его тоне не было и намёка на недавнюю весёлость. Он был совершенно серьёзен. Я смотрела в его глаза и не видела там ни капли лжи — только холодную, древнюю правду.

— Но не от твоих рук? — страх звучал в моём голосе неподдельно.

— Ты же видела, что ещё могло пройти в эту ночь через барьер, — ответил *Мелантир*. — А в моих интересах, чтобы ты осталась жива.

Я оглянулась на восток: первые лучи уже появились над кромкой леса, разгоняя ночную тьму. Они падали на моё лицо, тёплые, почти ласковые, и в этом было что-то неправильное — как ласка после удара. Мне нужно было больше времени на принятие этого решения. Но его не было. Я проделала такой путь, пережила встречу со стрыйгой и оставалась жива, находясь один на один с этим фэйцем последний час. И всё ради этого момента.

— Хорошо, — сказала я и шагнула вперёд, оказавшись подле него.

Ничего не произошло: ни вспышки, ни щелчка, ни вибрации. Если барьер и был, на людей он не действовал. Только воздух стал чуть плотнее, и по коже пробежали мурашки — будто я шагнула в холодную воду.

Улыбка растянулась на губах фэйри, обнажая белоснежные острые зубы, отчего холодок пробежал по моей спине, а внутри живота разлилось странное, почти горячее чувство. Смесь страха и чего-то ещё, чего я не умела назвать.

— Сделала шаг наконец, — вновь улыбнулся он. — Вовремя. Иначе пришлось бы заталкивать тебя силой.

Я нахмурилась.

— Ты бы не смог вернуться за барьер, разве нет? — сложила руки на груди, бросая вызов.

Его улыбка стала нагловатой. Он обошёл меня, сделал пару шагов — наверняка пересекая барьер — затем ещё несколько, подобрал мой вещевой мешок с припасами, о котором я уже забыла, и так же легко вернулся обратно, становясь рядом. Никакого усилия, никакой видимой магии — просто шаг туда и шаг обратно.

Мои брови хмуро опустились, и я не сдержала фыркающий звук, который никак не вязался с тем внутренним ужасом, что ещё сковывал меня.

— Это уловка? — спросила я, подняв ладонь и махнув вперёд, пока моя рука не упёрлась во что-то твёрдое и холодное, как стена ледяного дворца. Я ошарашенно оглянулась на *Мелантира*.

— Войти ты, смертная, можешь. Выйти — нет. Это путь в один конец, — произнёс он серьёзно и продолжил уже более грустным голосом: — Добро пожаловать в Бронзовые земли, *Лирия*.

Что-то внутри меня рухнуло вниз. Нет пути назад. Там, позади, осталась *Элеонор*, совсем одна. Надеюсь, ей удастся разрешить свои проблемы деньгами за меня.

Я жевала губы, борясь со слезами, и смотрела в лес, из которого пришла. Горло сдавило.

— Скажи, что хотя бы моя семья получит оплату за меня, — выдохнула я, прижав руку к сердцу.

— Я об этом позаботился, — ответил он, глядя прямо мне в глаза. — И за тебя, и за твою подругу. Она не дошла до барьера, но была близка. Считай, что я проявил великодушие.

Мои глаза поднялись к нему. Может, он и не был человеком, но что-то человеческое в нём явно жило. Или он просто хотел, чтобы я так думала.

— Спасибо, — искренне сказала я, и он кивнул.

Его волосы отливали такими же бронзовыми отблесками, как и горы рядом с нами. Они почти сливались со скалами — казалось, он был частью этого дикого, чужого места.

— Это было справедливо, — он оглянулся на Гряды, которую нам ещё предстояло пересечь уже по эту сторону барьера. — Если ты передохнула, предлагаю идти дальше. Королева уже ждёт.

Королева? В этих землях есть королева?

Вопросы, должно быть, отразились у меня на лице, потому что *Мелантир* пояснил:

— Витиеватая королева Бронзовых земель. Именно на службу к ней ты поступаешь.

Таковы условия сделки. Это не прозвучало, но было и без слов понятно.

— Тогда веди меня к моей госпоже, — ответила я, пытаюсь отобрать у него свой мешок — безуспешно. — Я ведь пришла служить.

Мелантир перекинул котомку через плечо и шагнул вперёд, туда, где между скал открывался узкий проход, ведущий вглубь незнакомой земли. Его фигура в лучах восходящего солнца отбрасывала длинную, неровную тень, которая ложилась на камни, точно предупреждение.

Я пошла за ним, чувствуя, как с каждым шагом мир за спиной становится всё более далёким, а впереди — всё более реальным, пугающим и манящим. Сердце колотилось где-то в горле, и каждый удар отдавался в висках

Ты сделала это. Теперь назад дороги нет.

Глава 6

Бронзовые земли встретили меня холодом.

Не тем, от которого стучат зубы, а тем, что пробирается под кожу, оседает в костях. Ветер обжигал щёки, и каменная крошка хрустела под подошвами, въедаясь в кожу. Здесь не было мягкого света летнего вечера, не было влажного тепла *Равенста*. Только серое небо, низкое и тяжёлое, да горы, сжимающие долину с трёх сторон. Их склоны уходили вверх, к острым пикам, а у подножия лепились строения — низкие, приземистые, сложенные из тёмного камня, который в лучах утреннего солнца отливал тусклой медью.

Мы шли уже второй день. *Мелантир* сменил свой серый плащ на длинный сюртук из плотной шерсти, и теперь, когда он шёл впереди, я замечала, как его бронзовые волосы сливаются с отблесками медных жил в скалах.

— Не отставай, — бросил он через плечо. — К вечеру будем на месте.

Я прибавила шаг. Ноги гудели, но я уже привыкла к боли. После всего, что случилось в лесу, эта дорога казалась почти отдыхом.

— Что за место? — спросила я. — Твой дом?

Он усмехнулся, не оборачиваясь.

— Моя сестра назвала бы это иначе. Цитадель. Оплот. Сердце *Бронзовых земель*.

— А ты как называешь?

Он остановился, и я на миг увидела его лицо в профиль — острое, красивое, с глазами, которые в сумраке горели тусклым золотом.

— Я бы назвал как и ты. *Домом*. Но это слово здесь почти не используют.

Мы пошли дальше. Дорога вилась между скал, и чем выше мы поднимались, тем сильнее менялся воздух. Он становился суше, острее, и в нём чувствовался металл — тот самый привкус бронзы, который преследовал меня с того момента, как я переступила барьер.

Город открылся неожиданно. Мы вышли из ущелья, и я замерла.

Он стоял на террасах, прямо между хребтами гор, окружённый со всех сторон. Солнце, пробиваясь сквозь разрывы туч, выхватывало из сумрака медные кровли и шпили, заставляя их гореть, как угли. Дома теснились друг к другу, их стены из тёмного камня с медными прожилками уходили вверх, к цитадели, которая венчала вершину. Башни, колоннады, узкие улицы, лестницы, высеченные в камне. Всё было построено так давно, что казалось, само время застыло в этих стенах.

Но больше всего меня поразило другое.

Везде, куда ни глянь, стояли статуи. Не богов, не героев. Старики и старухи с глубокими морщинами, согбенные, опирающиеся на посохи. У всех — острые уши. Их лица были высечены с такой точностью, что, казалось, они сейчас заговорят. Некоторые изваяния застыли в крике, другие — в молитве, третьи — в безмолвном отчаянии. Тени от их каменных рук падали на тропу, как предостережение. У подножия каждого изваяния лежали медные венки — потускневшие от времени, но всё ещё блестящие на сгибах. А дальше, за ними, виднелись склепы — низкие каменные строения, вросшие в скалу, с полустёртыми надписями на древнем языке.

— Что это? — спросила я, когда мы проходили мимо очередной такой статуи.

— Дань нашим предкам, — ответил *Мелантир*. — Тем, кто построил это место. И пал за него.

Я бросила быстрый взгляд на него.

— За её окончание, — он продолжил идти. — Те, кто заключил договор с Водной девой.

Они отдали свои силы, чтобы создать барьер. И теперь мы платим.

— Платите чем?

Он долго смотрел на меня, прежде чем ответить.
— *Всем, что у нас есть.*

Цитадель оказалась ещё выше, чем я думала. Мы поднимались по ступеням, вырубленным в скале, и каждый раз, когда я оглядывалась, город внизу становился всё меньше, а небо — всё ближе. Ветер здесь свистел особенно зло, забираясь под одежду и выстукивая дробь на медных доспехах стражников.

Внутренний двор был пуст, если не считать нескольких стражников у ворот. Они носили лёгкие доспехи из потемневшей меди, и их лица под шлемами казались вытянутыми, с острыми подбородками и узкими глазами. Когда мы проходили мимо, один из них склонил голову, и я заметила, что его кожа отливала зеленью, как старая бронза, а изо рта торчали огромные клыки. От них пахло железом и сыростью — запахом, который я запомнила навсегда.

— Не смотри так пристально, — шепнул *Мелантир*, беря меня под локоть. — Некоторые из них помнят времена, когда ваш народ ещё не умел писать.

Я отвела взгляд, но внутри всё сжалось. В этих стенах я была не просто чужой. Я была чем-то из сказок — пугающим и жалким одновременно.

Нас встретили в большом зале. Колонны здесь уходили вверх, теряясь в сумраке, а пол был выложен медными плитами, на которых время оставило зелёные разводы. Своды зала терялись в темноте, и казалось, что мы стоим на дне каменного колодца, а где-то наверху едва теплится свет. Вдоль стен стояли те же статуи, что и в городе, но здесь их лица смотрели не вперёд, а вниз — на тех, кто проходил мимо.

— Королева примет тебя позже, — сказал *Мелантир*, когда мы остановились перед высокими дверьми. — Она занята.

— Она лично должна принять мой *оброк*? — спросила я, поёжившись.

— Твой *оброк* принят с момента, как ты перешла барьер. Но только королева может дать тебе назначение.

Он сказал это так спокойно, словно речь шла о погоде.

— Очень вероятно, что тебя пристроят при дворце. Так что мы будем видеться чаще, — он улыбнулся. По-настоящему, приветливо.

— А ты живёшь во дворце?

— Время от времени. — Он пожал плечами и неожиданно подмигнул: — Но теперь я буду здесь чаще. Кто-то же должен присматривать за тобой.

Я не нашлась с ответом, только кровь прилила к моему смущённому лицу.

— Пойдём, — он вновь взял меня под локоть и повёл к боковой лестнице. — Покажу твои комнаты. И познакомлю с прислугой.

— С прислугой? — я остановилась. — Зачем мне прислуга?

Мелантир обернулся, и в его глазах мелькнуло удивление.

— Ты теперь при дворе. У каждой гостьи есть своя служанка.

— Разве я не сама — служанка? — спросила я, чувствуя, как глупо это звучало. — Я пришла служить, а не чтобы мне прислуживали.

Он рассмеялся — тихо, почти ласково.

— *Лирия*, ты пришла на *оброк*. Твоя служба — *быть здесь*. А всё остальное — это наши порядки. Не спорь.

Я хотела возразить, но он уже двинулся вперёд, увлекая меня за собой.

Мы поднялись на третий этаж, где коридоры были уже и светлее. *Мелантир* остановился перед дверью, украшенной резьбой по меди. Лампы на стенах горели ровным жёлтым светом, не давая теней, и от этого казалось, что время здесь застыло.

— Это твоя комната. Запомни дорогу — потом будешь сама находить.

Я оглянулась на бесконечные переходы, одинаковые повороты, и внутри всё сжалось.

— Я заблужусь, — честно сказала я.

— На первое время с тобой будет служанка. Она покажет, где что. — Он открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Комната оказалась небольшой, но уютной. Узкое окно выходило на горы, в камине уже потрескивали дрова, запах сухой древесины и лёгкого дыма наполнил лёгкие, напомнив почему-то о доме. На столе стоял кувшин с водой и тарелка с фруктами. Покрывало на кровати было шерстяным, грубоватым на ощупь, но тёплым.

— Здесь холодно, — заметила я, потирая руки.

— В *Бронзовых землях* всегда холодно. Мы же в горах. Привыкнешь.

Я подошла к окну. Внизу, далеко в ущелье, виднелись огни города. Они мерцали ровно, без дрожи, будто внутри каждого фонаря горел маленький кусочек заката.

— А свет? — спросила я. — У вас он везде такой?

— Электричество, — усмехнулся *Мелантир*. — Мы давно перестали жечь свечи. Но об этом лучше спросишь у тех, кто это придумал. Я только пользуюсь.

Он подошёл к стене и нажал на белую коробку. Свет погас, я удивлённо заморгала, но щелчок повторился, и свет загорелся снова.

— Вот так.

В дверь тихо постучали.

— Войди, — сказал *Мелантир*.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошла девушка. Невысокая, с рыжеватыми волосами, собранными в пучок. У неё были козлиные ноги, покрытые короткой шерстью, и два маленьких рожка, выглядывающих из-под волос. Она ступала на удивление тихо — только мягкое пощёлкивание копыт по каменному полу. Она держала в руках стопку белья и смотрела на меня с любопытством.

— Это *Бри*, — представил *Мелантир*. — Она будет прислуживать тебе.

— Госпожа, — *Бри* сделала реверанс, и её жёлтые глаза с вертикальным зрачком блеснули. Пахло от неё сухими травами и немного — хлевом, но не противно, а как-то по-домашнему.

— Я не госпожа, — машинально поправила я.

Бри моргнула, перевела взгляд на *Мелантира*. Тот кивнул.

— *Лирия*, — сказал он мягко. — Если королева не распорядится по-другому, ты наша гостя. А у гостей всегда есть те, кто за ними ухаживает. Не думай об этом слишком много.

Я посмотрела на *Бри*. Она была странной, не похожей на тех *фэйри*, что я видела по пути сюда, но в её взгляде не было ничего угрожающего.

— Хорошо, — выдохнула я, отвесив ответный реверанс, как меня учили. — Приятно познакомиться, *Бри*.

Девушка улыбнулась, и в улыбке мелькнули мелкие острые зубы.

— Вам нужно отдохнуть с дороги. Я принесу горячей воды и смену постель.

Она выскользнула за дверь.

— Она кто? — спросила я.

— *Фавна*, — ответил *Мелантир*, усаживаясь на подоконник. — Один из народов, что живут в этих землях. Не пугайся её. *Бри* добрая и преданная. Она поможет тебе освоиться.

— Я думала, что все *фэйри* — я запнулась.

— Похожи на меня? — *Мелантир* усмехнулся. — Нет. Мой народ — только одна ветвь. Здесь много таких, кого вы, смертные, даже не упоминаете в своих сказках. Гномы, спрайты, фавны, сильваны... У каждого свои обычаи, своё лицо. И все они служат королеве.

Я резко сморщилась, прижав руки к груди.

— Как и та ужасная штука в лесу? Что убила *Улью* и остальных. Она тоже служит королеве?

— Таких называют *стриксами*. Нет, они не служат никому. Они *нечисты*, — ответил он с презрением. — Движимы только голодом и свободно перемещаются между королевствами. Их боимся даже мы, и тебе стоит.

С этим проблем не было. Я всё ещё пребывала в ужасе от встречи с ней.

— Между королевствами? Вашим и королевством людей? — спросила я недоуменно.

— В основном между нашими королевствами, — пояснил он. — Земли за барьером не все принадлежат одному правителю. Есть ещё несколько королевств. Но мы соблюдаем с ними нейтралитет. По правде сказать, они полностью отражают то, что вы, люди, говорите о *ложно-бессмертных*.

Я сглотнула. Значит, *стриксы* и другие «нечистые» — не самое страшное. О *ложно-бессмертных* рассказывали много ужасного, но даже «*Писание Первых*» содержало описания зверств, чинимых ими во время *Первых войн*.

— Но никто никогда не приходил к нам, — я наклонила голову. — До тебя.

— Уверен, что приходили и другие. Просто использовали *сотворение*, и вы их не отличили от людей. Простого купца или костореза сложно заподозрить, если не знаешь, на что обращать внимание. — Он слегка усмехнулся. — Нам тоже интересно посмотреть, как вы живёте.

— Мне ты сразу показался странным. Ещё там, на рынке, — мои губы слегка изогнулись.

Его улыбка стала открыто нахальной.

— Только не говори, что именно из-за этого ты пришла.

— Нет, конечно нет. — Щёки вспыхнули. Но мысли вернулись к барьеру. — Так получается, ты в любой момент можешь перейти барьер, а я нет?

Мелантир прислонился к стене, скрестив руки на груди.

— Это немного сложнее. — Он перевёл взгляд в окно. — Наше время также ограничено. Раз в десять лет ближе к *Рахме* открывается проход, иногда на пару дней, иногда на пару недель, как вышло сейчас. — Он посмотрел на меня с полной серьёзностью. — Но мы тратим очень много сил на переход. Наверняка и та *стрикса* приложила немало усилий.

Он разжал ладонь, и на его руке вспыхнул крошечный огонёк.

— А людям это и вовсе не под силу — перейти границу вне момента полного открытия барьера

Он продолжал говорить, но я уже не слышала. Сердце бешено застучало. Вот она, *магия*. То, что отличало меня и его. Даже его превращение после барьера не пугало так, как этот противоестественный огонёк.

— *Лирия*? — он заметил мою оторопелость.

— *Убери*, — не своим голосом прохрипела я. — *Убери это*.

Огонёк тут же исчез. На лице *Мелантира* отразилась странная эмоция, как будто ему было больно. Но она быстро сгладилась.

— Убрал. Видишь? — он продемонстрировал пустую ладонь. — Извини. Пугать тебя не входило в мои планы.

Я выдержала паузу, сумела загнать страх подальше.

— Не делай так больше. Пожалуйста.

Он кивнул.

— Не буду. Но ничего не могу обещать за остальных. — Он отлепился от стены. — Тебе нужно отдохнуть, прежде чем предстанешь перед королевой.

Мелантир подошёл к двери, но я окликнула его.

— Спасибо, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — За то что ты здесь. Терпелив ко мне.

Он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой моё сердце пропустило удар.

— Я же обещал, что буду рядом. — Он открыл дверь. — Отдыхай, *Лирия*. Завтра начнётся твоя новая жизнь.

Дверь закрылась, и я осталась одна.

Я подошла к кровати и села на край, проводя рукой по мягкому покрывалу. Шерсть щекотала пальцы, а внизу, в кровати, чувствовались пружины. Всё это казалось неправильным. Я пришла служить, а мне выделили комнату и дали служанку. Что-то было в этом странное.

В дверь снова постучали.

— Войдите, — сказала я.

Бри вошла с кувшином горячей воды. Она ловко поставила его на столик, достала из шкафа чистое полотенце. Но я уже старалась отойти от неё как можно дальше. Мало ли какие силы были у этой фавны.

— Я принесла, чтобы вы могли умыться, госпожа *Лирия*. Платье тоже нужно сменить, я подобрала что-то из одежды, что носили другие девушки

Она запнулась, и я насторожилась.

— Другие девушки? — переспросила я. — Те, что приходили на *оброк* до меня?

Бри опустила глаза.

— Да, госпожа. Их вещи остались. Никто не знал, что с ними делать, и королева велела хранить. На случай, если придут новые.

— А где они сейчас? Те девушки? — спросила я, хотя уже боялась ответа. Даже не будучи уверенной, что он будет правдивым.

Бри покачала головой.

— Я не так долго служу здесь. Точно не могу сказать. Но... — она подняла на меня свои жёлтые глаза, — говорят, что они служат. В разных местах. Попали на разные назначения.

Я вспомнила *Улью*, вспомнила её лицо, когда она просила меня бежать. Сжала руки в кулаки.

— Ты знаешь, куда могут меня назначить, если королева не оставит меня при дворе? Куда отправили последнюю девушку?

Бри испуганно замотала головой.

— Я знать не знаю, госпожа, — заблелая она. — Решения королевы мы не обсуждаем.

Я хотела настаивать, но поняла, что от этой девушки ничего не добьюсь. Она просто выполняла приказы.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо за воду. Я сама.

Бри поклонилась и вышла, оставив меня наедине с мыслями.

Я смотрела на горы за окном, на огни города внизу, и думала о том, что здесь, в этом холодном, чужом месте, всё не так, как я представляла. И чем больше я узнавала, тем меньше понимала.

Мне вспомнились слова самого *Мелантира* на рынке: «*Вы думаете, девушки, ушедшие за Гряду, и вправду служат?*» Правда ли, что он таким образом хотел отговорить нас идти на *оброк*? Или это было приоткрытием завесы тайн ритуала?

Но одно я знала точно: я выживу. Я узнаю, что случилось с теми, кто был до меня. И, быть может, однажды я смогу рассказать *Элеонор*, что со мной всё хорошо.

А пока — я зажмурилась, прогоняя слёзы, и легла на мягкую постель, впервые за много дней чувствуя, что могу позволить себе отдохнуть.

Глава 7

Я проснулась от холода.

Не того утреннего холодка, от которого хочется глубже зарыться в одеяло, а настоящего, пронизывающего — такого, что пробирается сквозь шерсть, сквозь кожу, оседает в костях. Даже под толстым одеялом, даже в закрытой комнате с камином, который ещё дымил, но почти прогорел. Окно затянуло инеем, и сквозь мутное стекло пробивался серый, безжизненный свет, делая всё вокруг плоским, нереальным — будто я всё ещё спала и видела тяжёлый сон.

Я села на кровати, и в ту же секунду дверь тихо скрипнула.

— Вы проснулись, госпожа, — раздался голос *Бри*.

Она уже стояла в комнате. С медным кувшином в руках, из которого тянуло паром. Я не слышала, как она вошла. Её копытца не издавали ни звука на каменном полу — только мягкое, почти неслышное поскрипывание. И это бесшумное появление каждый раз заставляло меня вздрагивать.

Меня начинала напрягать эта неестественная услужливость. Слишком много лет я прожила без слуг, слишком хорошо помнила, как мы с *Элеонор* сами вытирали пыль и мыли полы. А теперь какая-то фавна подаёт мне воду для умывания, и я должна делать вид, что это нормально.

— Как вы спали? — спросила она, ловко разливая воду в таз.

— Странно, — ответила я честно.

Тяжело. Во сне я слышала плач *Элеонор*. Её голос пробивался сквозь темноту, но я не могла найти сестру, хоть и звала её. Вокруг была только тьма и звук шагов по камню. На сердце до сих пор лежал камень — холодный, тяжёлый. Но говорить об этом фавне не стоило. Она не моя подруга, не наперсница. Она просто служанка, которая делает свою работу.

Бри кивнула, будто это был самый обычный ответ.

— Вам нужно одеться к аудиенции. Королева примет вас сегодня.

Сердце пропустило удар. Потом забилось чаще, где-то в горле.

— Сегодня?

— В течение дня, госпожа. Я приготовила платье.

Она указала на спинку стула. Я проследила за её жестом и замерла.

Там висело платье. Длинное, из плотной шерсти насыщенного бронзового цвета, с высоким воротом и длинными рукавами. Оно выглядело дорогим — слишком дорогим. Тяжёлая ткань, аккуратные швы, тонкая вышивка по вороту. Я подошла, провела пальцами по ткани. Она была мягкой, прохладной, но под пальцами чувствовалась основательность — такое платье носила бы знатная дама, а не служанка.

— Это — я подняла его, разглядывая в сером свете. — Платья, которые носили другие девушки с *оброка*?

— Да, госпожа, — ответила *Бри*. Её голос был ровным, но я заметила, как она отвела глаза.

— Которые приходили на службу к бессмертным? — в моём голосе отчётливо звучало недоверие.

— Да, — уже не так уверенно подтвердила она.

— Какую работу можно в нём выполнить? Уж явно не физическую, — я прищурилась, и ткань хрустнула в моих пальцах.

— Вы предстанете перед королевой. Вам нужно её впечатлить, если хотите остаться здесь.

Вот как. Я поджала губы. Хотя что-то для меня прояснилось: здесь тоже оценивали по одежде, хоть и не так, как в *Равенсте*. Там бедность была видна сразу — по потрёпанным юбкам, по блёклым лентам в волосах. Здесь же мне давали роскошь, выставляемую напоказ.

Я оделась молча. *Бри* помогла зашнуровать корсет — он был тесным, но не до боли, а так, чтобы придать фигуре ту самую «благородную» осанку. Потом она заплела мои волосы в тугую косу, вплетая тонкую медную ленту, которая холодными змейками скользила между прядями. Мои волосы, всегда такие тёмно-русые, выгоревшие на концах до золотистых прядей, сейчас блестели в тусклом свете — чистота и порядок, которых я давно не знала.

В небольшом зеркале на стене я увидела себя. Голубые глаза смотрели из-под усталых век, но взгляд был твёрдым. В этом платье я казалась старше. И чуждой самой себе.

— Готово, — сказала *Бри*, отступая на шаг. — Вы красивая, госпожа.

— *Лирия*, — поправила я. — Просто *Лирия*.

Она улыбнулась мягко, но ничего не ответила.

Стражник в потемневшей меди ждал у двери. Он молча кивнул, и мы двинулись по коридору. Я поспешила следом, стараясь запомнить повороты — налево, потом направо, снова налево, — но вскоре сдалась. Всё здесь было одинаковым: высокие своды, электрические лампы, стены с горельефами, на которых я не успевала разглядеть детали.

Мы спустились по длинной витой лестнице. Камень под ногами был холодным, но гладким — выточенным веками чужих шагов. Перила из тёмного дерева холодили ладонь. Стены здесь украшали другие изображения: кузнецы с молотами, фигуры с крыльями, переплетённые лозы, странные символы, похожие на руны.

Чем ближе мы подходили к центру цитадели, тем громче становился гул. Звон металла, смех, грубые выкрики, ритмичный бой барабанов — от него вибрировали рёбра. Гул нарастал как прибой, и когда стражник остановился перед двустворчатыми дверями, обитыми кожей и бронзой, я на секунду замерла, собираясь с духом.

Он толкнул створки, и меня ударило волной жара и запахов. Жареное мясо, пряности, пролитое вино, пот и дым — всё это смешалось в густой, почти осязаемый воздух.

Зал был огромен. Колонны уходили вверх, в сумрак, теряясь где-то под потолком. Между ними, на длинных столах, ломившихся от яств, пировали сотни существ. Я узнавала некоторых — из детских книжек, из страшилок *Ани*, из «*Писания первых*». Гномы с бородами, заплетёнными в кольца и утяжелёнными металлическими бубенцами, стучали кружками о доски. *Фэйри* с прозрачными, как крылья стрекоз, конечностями перелетали от стола к столу, разливая вино. В дальнем углу я заметила существ, похожих на русалок, но вместо хвостов у них были мощные, покрытые чешуёй ноги; они смеялись, запрокидывая головы.

Кто-то рыгнул в такт барабанам. Кто-то выкрикнул пошлую прибаутку, от которой зал взревел хохотом. У одной из колонн высокая беловолосая *фэйка* прижималась к огромному троллю, чья кожа напоминала кору векового дуба. Она прижималась к нему практически всем телом, которое было прикрыто платьем лишь номинально: грудь, с ярко-розовым соском на бледной коже, была открыта совершенно. Ткань переплеталась в узел между тяжёлых грудей и спускалась вниз, распадаясь на серебряные ленты, которые ровным счётом ничего не скрывали.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам. В своём строгом бронзовом платье я ощущала себя послушницей храма *Водной девы*.

Это не было похоже на благочестивый пир. В *Равенсте* даже во время *Рахмы* всё было более прилично. Здесь же вакханалия плескалась через край, смывая границы приличий в вине и смехе.

— Следуйте за мной, — бросил стражник, не оборачиваясь.

Я выпрямила спину и пошла.

Мы направились сквозь толпу. Никто не обращал на меня внимания. Для них я была просто тенью, очередной жертвой, принесённой к порогу. Их даже не интересовало моё лицо — только то, что я не *фэйри*, а значит, не стоящая внимания пешка.

Трон стоял в конце зала, на высокой платформе. Он был вырезан из цельного куска тёмного камня, в котором мерцали медные прожилки, словно вены под кожей. На нём, слегка откинувшись на спинку, сидела она.

Королева.

Я ожидала увидеть старуху с посохом или ледяную ведьму из сказок. Но передо мной была девушка — на вид не старше двадцати. Её лицо было безупречно гладким, с высокими скулами и тонкими, надменно поджатыми губами. Бронзовые волосы спадали на плечи тяжёлой, почти живой волной. Из-под прядей у висков вились два изящных, витых рога, похожие на отполированный янтарь.

Но её глаза они были старыми. Нечеловечески старыми. В них не было ни тепла, ни любопытства. Только холодная оценка.

Она смотрела на свадебную церемонию двух гномов без всякого интереса — просто ждала, когда это закончится. А потом заметила меня. Ни одна эмоция не отразилась на её лице, но изящный пальчик поднялся вверх, обрывая речь гнома в самый разгар тоста.

Все замерли. Сотни глаз усталились на меня. Тишина повисла тяжёлой, липкой пеленой, под которой я чувствовала кожей каждый взгляд.

— Смертная, пришедшая к нам по *оброку*, — голос Королевы прозвучал ровно, без тепла, но и без грубости. Чистый, как звон колокола. Она поманила пальцем. — Подойди.

Я шагнула вперёд, и ноги чуть не подкосились — не от страха, а от неловкости. Я не знала, куда смотреть, как держать руки. Короткий, жёсткий тычок в спину от стража вернул меня в реальность. Я встала прямо, сделала реверанс — тот самый, которому мать учила нас в детстве, когда мы ещё надеялись на лучшее будущее.

Все замерли в молчании. Королева смотрела на меня безотрывно. Я постаралась что-то сказать, но все слова вылетели из головы, оставив только сухой, горький ком в горле.

— Моя королева? — вмешался знакомый голос.

Я покосилась на трон — за ним стояла стража, но *Мелантира* рядом не было. *Где он?* Мысль кольнула остро, как игла. Я пробежалась глазами по залу, ища знакомый силуэт — потемневшую медь, серый плащ. Но не нашла.

Зато увидела за главным столом, подле королевы, темно-синий сюртук на широкой спине и копну собранных в высокий хвост каштановых волос — с таким знакомым медным отливом. Он сидел лицом к королеве, спиной ко мне. И когда она перевела на него взгляд, я поняла: это был он.

— Желаете представить её, *Мелантир*? У девчонки нет языка?

— Язык у неё есть, и он острее, чем вы ожидаете, Ваше Величество, — ответил он, и в его голосе прозвучало веселье. По залу прокатился смешок. — Это *Лирия* из *Равенста*.

Королева не улыбнулась. Её взгляд вернулся ко мне, цепкий, оценивающий.

— У тебя есть родовое имя, *Лирия* из *Равенста*? — спросила она, чуть прищурившись.

Я посмотрела в её глаза. Они были похожи на глаза *Мелантира* — редкое сочетание янтарных искр в тёмной глубине. *Они родственники?*

— *Эрейдер*, — прохрипела я, не узнавая собственный голос. Я прочистила горло, стараясь придать словам твёрдость. — *Лирия Эрейдер*, Ваше Величество.

Королева слегка подалась вперёд, бросила быстрый взгляд на *Мелантира*. Что-то мелькнуло в её глазах — может, удивление, но она тут же скрыла его за маской безразличия. Затем она потеряла ладони — жест, который я не смогла прочитать.

— Что ж, *Лирия Эрейдер*, мы благодарим тебя за твою жертву, — произнесла она без тени тепла. — Ты знаешь, что должна получить назначение на службу здесь?

— Да, мне сообщили об этом, — я покосилась на спину *Мелантира*. — Я готова служить вам.

— Это был твой добровольный выбор? Пойти на *оброк*? — впервые в её голосе прозвучало что-то похожее на интерес.

Я кивнула, потом спохватилась и ответила вслух.

— Да. Это было моё добровольное решение.

— Как и у второй девушки, — воздух вокруг меня стал тяжёлым. — Мне доложили, что она и людская стража погибли в лесу.

Я заставила себя выдохнуть. Горло сжалось.

— Да. Погибла.

Больше я ничего не смогла добавить. Перед глазами снова встала та картина — голова *Ульи* у моих ног, её открытые, ничего не видящие глаза. Кровь, брызнувшая на лицо. Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не разрыдаться.

Королева кивнула. На мгновение мне показалось, что в её глазах мелькнуло сочувствие — но оно исчезло так быстро, что я не была уверена, не показалось ли.

— Жаль. Её семья получила монеты. Это всё, что мы можем сделать.

Она помолчала. Я чувствовала на себе сотни взглядов — не злых, не любопытных, а просто оценивающих. Как будто они решали, сколько я протяну.

— Ты будешь служить на кухне, — сказала королева. — Работа несложная. Тебе там покажут, что нужно делать.

Я ждала, что она скажет ещё что-то. Спросит, зачем я пришла, чего хочу, может быть, вспомнит, что я — человек, который только что потерял подругу. Но она только махнула рукой — жест, недвусмысленный и окончательный. Аудиенция окончена.

Я поклонилась и вышла следом за стражником. *Мелантир* даже не обернулся.

Стражник в потемневшей меди молча вывел меня из тронного зала. Гул пира остался за тяжёлыми дверями, как волны, разбивающиеся о скалу. Тишина коридора показалась мне почти благословением — такой желанной, что я выдохнула и только тогда заметила, что всё это время почти не дышала.

— Кухня в северном крыле, — сказал стражник, не оборачиваясь. — Идите за мной.

Я пошла, стараясь запомнить дорогу. Но мысли путались. Королева отправила меня на кухню. Не в услужение к знатной даме, не в прачечную — на кухню. «*Работа несложная*», — сказала она. Интересно, что эти бессмертные считают несложной работой? Чистить овощи до кровавых мозолей? Стоять у печи, пока не начнёт ломить спину?

Мы спустились по узкой винтовой лестнице. Воздух стал теплее, тяжелее от запахов. Жареное мясо, пряные травы, дрожжевое тесто — от всего этого у меня заурчало в животе, и я почувствовала себя глупо. И какой-то сладкий приторный аромат, похожий на мёд с корицей. Где-то внизу звенела посуда, слышались голоса — негромкие, деловые. Никто не смеялся. Здесь работали, а не пировали.

— Сюда, — стражник толкнул дверь, и я шагнула в жерло кухни.

Это был не просто зал. Это было царство огня и металла. Огромные печи из чёрного камня пылали вдоль стен, их жар бил в лицо сухим, обжигающим дыханием. Над ними шипели и булькали медные котлы, подвешенные на толстых цепях. Длинные столы ломились от снеди: горы овощей, тушки птиц, разделанные рыбины с остекленевшими глазами, бочонки с маслом и вином.

По каменному полу, выщербленному веками, сновали десятки существ. *Фавны* с козлиными ногами, низкорослые коренастые гномы в кожаных фартуках, несколько *фэйри* с острыми ушами и сосредоточенными лицами.

Все они работали молча, быстро, слаженно — как единый механизм, как муравьи в расстроенном муравейнике. На меня они даже не смотрели.

Я замерла на пороге, чувствуя себя лишней. Ненужной. Ошибкой.

— Новенькая? — раздался скрипучий голос.

Ко мне подошла женщина. Точнее, я поняла, что это женщина, только когда она подняла голову. Она была невысокой, с широкими бёдрами и мощными руками, а её лицо пересекал глубокий шрам — от виска до подбородка, через всё лицо, бледный и неровный. Волосы, седые и жёсткие, были стянуты в пучок на затылке. Уши — заострённые, как у всех *фэйри*, но одно было надорвано, будто кто-то откусил половину.

— Я да, — ответила я. — Меня прислала королева.

— Знаю. — Женщина окинула меня цепким взглядом. — Смертная, значит. И что ты умеешь?

— Готовить. Чистить овощи. Месить тесто, — перечислила я, стараясь говорить уверенно.

— Хорошо. — Она кивнула в сторону одного из столов, где горой лежала морковь и лук. — Вон там морковь и лук. Очистишь.

Я кивнула, подошла к столу, взяла нож. Он был тяжёлым, но лезвие оказалось острым, и это меня успокоило — острое оружие я понимала лучше, чем эти их электрические лампы и бесшумных фавнов.

Морковь здесь была непривычно оранжевой — такой яркой, что почти светилась в полумраке. Лук — огромным, с фиолетовой шелухой, пахнувшей резко и горько. Я чистила и резала, стараясь не думать о том, где я и что со мной будет дальше. Но мысли всё равно возвращались.

«Мелантир. Косторез. Фэйри. Он привёл меня сюда, а даже не обернулся, когда королева отправила меня на кухню. Вот и его обещание быть рядом».

От этой мысли стало горько. Я встряхнула головой и принялась чистить лук с удвоенной силой.

— Не плачь, — сказала кухарка, проходя мимо. — Лук злой сегодня.

Я не плакала. Но глаза действительно защипало.

Не знаю, сколько прошло времени. Мои пальцы онемели, передо мной выросла гора очищенных овощей. Я уже начала привыкать к ритму кухни: гномы выкрикивали заказы, фавны разносили котлы, в воздухе всё так же пахло жареным мясом и пряностями. И вдруг в дверях появилась *Бри*.

— Госпожа *Лирия*, — позвала она, махнув рукой. — Вас зовут.

— Кто? — я вытерла руки о передник.

— Господин *Мелантир*. Он ждёт вас в малой гостиной.

Сердце дёрнулось. Я бросила взгляд на кухарку со шрамом — та переглядывалась с каким-то фавном, недовольно поджав губы. Её лицо ничего не выражало, но я заметила, как она сжала половник.

— Ничего, если я отойду?

— Незачем заставлять господина ждать, — бросила она, махнув рукой.

Мелантир занимал настолько важное положение здесь, что может прервать мою работу? Или дело было не в положении, а во чём-то ещё? Я сняла передник, поправила платье и вышла следом за *Бри*.

Малая гостиная оказалась уютной комнатой — настолько уютной, что это казалось почти неправильным. Камин, в котором весело потрескивали дрова, металлические дрова, дающие ровный жар. Низкий столик из тёмного дерева. Два кресла, утопающих в подушках. На столике стоял поднос с фруктами — диковинными, каких я не видела даже на рынке в *Равенсте*, — и кувшин. Из кувшина пахло яблоками и корицей, сладко и уютно.

Мелантир сидел в кресле у окна, положив ногу на ногу. Он переоделся: простая льняная рубашка с расстёгнутым воротом, тёмные штаны, волосы влажными прядями падали на плечи.

Без сюртука и плаща он казался моложе — и почти обычным. *Почти*. Уши всё равно оставались острыми, глаза всё равно светились в сумраке золотом.

— Садись, — сказал он, кивнув на соседнее кресло. — Ты, наверное, устала.

— Немного, — призналась я, опускаясь в мягкое кресло. Оно оказалось удивительно удобным — тело провалилось в подушки, и я с трудом удержалась от того, чтобы не закрыть глаза. — Что это за место?

— Мои личные покои, — он улыбнулся, и в глазах мелькнуло что-то тёплое. — Не бойся, я не кусаюсь. Если только ты сама не попросишь.

Я не поняла, шутит он или нет, и предпочла сменить тему. Мои глаза выхватили несколько резных фигурок из кости, стоящих на камине. Почти такие же, как та, что всё ещё лежала на дне моей котомки. Его работа.

— Королева отправила меня на кухню, — сказала я, возвращаясь к прерванному разговору.

— Я знаю. Я был там. — Он налил из кувшина в два бокала — золотистую жидкость, пахнущую яблоками и чем-то ещё. Протянул мне.

— Я знаю, просто хочу понять почему. На кухне так много людей существ, нет потребности в моём нахождении там.

— Это временно. Она хочет посмотреть, на что ты способна. Не принимай близко к сердцу.

— А что потом?

— Потом — как сложится. Может, останешься при дворе. Может, отправишься в город. — Он сделал глоток. — В любом случае, ты в безопасности. Насколько это возможно в наших землях.

Я принялась к вину — терпкому, сладкому, с нотками пряностей. Сделала глоток. Напиток оказался тёплым, согревающим изнутри, и я почувствовала, как напряжение понемногу отпускает плечи.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За то, что не бросили меня в лесу.

Он пожал плечами.

— Я дал слово. Я его держу. — Он помолчал, глядя на огонь. — Хотя, если честно, я не ожидал, что ты выживешь после встречи со *стриксой*. Ты крепче, чем кажешься.

— Это комплимент?

— Ты против комплиментов? — он наклонил голову.

— В зависимости от того, от кого они исходят.

Его брови опустились, весёлость исчезла.

— Я просто не понимаю, как ты смогла убежать от неё. Твоим товарищам это не удалось.

Я вздрогнула, вспомнив их крики, хруст костей. Три тени, налетевшие на *существо*. «*Если ещё жива — то беги*». Сейчас мне казалось, что я всё это выдумала, когда ударила головой о землю. Или провалилась в бред.

— Я и сама не знаю, — ответила я, отпивая ещё вина. — Это нормально, что ты в первый мой день службы уводишь меня с кухни? Королева не будет сердиться?

Улыбка вернулась на его губы.

— Ты вернёшься туда завтра. Работа никуда не денется. — Его речи всегда звучали расплывчато, но уверенность в голосе внушала надежду. — К тому же у всех слуг после работы есть право отдохнуть. Многие уже сейчас отправятся на пир.

Я удивлённо заморгала.

— На пир? Ещё один?

Он рассмеялся — мягким, бархатным смехом, который, казалось, вибрировал в воздухе.

— Здесь пиры — не редкость. Жители *Бронзовых земель* любят наведываться во дворец. И слуги могут к ним присоединяться. Вы тоже не должны лишаться развлечений.

Я чуть наклонилась вперёд, заглядывая в его янтарные глаза. Вблизи они казались ещё более нечеловеческими — глубокими, как омуты, в которых тонул свет.

— Но ты всё же не ответил: тебе ничего не будет за то, что ты меня позвал? Работу я не закончила. — Я прищурилась. — Ты — проводник для девушек на *оброк*. Но, судя по всему, положение при дворе у тебя неплохое.

Его улыбка стала шире, поза — вальяжнее. Он выдержал паузу, и я вдруг осознала, что он ловит каждое моё движение.

— Она может мне сделать выговор, но на этом всё и закончится. — Он отпил вина и со стуком поставил бокал на стол. — Впрочем, ей доставляет удовольствие меня поучать при каждой возможности. Это такая сестринская забота.

Я поперхнулась. Конечно, он рассказывал, что у него при дворе живёт сестра. Но он не упомянул, что при *её* — *Ньяду* милостивый! — дворе. В человеческой части *Калуе* не было королей уже очень давно, и условия преемственности в монархии мне были незнакомы. Но даже я понимала, что это значит.

— *Королева — твоя сестра? — я вжалась в кресло. Голос сел. Он усмехнулся — не зло, скорее устало. — Сестра. И я — наследник.* Пока королева не обзаведётся своими детьми.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Я распивала вино в покоях наследного принца. С самым наследным принцем. В моём родном городе за такое могли что могли? Я даже не знала. Но мне стало не по себе.

— И тебя отправили рисковать собой через барьер, в мир людей? Почему?

Он пожал плечами, словно это был пустяк.

— Кто-то же должен был. Я достаточно силён, чтобы позаботиться о себе, — он кивнул в мою сторону бокалом, который снова наполнил, — и о тебе тоже. Любая пришедшая девушка теперь считается частью моего народа.

Я слотнула. «*Частью его народа?*» Я пришла служить, а не становиться

— Не смотри так испуганно, — он усмехнулся. — Это не значит, что тебя заставят выйти замуж или принести в жертву. Это значит, что о тебе будут заботиться. Кормить, одевать, давать крышу над головой. А ты будешь работать — как и все.

— И сколько таких девушек сейчас здесь? — спросила я, вспомнив слова *Бри* о старых платьях.

Мелантир помрачнел. На мгновение его лицо стало чужим, замкнутым — будто он захлопнул дверь перед моим носом.

— До вас с *Ульей* последняя была десять лет назад. Её звали *Мира*. Она и сейчас служит в полях у подножия гор в поселке. — Он отвернулся к окну, и я увидела, как напряглись его плечи. — Не все истории заканчиваются плохо, *Лирия*.

— А где те, кто приходил раньше?

— Некоторые до сих пор здесь. Некоторые ушли. — Он не уточнил, что значит «ушли», и я не стала спрашивать. В его голосе была такая глухая, непроницаемая тяжесть, что любые вопросы казались кощунством. — Не пытайся узнать всё за один вечер. У тебя будет время.

Он встал, потянулся, и рубашка на миг натянулась на его плечах. Я отвела взгляд, чувствуя, как щёки заливают жаром.

— Тебе пора отдыхать, — сказал он. — Завтра снова на кухню. А послезавтра — ярмарка. Я покажу тебе город.

Я поднялась, чувствуя, как вино слегка кружит голову. Личная экскурсия от принца звучала не так уж плохо, учитывая всё остальное.

— Спокойной ночи, *Мелантир*.

— Спокойной ночи, *Лирия*.

Я вышла в коридор. *Бри* ждала меня у двери с зажжённым фонарём. Медные стенки фонаря были покрыты тонкой резьбой — виноградные лозы, птицы, что-то ещё, что я не успела

разглядеть. Жёлтый свет выхватывал из темноты золотые искры — спрайтов, которые носились под потолком, или просто блики на влажном камне.

— Проводить вас в комнату, госпожа?

— Да, — кивнула я. — И, *Бри* ты говорила, что не так давно здесь работаешь. Сколько?

— Пять лет, госпожа.

— И ты говорила, что не знаешь про других девушек, что были до меня, что они служат где-то в полях? Девушка по имени *Мира* тебе не знакома?

Бри опустила глаза и понизила голос — так, что я едва расслышала.

— Я правда не знакома с ней. Но она жива, госпожа. Работает в полях. Но с ней что-то не так. Её почти не видно, она ни с кем не общается. — Она помолчала, потом добавила ещё тише: — Говорили, что она ребёнка потеряла и замкнулась в себе.

Я замерла. В горле пересохло.

— Ребёнка? Она пришла на *оброк* беременной?

Бри покачала головой и ускорила шаг. Её копытца зацокали чаще — нервно, отрывисто.

— Не знаю, госпожа. Никто не знает наверняка. Только слухи. А слухам здесь не верят. — Она бросила быстрый взгляд через плечо, словно ожидала, что из темноты выступит кто-то, кто накажет её за лишние слова. — И вам не стоит такие вещи спрашивать — по крайней мере, вслух. Нас это не касается. Простите, что сказала лишнее.

— Конечно, — согласилась я, хотя внутри всё заледенело.

Вот только это могло касаться меня. Потому что, если смертная девушка могла забеременеть здесь — от бессмертного — это в корне меняло все наши представления об этом *мире*. И о том, зачем на самом деле нужен *оброк*.

Мы подошли к моей двери. *Бри* отворила её, пропуская меня вперёд. В комнате было тепло — камин ещё не прогорел, дрова потрескивали, отбрасывая на стены пляшущие золотистые блики. Медная лента, которую *Бри* вплела мне в волосы утром, холодной змейкой скользнула по шее, когда я наклонила голову.

— Вам помочь раздеться, госпожа?

— Нет, спасибо. Иди отдыхай.

Она поклонилась и вышла, притворив дверь. Я слышала, как её копытца зацокали по коридору — удаляясь, затихая, растворяясь в тишине.

Я осталась одна.

Подошла к окну. За толстым, неровным стеклом горели огни города — сотни маленьких жёлтых точек, ровных, немигающих. Электричество. Я всё ещё не привыкла к этому слову. Оно звучало чужеродно, как всё здесь — камни, которые дышали медью, запахи, которые нельзя было назвать, существа, которые смотрели сквозь меня, будто я была призраком.

Может, так оно и было.

Где-то там, далеко за горами, спала *Элеонор*. Не зная, что я жива, но уже узнав, что я никогда не вернусь назад.

Я отошла от окна, разделась, натянула ночную сорочку — шерстяную, грубую, пахнущую лавандой. Легла на кровать, укрылась одеялом. Камин догорал, и последние угли отбрасывали на потолок багровые отсветы, похожие на кровавые разводы.

Я закрыла глаза.

Перед ними всё ещё стояла *Улья*. Её лицо, её слёзы, её голос: «*Беги, Лири*».

Я не побежала.

И теперь я здесь.

«*Что же ты наделала, Лирия Эрейдер?*» — спросила я себя.

Ответа не было.

Только тишина, холод и ровный электрический свет, который просачивался сквозь щель в шторе, ложась на пол жёлтой полосой — как предупреждение, как напоминание, что пути назад нет.

Глава 8

Утро следующего дня началось с того, что *Бри* разбудила меня затемно. Я ещё не успела открыть глаза, а её голос уже звучал где-то рядом — тихий, но настойчивый, как капель, которая точит камень.

— На кухне завтрак готовят с рассветом, госпожа, — сказала она, подавая мне чистое рабочее платье. — *Герда* не любит опозданий.

В коридорах уже горели ровные жёлтые лампы — тот самый *электрический* свет, который я никак не могла принять за обыденность. Он не мерцал, как свечи, не пах маслом, не дымил. Он просто был — ровный, безжалостный, выхватывающий из темноты каждый угол, каждую трещину в камне.

Я натянула одежду, быстро заплела косу — ту самую, которой учила меня *Элеонор*, когда мы были детьми. Её пальцы тогда двигались так же быстро и уверенно, как мои сейчас. Я завязала ленту потуже и вышла.

Бри шла впереди с фонарём, хотя в коридорах и так горели лампы. Но она несла его по привычке — или потому, что без света, исходящего от её собственных рук, она чувствовала себя неуверенно. Копытца почти не стучали по камню — только мягкое, ритмичное пощёлкивание.

Цитадель по утрам казалась совершенно иной. Днём она гудела от голосов, лязга металла, шагов и криков. А сейчас — тихая, почти пустая, лишь изредка попадались слуги, спешащие по своим делам, или стражник, сменившийся с ночной смены. Воздух был холодным и влажным, пахло камнем и медью.

На кухне уже кипела жизнь. Жар от печей ударил в лицо, и я на мгновение зажмурилась. *Герда* встретила меня у порога — руки в муке, взгляд тяжёлый.

— Опаздываешь на пять минут, смертная. Завтрак для стражи должен быть подан через час. Бери нож и режь лук.

Я взялась за работу без лишних слов.

Она бросила на меня неодобрительный взгляд

— *Руки-то хоть помой.* — она кивнула на металлическую трубу с вентиляем. Я подошла к нему с настороженностью. *Герда* вздохнула. — Поверни рычаг.

Я дёрнула за блестящую ручку. Из крана с шумом полилась вода — и она была *горячей!* Я отшатнулась, едва не выронив нож из руки. Несколько капель обожгли мне пальцы.

— Воду не видела? — буркнула гномка, но, заметив мой испуганный взгляд, вздохнула.

— *Это магия, да?* — спросила я. *Герда* фыркнула.

— *Магия? Нет. Это мозги, которых у тебя, видать, нет. Открутишь вентиль — вода польётся. Никакого сотворения.* Трубы под землёй, вода течёт из реки, нагревается в котлах. У нас так на нижних этажах.

— Даже в домах? — спросила я, всё ещё глядя на льющуюся воду, как на чудо.

— Даже в уборных, — фыркнула она. — Что, у вас такого нет?

— Нет, — честно сказала я. — Даже у богатых купцов.

Я открутила другой вентиль, и вода стала теплой. Я вымыла руки под неодобрительный взгляд наставницы. А затем вернулась к нарезке лука.

Пальцы быстро привыкли к движению — чистить, резать, отбрасывать шелуху. Ритм успокаивал. Где-то через час *Герда* подошла оценить мою работу

Она только хмыкнула и пошла дальше, покачивая головой, а я собралась отмыть потемневшие от луковой шелухи пальцы. Уже более решительно открыла оба вентиля, да только в итоге долго смотрела на воду, текущую саму по себе, по металлической трубе, словно по мановению

вению волшебной палочки. Это было похоже на чудо. Но здесь, как я быстро поняла, чудеса назывались *знаниями*.

С чудесами этого места мне ещё предстояло познакомиться.

К полудню я немного освоилась. Научилась зажигать и гасить электрические лампы на кухне — *Бри* показала, где кнопки, и я нажала на них с таким трепетом, будто закладывала бомбу. Поняла, что вода бывает не только горячей, но и холодной, и что из другого крана течёт питьевая — чистая, без мути, которая всегда оставалась в наших колодцах после дождей.

Герда оказалась суровой, но справедливой. Она не повышала голоса — ей хватало одного взгляда, чтобы я почувствовала себя нашкодившим ребёнком.

— Режешь криво — переделывай, — говорила она, проходя мимо. — Не умеешь — учись. Смертная ты или нет, а работа должна быть сделана.

Я переделывала. Резала заново. И с каждым разом получалось лучше.

После обеда, когда суeta немного улеглась и печи перестали реветь, требуя новой порции дров, в дверях кухни появился *Мелантир*.

Я не сразу заметила его — сначала уловила только движение, тень, скользнувшую по каменному полу. А потом подняла голову и увидела. Он был в простой рубашке с закатанными рукавами и тёмных брюках, без сюртука или камзола — и от этого казался моложе, почти таким же, как в тот день на рынке. Только глаза оставались чужими — слишком яркими, слишком внимательными.

— Ты не против, если я украду её на полчаса? — спросил он у *Герды*.

Та бросила на него недовольный взгляд — но кивнула.

— Только чтобы к ужину вернулась, Ваше Высочество.

— Хорошо. Верну в сохранности, — улыбнулся он и направился к выходу.

Я вытерла руки о передник, сняла его и повесила на крючок. *Герда* на меня даже не посмотрела. Где-то за моей спиной гном закричал, что суп подгорает, и кухня снова взорвалась суетой.

Я вышла следом за *Мелантиром*.

Мы направились в другой конец цитадели — туда, где коридоры были шире, своды выше, а воздух пах иначе: не едой и дымом, а сухими травами и старой древесиной. *Мелантир* вёл меня по переходам, которые я ещё не запомнила, и я старалась замечать ориентиры: поворот налево у статуи крылатого зверя, направо мимо гобелена с вытканными золотыми ветвями.

— Куда мы идём? — спросила я.

— В оранжерею. Ты должна это увидеть.

Он толкнул резную дверь из тёмного дерева, и я замерла на пороге.

Внутри было светло. Но не от ламп — от самих растений.

Десятки цветов, кустов и небольших деревьев светились мягким золотистым, синим, зелёным светом. Они переливались, как драгоценные камни, и от каждого исходил свой, особенный аромат. Воздух пах мятой, лавандой, чем-то сладким и терпким, как мёд с травами. Я вдохнула глубже, и вдруг мне показалось, что я снова стою в нашем саду в *Равенсте*, где собирала ромашку и зверобой.

— Это всё растёт здесь? — спросила я, не веря своим глазам.

— Да. Некоторые растения — только в *Бронзовых землях*. Их нельзя вывезти за барьер.

Я подошла к кусту с мелкими серебряными цветами. Они мерцали, как звёзды, и их лепестки были прохладными на ощупь, будто из тонкого металла.

— *Светиль-трава*, — пояснил *Мелантир*, сорвав лепесток. — Понюхай.

Я поднесла его к носу. Запах был цитрусовым, свежим — таким, от которого хотелось закрыть глаза и улыбнуться.

— Удивительно, — сказала я.

— Здесь много удивительного.

Мы бродили между грядок около часа. *Мелантир* рассказывал о каждом растении — как его выращивать, для чего используют, какие из них ядовиты, а какие лечат. Я слушала, задавала вопросы, и он отвечал — терпеливо, без насмешки, и я поймала себя на мысли, что в такие моменты забываю, кто он.

— Ты не похож на принца, — сказала я, когда мы вышли в коридор и дверь за нами закрылась, отрезав волшебный свет оранжереи.

— А какими должны быть принцы? — он поднял бровь.

— Надменными. Далёкими. Такими, что к ним на аудиенцию записываются за месяц.

Он рассмеялся — искренне, легко.

— У нас всё проще. *Бронзовые земли* — не королевство в вашем понимании. Мы скорее большая семья, где королева — старшая сестра.

— Которая тебя поучает при каждой возможности, — вспомнила я его слова из прошлого вечера.

— Вот именно. — Он вздохнул с притворной обречённостью. — Так что не завидуй.

Мы остановились у окна, выходящего на город. Внизу кипела жизнь — гномы тащили тележки, фавны перекликались, дети с острыми ушами бегали по мостовой, смеясь и размахивая игрушками.

— А завтра, — сказал *Мелантир*, — я покажу тебе всё это вблизи. Ярмарка. Ты ещё не была на нашей ярмарке.

— Нет, — ответила я, чувствуя, как внутри поднимается предвкушение — такое же, как в детстве перед *Рахмой*.

— Тогда готовься. — Он подмигнул. — Завтра в полдень я заберу тебя с кухни.

Когда мы вышли в коридор, я заметила в конце анфилады огромные резные двери с окошками под самым потолком. За ними угадывались ряды колонн и бесконечные стеллажи — книги, свитки, пергаменты. Моё сердце пропустило удар.

— А что там? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал небрежно.

— Библиотека, — ответил *Мелантир*, и его голос стал чуть более сдержанным. — Но там нет ничего интересного. Только для учёных и старейшин.

Мы прошли мимо, не задерживаясь.

— Пойдём, я покажу тебе фонтан. Он бьёт прямо из скалы.

Я позволила увести себя, но краем глаза ещё раз посмотрела на библиотеку. *Там бы мне как раз хотелось побывать*, — подумала я. Но спрашивать больше не стала.

Мы спустились во внутренний двор цитадели, а затем вышли за ворота — в город. Здесь, среди обычных домов и лавок, *Мелантир* казался почти своим: ни короны, ни стражи, только длинные поля его сюртука развевались на ветру.

Главная площадь оказалась больше, чем я думала. Фонтан в её центре бил вверх на высоту нескольких человеческих ростов, и вода, сверкая на солнце, падала в широкую чашу, высеченную из цельного камня — тёмного, с медными прожилками.

— Мы бросаем их на удачу, — пояснил *Мелантир*. — Говорят, если загадать желание и монета упадёт ровно на дно, не зацепившись за край, оно сбудется.

Я достала из кармана одну из тех жалких железных монет, что остались от *Равенста*. Она была холодной и шершавой, почти такой же, как те, которые мы с *Элеонор* пересчитывали вечерами — и никогда не находили нужной суммы.

Я размахнулась и бросила.

Монета со звоном упала в воду, пошла кругами и коснулась дна в самом центре — не зацепилась ни за край, ни за соседние монеты.

— Загадала? — спросил *Мелантир*.

— Да, — ответила я, не сводя глаз с расходящихся кругов.

Я не сказала ему, какое. *Вернуться домой. Увидеть сестру.*

Монета блеснула на дне в последний раз и замерла.

К закату мы поднялись на смотровую башню на окраине города. Я запыхалась, пока карабкалась по крутой винтовой лестнице, но *Мелантир* — ни одной капли пота, ни одного сбитого дыхания.

Отсюда открывался вид на всю долину. Цитадель внизу казалась игрушечной — её башни уходили в небо, но теперь, сверху, они выглядели почти хрупкими, словно кто-то вырезал их из картона и поставил на скалу. Город расплзался серыми и коричневыми пятнами, а за ним, на горизонте, вставали горы — синие, далёкие, почти сливающиеся с небом.

— Здесь красиво, — сказала я.

— Да, — ответил он.

Я повернула голову и заметила, что смотрит он на меня.

Смушение кольнуло где-то в груди — острое, неожиданное, как удар иглы. Я знала, что это было. Мне доводилось флиртовать с мужчинами — с тем же *Найтаном*, братом *Улы*. Мы часто перебрасывались шутками на рынке, я ловила его взгляды и отвечала улыбками. Но дальше этого дело не заходило. Серьёзные женихи обходили наш дом стороной — репутация *Элеонор*, молодой вдовы с долгами, пугала их. А с несостоятельными мужчинами я не могла сойтись сама: поместье требовало больших вложений, содержать мою семью было бы невозможно. Так я и осталась в подвешенном состоянии — достаточно смелая для лёгкого флирта, но совершенно неопытная в том, что идёт дальше.

Но *Мелантир* был не просто мужчиной. Он был *фэйри*. К тому же принцем этого королевства, где я была всего лишь служанкой.

— Ты слишком часто на меня смотришь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала.

— А ты слишком часто отводишь взгляд.

Ветер трепал наши волосы. Его — каштановые, с бронзовым отливом, мои — тёмно-русые, выгоревшие за лето до золотистых прядей. *Мелантир* мягко убрал прядь с моего лица, и его пальцы были тёплыми, почти горячими.

Я позволила ему это сделать — на секунду. А затем сделала шаг назад, наступая на неровный камень и едва не потеряв равновесие.

— Наверное, нам нужно идти. Уже поздно, *Герда* наверняка заждалась.

Он кивнул. Его лицо снова стало непроницаемым — тем самым, которое я видела на аудиенции у королевы. Холодное, чужое.

— Как пожелаешь.

Мы двинулись обратно. Всю дорогу до цитадели я чувствовала его присутствие за спиной — тяжёлое, внимательное — и не оборачивалась.

Ужин я почти не помню. *Герда* ворчала, что суп остыл, но я ела молча, глядя в тарелку, и не слышала ни слова. В голове крутились обрывки нашего разговора, его взгляд, то, как он убрал прядь с моего лица.

И как я отстранилась.

«Правильно сделала, — сказала я себе, ложась в постель. — Ты здесь не ради сказки».

Но перед глазами всё равно стояла его улыбка. И я знала, что заснуть теперь будет трудно.

Я смотрела в потолок, слушая, как потрескивает камин, и думала о том, что *Мелантир* — это ловушка. Красивая, тёплая, манящая. И что если я позволю себе упасть, то, возможно, уже не смогу подняться.

Но почему-то это не пугало меня так сильно, как должно было.

За окном багровели горы, и холодный ветер приносил запах бронзы — напоминание о том, что я больше не дома.

И, возможно, никогда его уже не найду.

Глава 9

В этот день я проснулась до того, как ко мне явилась *Бри*. Утро было хмурым, за окном кружились редкие снежинки — мелкие, колючие, они таяли на стекле, не успев долететь до подоконника. Я натянула тёплое платье и уже собиралась выйти, когда дверь открылась и в неё проскользнула сама фавна.

Её глаза широко распахнулись от удивления — видимо, она не привыкла, чтобы я вставала раньше неё. Но *Бри* тут же отвесила короткий реверанс и положила принесённые вещи на стул.

— Вы сегодня рано, госпожа, — сказала она с непривычным оживлением. — Сегодня ярмарка. Вы пойдёте с его Высочеством *Мелантиром*?

— Пойду, — ответила я. — Там холодно?

— В горах всегда прохладно, даже летом. А сегодня обещают снег.

Я удивилась. В *Равенсте* в это время года уже всюду цвели сады, воздух был тяжёлым от цветочной пыльцы и жужжания пчёл. А здесь, в *Бронзовых землях*, всё ещё лежал снег. *Бри* протянула мне тёмно-синий плащ с меховой оторочкой — мягкой, почти шёлковой на ощупь.

— Возьмите, госпожа. Господин *Мелантир* велел.

Я взяла плащ, провела пальцами по меху. «*Заботливый*», — подумала я, но тут же одёрнула себя. Нельзя привыкать. Нельзя позволять этим жестам — таким тёплым, таким человеческим — проникать под кожу.

На кухне *Герда* встретила меня привычным ворчанием, но сегодня в её голосе чувствовалось что-то другое. Может, нетерпение.

— Сегодня ярмарка. Завтрак и обед сделаем, а потом все, кроме дежурных, свободны. — Она покосилась на меня. — Принц велел, чтобы ты тоже шла. Нечего тут отлынивать от развлечений.

Я удивилась его настойчивости, но спорить не стала. Работа закипела — чистила овощи, месила тесто, помогала разливать суп. Руки двигались сами, на автомате, а мысли были где-то далеко — там, где вчерашний вечер, его взгляд, его пальцы, убирающие прядь с моего лица.

К полудню всё было готово. *Герда* махнула рукой:

— Можешь идти. Мы закончим подачу обеда и тоже пойдём. Но к ужину вернись.

Я сняла передник, повесила его на крючок и вышла.

В дверях меня ждал *Мелантир* — в длинном тёмно-синем сюртуке, подбитом мехом. Волосы он сегодня не собирал в хвост, они падали на плечи густыми каштановыми прядями, в которых ещё угадывался медный отлив. Без привычной строгости он казался почти уязвимым. Молодым. Почти человеком.

— Готова? — спросил он.

— Да, — ответила я и добавила, стараясь, чтобы голос звучал ровно, почти отстранённо: — Ты, я смотрю, решил устроить мне настоящую экскурсию. Оранжерея, фонтан, теперь ярмарка. Не слишком ли много стараний для простой смертной?

Он улыбнулся — но в глазах мелькнуло что-то неуловимое.

— Мне не трудно. И потом, ты же не просто смертная. Ты — гостья.

— Гостья, которую отправили на кухню, — напомнила я.

— Временно, — парировал он. — А сейчас идём.

Он протянул руку, и я замешкалась лишь на секунду, прежде чем принять её. Ладонь его была сухой и тёплой, и даже через плотную ткань перчатки я чувствовала этот жар.

Мы вышли за ворота цитадели.

Город преобразился. Вдоль улиц выстроились дополнительные прилавки — деревянные, резные, украшенные медными подвесками, которые позвякивали на ветру. Повсюду висели гирлянды со слабым мерцанием, и я поняла: это не магия — просто маленькие стеклянные шары, внутри которых что-то горело ровным, спокойным светом. Воздух пах жареным мясом, пряностями — корицей, гвоздикой, чем-то ещё, неуловимым, — и мокрым камнем.

— Ярмарка раз в год, — пояснил *Мелантир*, беря меня под руку. — Торговцы со всех земель съезжаются.

Снег кружился, оседая на волосах и плечах, и я с удивлением заметила, что он не тает на его сюртуке — словно сам воздух отступал перед принцем.

— И сколько ты столетий водишь сюда девушек с *обрюка*? — спросила я с лёгкой насмешкой, хотя внутри всё сжалось.

Меня мучило любопытство. В *«Писании первых»* говорилось, что *ложно-бессмертные* могут жить до тысяч лет, но определить возраст по их лицу было невозможно. *Мелантир* мог быть и двадцатилетним, и двухсотлетним — его кожа оставалась гладкой, только в уголках глаз залегали едва заметные морщинки, да взгляд был слишком старым.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Ты первая, кого я пригласил.

Я не нашлась с ответом и сделала вид, что засмотрелась на толпу. Но он, видимо, заметил моё любопытство — или запах моего интереса, как он сам выразился той ночью у ручья.

— Хочешь узнать, сколько мне лет? — спросил он, усмехнувшись. — Четыреста шестьдесят семь. Если считать по вашему летосчислению.

Я поперхнулась.

Четыреста шестьдесят семь! Я ожидала чего-то подобного — разумом понимала, что он древний, — но всё равно стало не по себе. На миг я представила, сколько он повидал, сколько раз *обрюк* приходил и уходил. Сколько девушек до меня стояли на этом же месте, смотрели на те же статуи, вдыхали тот же воздух.

— А твоя сестра? — спросила я осторожно.

— Почти восемьсот. — Он говорил спокойно, будто речь шла о погоде. — Она была уже взрослой, когда я только родился.

— И сколько *обрюков* ты помнишь? — не унималась я.

Мелантир на мгновение задумался, но ответил не сразу. В его глазах мелькнуло что-то далёкое, почти печальное — такая глубокая, древняя усталость, что мне стало не по себе.

— Много, — сказал он наконец. — Но я не водил их сам. Только наблюдал. С тех пор, как мне исполнилось двести, наверное.

Я быстро прикинула. Двести лет назад. Если *обрюк* раз в десять лет, то получалось около двадцати раз. Но он сказал «много», а не «двадцать». Значит, он начал наблюдать раньше? Или просто округлил? Или *обрюк* не всегда был таким редким?

— А последние годы? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

Он покосился на меня — долгим, изучающим взглядом. Но ничего не сказал. Только сжал мою руку чуть крепче и повёл дальше.

Я поняла, что расспрашивать бесполезно.

Мы шли дальше, и я снова заметила статуи — те самые, что видела в первый день, когда мы только вошли в город. Тогда они показались мне просто памятниками, грубыми, но величественными. Теперь же, когда мы не торопились, я разглядела их лица. У одних — гнев, застывший на века. У других — ужас, застывший в тот самый момент, когда смерть пришла за ними. У третьих — отчаяние, такое глубокое, что его можно было потрогать.

У подножия каждого изваяния лежали медные венки — потускневшие от времени, но всё ещё блестящие на сгибах. Словно кто-то до сих пор приходил сюда и клал их.

— Ты говорил тогда, что ваши предки отдали свои силы, чтобы создать барьер, — сказала я. — Это они?

Мелантир проследил за моим взглядом и помрачнел. Его лицо стало чужим — замкнутым, непроницаемым.

— Это те, кто не ушёл в землю, — ответил он тихо. — Их не поглотила смерть. Боги оставили их здесь. Не мёртвые и не живые. Застывшие.

— За что? — вырвалось у меня.

Он помолчал. Ветер трепал его волосы, и в этом молчании было что-то тяжёлое, древнее, едва ли не запретное.

— Они хотели жить, — сказал он наконец. — Но людям становилось тесно рядом с нами. Мы начали *Первую войну*. Проиграли. — Его голос звучал ровно, без боли, без горечи — будто он читал книгу, написанную кем-то другим. — Барьер — это плата за мир. А эти — он махнул рукой в сторону статуй, — это плата за гордыню. Они не хотели уступать. Теперь стоят.

— А силы? — спросила я. — У них их тоже нет?

— Теперь нет. — Он усмехнулся — но безрадостно, одними уголками губ. — Боги забрали всё. Оставили только оболочку.

Я хотела спросить ещё — о чём? О том, чувствуют ли они боль? Слышат ли нас? Но он взял меня за локоть и повёл дальше, мягко, но настойчиво.

— Не смотри на них так, *Лирия*. Они не враги. Они просто проигравшие. Как и мы все тогда.

— А сейчас? — я не отступала. — Сейчас вы не хотите расширять земли?

Он остановился, посмотрел на меня странно — так, будто я спросила, дышит ли рыба под водой.

— Сейчас мы хотим выжить.

И, не дожидаясь ответа, указал на ближайший прилавок:

— Смотри, это померанец. Из южных долин. Попробуй.

Я поняла: разговор закрыт.

Фрукт оказался ярко-оранжевым, с плотной, чуть шершавой коркой. *Мелантир* разрезал его ножом — лезвие вошло в мякоть с мягким хрустом, и по воздуху разлился сладкий, чуть горьковатый запах, такой густой, что у меня закружилась голова.

— У нас такие растут в теплицах, — пояснил он, протягивая мне дольку. — Но на ярмарку привозят из предгорий. Ешь с кожурой. Тонкая.

Я откусила. Вкус был необычным — терпким, солнечным, таким, от которого во рту становилось жарко, а на языке оставалось лёгкое покалывание.

— Никогда такого не пробовала, — призналась я, облизывая пальцы, и тут же пожалела о своей неловкости.

Но он только улыбнулся.

— В *Равенсте* не растут, — кивнул он. — Как и многое другое.

Мы пошли дальше. Я увидела прилавок с вышитыми платками — яркие, с геометрическими узорами, похожими на те, что носили в горах на юге. *Мелантир* купил один, с красным орнаментом, и, не глядя, сунул мне в руки.

— Это зачем? — спросила я, рассматривая плотную ткань.

— Чтобы ты не мёрзла. — Он уже отвернулся к следующей лавке, где гном в расшитом жилете предлагал глиняные свистульки в виде птиц и зверей. — И чтобы помнила, что не только работа.

Я хотела возразить — сказать, что не просила, что не нужно, что я не привыкла к подаркам. Но слова застряли в горле. Платок пах дымом и почему-то мёдом.

В толпе я вдруг заметила знакомое лицо — *Герда*! Повариха шла под руку с коренастым мужчиной в кожаной безрукавке, с такой же седой, как у неё, бородой. Я чуть не окликнула её,

но в последний момент замерла: *Герда* смеялась. Я никогда не видела, чтобы *Герда* смеялась. На кухне она только хмурилась или ворчала, а её голос был таким же острым, как её ножи.

— Это её муж, — сказал *Мелантир*, перехватив мой взгляд. — Кузнец. Он работает в нижнем городе. Они приходят на ярмарку каждый год.

— Она выглядит счастливой, — заметила я.

— Все выглядят счастливыми на ярмарке. — Он пожал плечами, но в его голосе не было цинизма. Только констатация факта. — Даже те, кто несёт *оброк*.

Я промолчала.

Герда, заметив меня, кивнула и помахала рукой. Я помахала в ответ. Муж рядом с ней что-то сказал, и она рассмеялась снова — громко, заливисто, от всей души. Я вдруг подумала о *Равенсте*, о последней ночи перед *Рахмой*, когда мы с *Элеонор* танцевали на площади. Тогда я тоже смеялась — хотя знала, что завтра уйду навсегда.

— Ты грустишь, — сказал *Мелантир*.

Я тяжело вздохнула. Не стала скрывать очевидного.

— Да. Просто накатили воспоминания.

— О ком-то особенном? — поддел он с лёгкой улыбкой, но глаза его чуть прищурились.

Я слабо улыбнулась — той улыбкой, которая не трогает глаз.

— У меня тоже есть старшая сестра, как и у тебя. — Я отвела взгляд в сторону, уставилась на мелькание красных и золотых лент. — Вспоминаю, как прощалась с ней наспех. Мы танцевали и ели пироги. И она улыбалась. Впервые за много лет. Она не знала, что видит меня в последний раз.

Горло сдавило. Тоска по сестре ощущалась почти физически — как ожог, как глубокая рана, которая никогда не заживёт.

Сочувствие отразилось на его лице — но такое сдержанное, почти неловкое, будто он не привык показывать эмоции.

— Кажется, я видел её на рынке, — сказал он тихо. — Красивая. С тёмными волосами. Строгий взгляд.

Я усмехнулась сквозь подступающие слёзы.

— Да, это она. — Я сжала ладонь в кулак. — Ты по ней скучаешь, — сказал он.

— Очень. — Я не стала отворачиваться. — Она единственная, кто заботился обо мне. Всегда. Даже когда была злой и холодной со всеми остальными. Она старалась вытащить нашу семью из долговой ямы, когда умер отец. А я я не смогла смотреть, как она тонет. Поэтому и пришла сюда.

— Всё было настолько серьёзно? Деньги могли решить вашу проблему? — спросил он участливо.

Мне не хотелось отвечать. После смерти *Ульи* и стражников я начала сомневаться — не совершила ли я непоправимую, несоизмеримую ошибку, решившись на *оброк*. Но тогда, в *Равенсте*, мне казалось это единственно правильным.

— Я не знаю, как у вас здесь обстоят дела, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но в *Равенсте* мы были наказаны только из-за того, что брак моей сестры не сложился. Наказаны материально — очень сильно. Мы могли потерять дом — последнее, что позволяло нам ещё существовать в городе. — Я запнулась, провела тыльной стороной ладони под глазом и обнаружила влагу. — Но думаю, самым важным в моём решении прийти сюда было то, что я хотела освободить её от этого бремени. Потому что всё, что случилось с ней, произошло из-за меня.

— Из-за тебя? — переспросил он наконец.

— Если бы не я, она бы не вышла замуж так рано, — выдохнула я. — У отца были финансовые трудности. Он собирался их переждать, не рисковать но я заболела. Нужны были деньги на лечение. — Я сглотнула, чувствуя, как снова подступают слёзы. — И мои родители

они продали сестру. Состоятельному мужчине, на двадцать лет старше её. Она согласилась, чтобы спасти меня.

— А потом? — тихо спросил *Мелантир*.

— Он вернул её домой. Развёлся с ней. И почти сразу после этого умер. — Я провела рукой по лицу, вытирая слёзы. — Она осталась должна отступные. Огромную сумму. И всё это время платила одна. Я была ещё мала. Разница у нас всего четыре года, но она всегда вела себя как мать, а я я ничего не могла сделать.

— Поэтому ты пришла на *оброк*.

— Поэтому, — подтвердила я. — Я хотела освободить её. Думала, что медные монеты решат всё. А теперь теперь я не знаю, правильно ли поступила.

Мелантир долго смотрел на меня. Потом протянул руку и осторожно убрал упавшую прядь с моего лица — так же, как вчера на смотровой башне. Но сейчас я не отстранилась.

— Ты очень сильная, *Лирия*, — сказал он тихо. — И твоя сестра тоже. Такая забота — редкость. Я понимаю, почему ты её любишь.

Я хотела ответить, но в горле стоял ком. Вместо этого я сделала шаг назад — мягко, без вызова. Просто чтобы вдохнуть.

— Пойдём, — сказала я, стараясь взять себя в руки. — Ещё не всё посмотрели.

Он кивнул, не настаивая.

Мы прошли ещё несколько рядов. *Мелантир* отвлёкся на прилавок с металлическими безделушками, а я ощутила, что мне хочется побыть одной. Хотя бы на несколько минут.

— Я скоро вернусь, — сказала я. — Хочу посмотреть на ту сторону.

Он бросил быстрый взгляд в ту сторону, куда я указала, и кивнул.

— Не теряйся. Встретимся у фонтана.

Я отошла, лавируя между прилавками, стараясь не замечать любопытных взглядов торговцев. Мысли путались, перед глазами всё ещё стояла *Элеонор*. Я почти не смотрела по сторонам — пока не наткнулась на кого-то взглядом.

Старуха сидела прямо на земле, прислонившись к стене какого-то дома. Чёрный платок, морщинистое лицо, мутные глаза, в которых, казалось, застыла вечность. Она не звала, не протягивала руку. Просто смотрела.

— Ну здравствуй, *Оброчная*, — сказала она, когда я поравнялась с ней. Голос скрипучий, как ржавые петли. — Пойди сюда. Рассмотреть хочу тебя.

— Не надо, — ответила я, делая шаг назад. Сердце ёкнуло.

— А я и не спрашиваю. — Она усмехнулась, обнажив редкие жёлтые зубы. — Вижу только смертность твою. — Она втянула носом воздух, пригнувшись, как зверь. — Но кровь твоя старая.

— В *Равенсте* у нас тоже были гадалки, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И все обещали любовь и богатство. Ничего не сбывалось.

— Тебе я обещать не буду, — фыркнула она. — Твой путь окончится в мучении. С тьмой познакомишься, но со светом воротишься не собой. Далеко. В лесу, где деревья помнят кровь. — Она подалась вперёд, и я почувствовала запах сырой земли и сухих трав. — Он придёт за тобой, *Оброчная*. Не сейчас. Потом. Когда ты не будешь ждать.

У меня распахнулся рот. *Какая же чушь!* Я начала отворачиваться.

— Лучше бы ты про любовь и богатства сочиняла, — бросила ей через плечо.

— А на кой тебе сочинять? — захохотала старуха и вдруг запела: — *Любовь познаешь ядовитую, да спасение ей даруешь. Любовь истинную обретёшь — и в могилу ты уйдёшь.*

Я не стала отвечать, спеша убраться подальше от этой сумасшедшей. Она так и продолжала петь свою странную песню, но я уже ничего не разбирала — только отдельные слова, которые въедались в память, как кислота.

— *Лирия!*

Голос *Мелантира* раздался за спиной. Я вздрогнула. Он стоял в двух шагах, сложив руки на груди. Лицо было спокойным, почти бесстрастным — но глаза они были холодными. Очень холодными.

— Ты далеко ушла, — сказал он, даже не глядя на старуху. — Я забеспокоился.

— Я в порядке, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто эта она несёт какую-то ахинею.

Мелантир перевёл взгляд на гадалку. Та оскалилась — без страха, скорее с вызовом.

— А ты не смотри на меня так, Ваше Высочество. Я правду говорю. Не всю, но правду. — Она сплюнула на землю. — Уводи свою *оброчную*, пока я не сказала лишнего.

— Ты уже сказала, — сухо ответил он и взял меня за локоть. — Пойдём.

Я позволила увести себя. Но в голове всё ещё звенело: «*Любовь познаешь ядовитую любовь истинную обретёшь — и в могилу ты уйдёшь*».

Чушь, конечно. Обычная гадалка, каких в *Равенсте* было полно. Эта даже не попросила монету.

Но почему-то было тошно.

Мелантир привёл меня к фонтану. Мы молча стояли у края, глядя, как вода сверкает на солнце, отражая редкие снежинки, которые всё ещё кружились в воздухе. Снег почти перестал.

— Ты расстроена? — спросил он.

— Нет, — соврала я. — Просто устала. И замёрзла.

Он кивнул и снова накинул мне на плечи свой плащ — тёплый, пахнувший дымом и хвоей. Я не стала отказываться.

— Пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе ещё кое-что, а потом отведу в цитадель. *Герда*, наверное, уже заждалась.

— Что за «кое-что»?

— Сюрприз, — он слабо улыбнулся.

Сюрпризом оказались гномы, жонглирующие огнём. Я смотрела, как языки пламени перелетают с факела на факел, выписывая в воздухе огненные дуги, и на миг забыла о словах гадалки. *Мелантир* стоял рядом, не касаясь, но я чувствовала его присутствие — тяжёлое, внимательное, почти осязаемое.

— Ты не веришь в предсказания? — спросил он, когда представление закончилось и гномы раскланялись под аплодисменты толпы.

— Нет, — ответила я. — А ты?

Он помолчал.

— Иногда они сбываются. Но чаще — нет. Люди слышат то, что хотят услышать, и сами строят свою судьбу.

— А если предсказание страшное?

— Тогда его можно попытаться изменить, — он посмотрел на меня. — Или забыть. Забудь, *Лирия*. Она просто старая карга.

Я кивнула, но забыть не получилось.

Нужно было возвращаться к вечерней работе. *Герда* ждала к ужину, и я не могла её подвести — не после того, как она разрешила мне уйти.

— Нам пора.

— Да, — он кивнул. — Пора.

Вернулась я затемно. *Герда* уже ушла, на кухне горел одинокий фонарь, отбрасывая жёлтые круги на каменный пол. Я поужинала остатками супа — он уже остыл, но я не жаловалась, — поднялась в свою комнату.

Перед сном достала медного дракончика — подарок гнома с ярмарки — и платок, который купил *Мелантир*. Ткань была мягкой, тёплой.

«*Четыреста шестьдесят семь лет*», — думала я, глядя в потолок. «*Он видел столько оброков И молчал*».

«*Любовь познаешь ядовитую любовь истинную обретёшь — и в могилу ты уйдёшь*».

Чушь, конечно. Но спать не хотелось.

Я свернулась калачиком под одеялом и долго смотрела, как угли догорают в камине, отбрасывая на стены пляшущие тени. Мысли путались: *Мелантир*, его улыбка, его холодные глаза, когда он смотрел на гадалку. И её слова. И тень из ночи *Рахмы* — мужчина в капюшоне, что велел мне бежать.

«*Он придёт за тобой Когда ты уже не будешь ждать*».

Кто? *Мелантир*? Или кто-то другой?

Я закрыла глаза и провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

Глава 10

Я проснулась от того, что кто-то тряс меня за плечо. *Бри* стояла надо мной — уже одетая, с медным кувшином горячей воды в руках, из которого поднимался пар, пахнувший травяным отваром.

— Госпожа, вставайте. *Герда* не любит опозданий.

Я села на кровати, щурясь от света. Сквозь щели в ставнях пробивался серый утренний свет — такой же, как всегда в этой холодной, каменной стране. В комнате было тепло: камин всё ещё тлел, угли мерцали ровным малиновым светом, и я на секунду задержала на них взгляд, собираясь с мыслями.

— Что сегодня? — спросила я, потягиваясь и ощущая, как хрустят затекшие плечи.

— Пирожки с мясом, — ответила *Бри*, разливая воду в таз. — И хлеб. *Герда* сказала, вы уже умеете месить тесто, пора учиться лепить.

Я умылась — вода была обжигающе горячей, пахла можжевельником, — и натянула рабочее платье. То самое, что выдали в первый день: простое, шерстяное, тёмно-серое, уже поношенное на локтях. *Бри* заметила мой взгляд.

— Если хотите, могу попросить у кладовщицы другое. У вас есть право на смену одежды.

— Не надо, — ответила я, одёргивая подол. — Это сойдёт.

Но я думала о другом. О том, что женщины на кухне ходили в брюках — как мужчины. Удобно, практично. Ткань не путается под ногами, не липнет к раскалённым печам. Мне такие не предлагали. Я не знала, можно ли просить. Или это будет нарушением того самого негласного «уважения», о котором говорила *Бри*?

На кухне уже кипела жизнь.

Печи ревели, котлы булькали, гномы и фавны сновали между столами, выкрикивая заказы. *Герда* встретила меня на пороге, не дав даже поздороваться.

— Сегодня печём. Тесто готово. Твоя задача — лепить пирожки. И чтобы все одинаковые были, поняла?

Я кивнула и подошла к столу. Гора теста — упругого, ещё тёплого, — миска с мясной начинкой, доска, посыпанная мукой. Я взяла кусок теста, раскатала, положила начинку, защипнула края.

Первый пирожок получился кривым — словно я лепила его в темноте, не глядя.

— Переделай, — сказала *Герда*, даже не взглянув на результат. Голос её был ровным, но в нём слышалась та особая сталь, которая не терпит возражений.

Я переделала. Второй вышел лучше — по крайней мере, не развалился. Третий — почти красивый, с аккуратным рубчиком по краю.

— Не позорься, — буркнула гномка, проходя мимо и поправляя мои руки своими корявыми, но удивительно ловкими пальцами. — Для смертной у тебя неплохо. Но руки не мылом мыть надо, а маслом смазывать, чтобы тесто не липло.

Я послушалась. Пирожки пошли быстрее, и вскоре передо мной выстроился целый ряд одинаковых, румяных, будто солнышки, заготовок.

В полдень, когда пирожки уже пеклись, наполняя кухню запахом жареного мяса и свежей сдобы, *Герда* отправила меня отнести обед в малую столовую — для королевы и её приближённых. Я взяла поднос — тяжёлый, с деревянной резьбой по краям — и пошла, стараясь ступать ровно, чтобы не звякали тарелки.

В коридоре я встретила *Бри*. Она тащила огромную корзину с бельём, почти скрываясь за ней. Увидев меня, фавна остановилась, и я воспользовалась моментом.

— *Бри*, — окликнула я. — А почему ты не носишь брюки? Как другие женщины на кухне?

Она удивилась — её жёлтые глаза с вертикальным зрачком расширились.

— Потому что я не работаю на кухне, госпожа. Я служанка. У нас форма — платье.

— А я? — спросила я, кивнув на свой поднос. — Я работаю на кухне. Мне можно брюки? *Бри* замялась. Её пальцы нервно перебирали край корзины.

— Вы — *гостья*, — сказала она наконец. — Вам положено платье. Это знак уважения.

— Но я не чувствую себя гостьей. Я чувствую себя прислугой.

— *Оброк* обязывает вас служить, — тихо ответила *Бри*, понижая голос так, чтобы никто из проходящих мимо не услышал. — Но королева велела относиться к вам как к гостье. Поэтому вы и носите платье.

Я не поняла. Как можно быть одновременно служанкой и гостьей? Но спорить не стала. Только вздохнула.

— Платье портится от работы. Я выгляжу чумазой, — призналась я, одёргивая передник, который уже успел покрыться мучными разводами. — Всё же удобней было бы в брюках.

Бри задумалась — так, будто решала сложную задачу.

— Узнаю, можно ли с этим что-то сделать. Подготовлю для вас сменную одежду.

Я поблагодарила её и пошла дальше, оставив *фавну* стоять посреди коридора с задумчивым лицом.

Коридоры цитадели были тихими — в этот час большинство обитателей ещё отдыхало, может быть, досыпали после вчерашнего пира или готовились к сегодняшнему. Малая столовая находилась в восточном крыле, куда меня ещё ни разу не водили. Я шла мимо гобеленов с вытканными золотыми ветвями и статуй, которые провожали меня каменными взглядами.

Дверь оказалась приоткрытой. Я постучала костяшками — негромко, на всякий случай.

— Войдите, — раздался голос королевы.

Я толкнула дверь и вошла. Столовая оказалась небольшой, но изящно обставленной: тёмное дерево, медные светильники на стенах, узкое окно с видом на горы, за которым серое небо сливалось со снежными вершинами. За столом сидели двое — сама королева и пожилая богинка с острыми чертами лица, в тёмно-зелёном платье, расшитом серебряными нитями.

— А, *оброчная*, — королева отложила какую-то бумагу — плотный пергамент, покрытый рунами. — Ставь сюда.

Я поставила поднос на стол, принялась раскладывать тарелки. Мои руки слегка дрожали, но я старалась не показывать этого. Королева наблюдала за мной без особого интереса — с той отстранённой ленцой, с которой смотрят на муравья, пересекающего тропу. Но взгляд у неё был цепкий, и я чувствовала, как он скользит по мне, отмечая каждую деталь.

— Как тебе служится на кухне? — спросила она, когда я закончила. Её золотые глаза, такие же, как у *Мелантира*, смотрели с осторожностью дикой кошки.

— Хорошо, Ваше Величество. *Герда* добра ко мне.

— *Герда* добра ко всем, кто работает, — на её губах отразилось что-то похожее на ухмылку. — А *Мелантир* с тобой добр?

Я замерла на секунду, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Да, Ваше Величество. Он часто навещает меня знакомит с этим местом.

— Знаю. — Она взяла вилку, ковырнула пирожок, но не откусила. — Ему не в тягость возиться с *оброчными*. Так и прежде было. Но с тобой — она подняла на меня глаза, и в них мелькнуло что-то, чего я не смогла прочитать, — почему-то с тобой он особенно усерден.

Пожилая богинка тихонько кашлянула — то ли предупреждая, то ли привлекая внимание. Но королева не обратила на неё внимания.

Королева, не стесняясь, разглядывала меня, наклоняя голову в разные стороны, словно я была картиной, которую она никак не могла оценить. Потом откинулась на спинку стула, сложила руки на груди.

— Ты красивая, — сказала она в заключение, и я отчего-то похолодела. — И не глупая, я слышала. Надеюсь, ты понимаешь, что от тебя хотят?

Я сглотнула. Горло пересохло.

— Служить, Ваше Величество.

— Быть *услужливой*, — поправила она, и это слово — *услужливой* — прозвучало как приговор. — А теперь иди. *Герда* ждёт.

Я поклонилась — неловко, с чопорностью, которую в детстве вбивала в меня наша старая няня, — и вышла. Сердце колотилось где-то в горле. «*Что от тебя хотят*» — она сказала это таким тоном, будто речь шла о чём-то большем, чем просто кухонная работа. «*Это же была моя временная проверка, — подумала я. — Скоро мне дадут новое назначение, вероятно*».

На кухню я вернулась молчаливая. *Герда* бросила на меня быстрый взгляд, но ничего не спросила. Я отвечала только когда меня спрашивали, делала то, что мне указывали. В общем, была *услужливой*.

Так продолжалось несколько одинаковых дней. Я подрывалась затемно, спешила на кухню, месила тесто, резала овощи, мыла котлы — и каждый вечер возвращалась в комнату с гудящими ногами и пустой головой. Я старалась создавать всем как можно меньше проблем — просто делала своё дело. И, кажется, это работало: *Герда* перестала ворчать по каждому поводу, а гномы перестали коситься.

Но сегодня утром *Бри* подстерегла меня ещё раньше обычного. Я уже и забыла о нашем разговоре, но она пришла ко мне в комнату с ворохом тёмно-синей ткани.

— Кладовщица сказала, это осталось от предыдущей девушки, — тихо пояснила *Бри*. — Она носила такие, когда работала в полях.

Она разложила на кровати брюки, рубашку, жилетку. Всё из мягкой шерсти, удобное, практичное — не то, что мои вечно путающиеся юбки.

Я взяла брюки в руки, повертела. Ткань была приятной на ощупь, но мысль о том, что их носила девушка, которую потом отправили в поля, неприятно царапнула изнутри. Я отогнала эту мысль.

— Спасибо, — горячо поблагодарила я, чувствуя, как внутри разливается настоящий восторг. — Правда, спасибо.

Бри улыбнулась и достала ещё один свёрток. Моя улыбка увяла — это были платья. По дороговизне они не уступали тому, в котором меня отправили на представление королеве, и даже превосходили его. Шёлк, бархат, кружево — они выглядели совершенно новыми, нетронутыми.

— А это зачем? — поинтересовалась я, уже стягивая через голову рабочее платье.

— Сменная одежда, госпожа.

Бри подняла тёмно-синее тяжёлое бархатное платье — в таком сама королева смотрелась бы великолепно, — и нежно-розовое с длинными рукавами и кружевными оборками.

— Куда я могу в таком отправиться? Не помню, чтобы собиралась устраивать бал, — я уже натягивала брюки, радуясь, как они ложатся по фигуре.

— Для вашего свободного времени, — служанка пожала плечами. — Может, для прогулок по городу. Вы же помните, что у вас тоже положены выходные.

— В моём городе, если бы я продала одно такое платье, я бы могла целый месяц содержать наше поместье, — пробормотала я, застёгивая пуговицы на жилетке.

К вечеру после работы мне стало скучно. Сидеть в своей комнате и пялиться на горы? Или бродить по верхним этажам для слуг, где пахло кислым молоком и сырой штукатуркой? Я уже исходила их вдоль и поперёк.

И на этот раз я не стала ждать, пока *Мелантир* сам придёт за мной. Последние два дня я видела его только мельком за трапезами — он сидел за главным столом, говорил о чём-то с советниками, а когда наши взгляды встречались, отводил глаза.

Найти принца вечером почему-то не вызвало у меня смущения.

Я умылась, переделась в простую сменную тунику, надела корсет и рабочую юбку — ту, которую уже успела привести в порядок после бесконечных стирок. Шикарные платья остались висеть в шкафу нетронутыми, собирая пыль.

Цитадель оказалась лабиринтом. Я блуждала по коридорам, пугая факелами из электрических ламп, пока не услышала голоса. За поворотом обнаружилась открытая дверь. Внутри *Мелантир* сидел за столом с двумя мужчинами — военным в потемневшей меди и пожилым советником с длинной седой бородой. Перед ними лежали карты и свитки, густо исписанные рунами.

— поставки руды упали на треть, — говорил советник, водя пальцем по пергаменту. — Если не найдём новый источник

Мелантир вдруг поднял голову и посмотрел прямо на меня. Я замерла, думая, что он рассердится или, по крайней мере, удивится.

Но он улыбнулся.

— Извините, — сказал он собеседникам, вставая. — Продолжим завтра.

— Ваше Высочество, но мы не закончили! — воскликнул военный, стукнув кулаком по столу.

— Закончили. — *Мелантир* уже шёл к двери, стряхивая с рукава невидимую пыль. — У меня появилось более важное дело.

Он увлёк меня за собой в коридор, и за нашими спинами дверь закрылась с глухим стуком.

— Ты искала меня? — спросил он, когда мы остались одни.

— Я хотела спросить глупость, конечно, — я отвела взгляд, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Не хотел ли ты погулять сегодня? Наверху безумно скучно. Но если ты занят

— Теперь нет, — сказал он, и на его лице появилась широкая улыбка. — Я всегда рад составить тебе компанию. — Он поднял палец: — Только переназначу встречу на другой день и вернусь.

Он снова скрылся за дверью, и я услышала, как внутри начался спор. Голоса становились громче, потом стихали, а затем раздался резкий ответ *Мелантира* — и наступила тишина. Мне стало стыдно: я оторвала его от важных дел из-за собственной скуки. Не могла *Бри* разыскать для прогулки? Или *Герду*, на худой конец?

Через минуту он уже вернулся — посвежевший, с расстёгнутым воротом рубашки.

— Ну что, идём?

И я вдруг почувствовала, как внутри разливается тепло — такое же, как вчера у фонтана.

Мы гуляли по городу. Он показывал мне смотровые площадки, о существовании которых я даже не догадывалась: узкие балконы, врезанные в скалу, с которых открывался вид на бронзовые пики и горную гряду, уходящую вдаль на много миль. Горы казались бесконечными — чёрные, с медными прожилками, они уходили к горизонту, где небо сливалось с землёй. При закатном свете пики пылали красным, как сигнальные костры, хотя никаких рек или озёр рядом не было.

Странно, мы же вчера рыбу подавали.

— А что там, за горной грядой? — спросила я, когда мы остановились на очередном выступе. Ветер трепал мои волосы, и я то и дело убирала их с лица. — Ты говорил, что есть и другие королевства.

Мелантир перевёл взгляд на горизонт. Его янтарные глаза отражали розовизну неба, и это делало их почти нечеловечески красивыми.

— Да, как раз за *Бронзовой грядой* там находится выход к огромному озеру. Люди называют такие огромные озёра «море». И оно полностью зелёное. Эти земли и сам водоём называются *Нефритовое озеро*. Мы довольно успешно ведём торговлю с их королевством. — Он перевёл палец вдоль гряды. — А там, дальше, другое королевство — *Багряный лес*.

— Почему Багряный? — я наклонила голову. — Он что, красный? Или это символическое название двора?

Мелантир почесал подбородок — жест, который делал его почти мальчишеским.

— Вообще-то, да. Их деревья действительно красные. И они светятся.

— Светятся? — я невольно перевела взгляд на электрические лампы, висящие на столбах внизу. — Они электрические?

— Нет, — он усмехнулся. — Они сами по себе светятся. Это *сотворение* природы.

Желание расспрашивать у меня отпало. Магия — или *сотворение*, как они это называли — всё ещё пугала меня. Я помнила тот огонёк на его ладони, помнила, как сжалось моё сердце.

— Наши королевства сохраняют нейтралитет в отношении друг друга, — добавил он, будто прочитав мои мысли.

Я только кивнула. *Мелантир* перевёл палец в сторону знакомых скал.

— Человеческие земли, — грустно выдохнула я.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то — может, понимание, может, сочувствие. В груди защемило. *Так близко и так далеко*.

— Пойдём, — сказала я, спеша уйти оттуда. — Здесь прохладно.

Мы вернулись в город, зашли в галерею, где гномы и фавны продавали свои поделки: резные шкатулки, бронзовые украшения, странные музыкальные инструменты. В какой-то момент я заметила леденцы на палочке в одном из ларьков — розовые, с брызгами сахарной глазури, как в детстве. Я не удержалась и купила один, сунув торговцу железную монету, которую нашла в кармане.

— Ты как ребёнок, — сказал *Мелантир*, глядя, как я облизываю сладкий шар.

Он рассмеялся — и в его глазах зажглись золотые искры, тёплые, почти человеческие.

— А ты как старик, — парировала я. — Вечно серьёзный.

Он рассмеялся — и в его глазах зажглись золотые искры, тёплые, почти человеческие.

— Вот, ты смеёшься, — сказала я и тут же пожалела: слишком неуместно прозвучало.

Но он не смутился.

— Тебе тоже стоит это делать почаще, — ответил он.

За ужином мы сидели на старой скамье у фонтана, и я спросила то, что вертелось на языке весь вечер:

— У вашей королевы нет мужа? Она сама правит страной?

Он поднял бровь.

— С чего такой интерес?

— Просто пытаюсь понять, как это всё работает, — пожалала я плечами, откусывая от булочки. — У нас в *Равенсте* правители — мужчины. Женщина на троне это было бы странно.

— Нет, *Рейесе* не нужен муж. Она вполне самодостаточна. — Он помолчал, глядя на воду. — *Фейцы* редко женятся. Наш отец тоже не брал себе в жёны ни мать *Рейи*, ни мою. Они были наложницами.

Я замедлила жевание. Слово «наложницы» всегда вызывало у меня неприятный осадок — что-то грязное, неправильное. У людей такое считалось позором.

— Значит, вы не придерживаетесь династических браков?

— Важны только потомки, которые наследуют корону. *Рейеса* — старшая, она наследница. Ей не нужен муж, чтобы её дети, если они появятся, наследовали трон.

— А наложники у неё есть? — спросила я невзначай, но это всё равно прозвучало слишком вызывающе.

Мелантир даже бровью не повёл.

— У королевы десятки наложников, — ответил он спокойно. — Но это их выбор. Быть фаворитом королевы — почётно. Ведь их потомок может стать наследником короны.

Всё звучало логично — по крайней мере, для них. Но я выросла в мире, где брак считался священным союзом, а наложницы презирались. Здесь же, в *Бронзовых землях*, все рамки приличия были размыты, и это пугало меня больше, чем магия.

— Это смущает тебя? — спросил *Мелантир*, наклоняя голову.

— Немного, — призналась я. — У нас всё по-другому.

— Понимаю. Но ты привыкнешь.

Сильно сомневаюсь.

— Поэтому ты тоже не женишься? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.
— У тебя тоже наложницы?

Мелантир выгнул бровь, и на его губах расплылась та самая наглая, почти дьявольская улыбка, от которой у меня перехватывало дыхание.

— Я не настолько важная фигура, чтобы заводить наложниц, — ответил он, и я почувствовала, как гора свалилась с плеч. — Пока не унаследую корону.

По возвращении в комнату я прокручивала в голове наш разговор. Его улыбку, его голос, его руки — когда он поправлял мне плащ, когда брал под локоть. И ловила себя на том, что думаю о нём слишком много.

Я здесь не для этого. Я — служанка. Он — принц.

Но тогда почему он бросает дела ради меня? Почему смотрит так, будто я — не просто очередная девушка? Даже если сейчас у него нет наложниц, это не значит, что они не появятся. И самое главное, что меня мучило: хочет ли он, чтобы я была среди них?

Что он вообще хочет?

Я легла на кровать, глядя в потолок, и долго не могла уснуть. Камин давно прогорел, в комнате стало прохладно, но я не укрывалась. Холод отрезвлял.

«Он придёт за тобой, *Оброчная*. Не сейчас. Потом. Когда ты не будешь ждать.»

Слова гадалки всплыли в памяти сами собой. Навязчивые, как зубная боль.

Я закрыла глаза и заставила себя дышать ровно.

За окном багровели горы, и холодный ветер приносил запах бронзы — вечный, неистребимый.

Глава 11

Время в цитадели текло иначе, чем в *Равенсте*. Там я считала дни до уплаты долга, до приезда *Арика*, до очередной ссоры матери с сестрой. Здесь дни сливались в недели, в золотистую пасту, которую мешали утренняя работа на кухне, вечерние прогулки с *Мелантиром* — и нередкие пиры, куда он меня уводил.

Я перестала следить за календарём. *Герда* ворчала, но беззлобно — так ворчат над провинившимся, но любимым учеником. *Бри* приносила чистую одежду и иногда задерживалась у двери, словно хотела что-то сказать, но молчала. Я не спрашивала. Вопросы, заданные здесь, никогда не приводили к хорошим ответам.

Моё тело привыкло к новой жизни. Щёки округлились, под глазами исчезли тени — те самые, что годами лежали там после бессонных ночей в *Равенсте*. Я больше не вздрагивала от каждого шороха и не проверяла, на месте ли медяки в кармане. Их у меня и не было — только сменные платья для работы и те, что выдавали «для выхода».

Мелантир появлялся после обеда, когда я отмывала руки от остатков пищи.

— Идём, — говорил он, и это не было вопросом.

Я вытирала руки, снимала передник и шла за ним. Иногда он вёл меня в город, иногда в сад, а иногда — на пир, где музыка гремела так, что закладывало уши, а вино лилось рекой.

На пирах он сажал меня за дальний стол — подальше от любопытных глаз, ближе к выходу. Но сам всё время возвращался: подливал вино, приносил сладости, шептал что-то на ухо. Я чувствовала на себе взгляды. Не злые, скорее любопытные. «*Принц и оброчная*» — для них это должно было быть странно, но почему-то не было. Может, они привыкли к его причудам. Может, им было всё равно.

На всех пирах меня сопровождала *Бри* в качестве компаньонки, и это тоже обескураживало. Она не пила, не танцевала и всё время просто сидела рядом со мной, не отходя ни на шаг — а ведь это было и её выходное время. Я однажды сама попросила, чтобы та пошла потанцевать или попробовала как-то развлечься. Но *Бри* сказала, что ей этого совсем не хочется. При этом она приходила на пир стабильно каждый раз, когда и я.

Я придерживалась своего и так и не притрагивалась к платьям в шкафу, число которых только увеличивалось с каждым разом — *Бри* уже не показывала их мне, а просто молча вешала. На мне в такие вечера всегда было моё рабочее платье. В нём я чувствовала себя защищённой — как в броне. Зато местные *фэйри*, казалось, в платьях и вовсе не нуждались. То, что было на большинстве полуниц, я даже не могла назвать одеждой; они наслаждались своими изящными телами, ничуть не стесняясь, и их острые уши и переливающиеся глаза делали их прекрасными — пугающе, неправильно прекрасными.

Мелантир пробовал выгнать меня танцевать, но я всегда отказывалась. Местная музыка до сих пор была мне непонятна: какое-то гортанное пение и стук по барабанам, а ещё у них было что-то похожее на нашу лютню, но более объёмное, с большим количеством струн. Двигаться под эти танцы я тоже не могла — я вообще плохо танцевала. Этот навык у меня давно атрофировался. Ну и конечно, это было бы неуместно ни в каком роде — пойти на пир танцевать с принцем. Если пока до меня не доходили слухи, что я считаюсь наложницей *Мелантира*, то после такого они бы точно появились. А я знала, как злые языки могли уничтожить репутацию человека.

Но публичные мероприятия мы проводили отдельно, а мешать нашим уединённым прогулкам нам уже никто не собирался. *Бри* сразу же исчезала «по делам», и мы просто гуляли по городу. Я не признавалась даже себе, но в последнее время это было именно то время, которого я ждала весь день. Его голос, его шаг рядом, его рука на моём локте — всё это стало для меня таким же естественным, как дыхание.

А ещё меня волновало, что я всё реже вспоминала дом, сестру и то, почему и для чего я здесь оказалась. *Элеонор* стала таять в памяти, как утренний туман. И это пугало меня больше, чем любой пир или встреча с королевой.

Однажды, когда я уже собиралась уходить с кухни после смены, *Герда* остановила меня. — Завтра у тебя выходной, — сказала она, даже не поднимая головы от котла. — Королева распорядилась.

Я удивилась. В *Равенсте* отдых был роскошью, которую мы не могли себе позволить.

— Что мне делать?

— Что хочешь. Хоть в лесу пляши. — *Герда* хмыкнула и наконец подняла на меня свои глубоко посаженные глаза. — Только Его Высочество предупреди. Он тебя вечно ищет.

Я покраснела — так сильно, что, наверное, даже гномы заметили, — и вышла.

— Завтра у тебя выходной, — сказала она, даже не поднимая головы от котла. — Королева распорядилась.

Мы вышли за ворота цитадели и двинулись на восток. Город остался позади — его шум, его запахи, его вечная суета. Дома сменились полями, а поля — редким лесом. Тропа вилась вверх, и с каждым шагом воздух становился чище, холоднее, прозрачнее.

Мелантир шёл впереди, легко переступая с камня на камень. Его движения были текучими, без лишних усилий — как у зверя, привыкшего к горам. Я смотрела, как играют мышцы на его спине под тонкой тканью рубашки, и ловила себя на мысли, что не могу отвести взгляд.

— Куда мы идём? — спросила я, когда мы остановились перевести дух. Дыхание вырывалось белыми облачками, хотя внизу, в долине, было ещё тепло.

— К гребню, — он кивнул на скалистую гряду, которая блестела на солнце. — Там видно всё королевство.

— А почему *Бронзовые земли* так называются? — спросила я, вспомнив, как в детстве мы смотрели на закат и называли горы бронзовыми.

Он усмехнулся, поднял с земли камень и протянул мне. Его пальцы — длинные, с аккуратными ногтями, без мозолей — мелькнули перед моим лицом. Внутри камня мерцали золотисто-коричневые прожилки, похожие на вены.

— В каждой скале, в каждой горе здесь есть бронза. Не чистая, с примесями, но её много. Наши предки плавил её, ковали оружие, строили города. Говорят, когда солнце садится, горы светятся изнутри.

Я повертела камень в руках. Он был тёплым, будто живым.

— Красиво, — сказала я.

— Это всё, что у нас осталось. — Он забрал камень и бросил обратно в траву. — Пойдём. Скоро увидишь.

Мы поднялись выше. Лес кончился, и тропа пошла по голым скалам — серым, шершавым, с острыми краями, которые норовили порезать подошву. Ветер стал сильнее, бил в лицо, трепал волосы. Но солнце грело по-летнему, и я даже вспотела, карабкаясь вверх.

Мелантир держался легко, не сбивая дыхания. Иногда он оборачивался, и тогда солнечный свет падал на его лицо, высвечивая острые скулы, ровный нос, чуть насмешливый изгиб губ. Он был красивее любого мужчины, которого я видела в *Равенсте*. Там красота была грубоватой, топорной — результат работы в поле или у станка. Здесь же красота была породой: точеные черты, гладкая кожа, золотистый отлив волос. Он походил на статуи в цитадели — те самые, застывшие предки, — только живой и тёплый.

Вскоре мы вышли на широкий карниз — ровную каменную площадку, нависающую над пропастью. Отсюда открывался вид на всю долину: на цитадель, похожую на игрушечную, на город, расползающийся серыми пятнами по склонам, и на далёкие синие горы на горизонте.

— Это граница с человеческими землями, — *Мелантир* указал туда, где небо сливалось с землёй в дрожащей дымке. — Оттуда ты пришла.

Я смотрела и молчала. Мы сделали уже столько витков по горным тропам, но родные земли я всё ещё угадывала — по изгибу реки, по тёмной полосе леса. В груди сдавило. *Элеонор*, дом, рынок, запах свежего хлеба по утрам — всё это было там, за грядой. И всё это стало чужим.

— Не грусти, — он коснулся моей руки. — Здесь твой новый дом.

— Я не знаю, дом ли это, — ответила я.

Он не ответил. Мы стояли на краю, и ветер трепал наши волосы, переплетая их, словно пытался что-то сказать.

На обратном пути он свернул с тропы на едва заметную ответвление.

— Покажу тебе поля, — бросил он через плечо.

Мы спустились в долину, где зелёные луга перемежались золотистыми полосами пшеницы, колосья которой клонились к земле под тяжестью зёрен. Вдалеке виднелись фигурки людей — они работали в полях, согнувшись, как живые серпы.

— Это те самые поля? Откуда идёт вся провизия для кухни? — спросила я.

— Да. Наша маленькая гордость, — улыбнулся он, и в его голосе впервые за долгое время не было ни насмешки, ни грусти. Только спокойная, тихая гордость.

Я вспомнила слова *Бри*.

— *Бри* говорила, что последняя девушка с *оброка* служит здесь. Ты помнишь её?

Мелантир кивнул.

— Да. *Мира*.

— Мне бы хотелось с ней познакомиться. Она единственный человек здесь, о котором я знаю, — попросила я.

Но он покачал головой.

— Сегодня у неё выходной, как и у многих работников полей. — Он махнул рукой на пустые пахотные телеги; они стояли в отдалении, не запряжённые, а в самом поле я увидела только одного гнома, который собирал какие-то странные овощи — длинные, фиолетовые, с пупырышками.

— Жаль. Надеюсь, мы когда-нибудь познакомимся.

Выражение его лица стало угрюмым.

— Она не принимает гостей. Уже довольно давно.

С того момента, как потеряла ребёнка? Я не стала об этом говорить, не хотела подставлять *Бри*, которая проболталась о чужом горе. Это был чужой страшный секрет, и я не имела права копаться в нём.

— Очень жаль, — только и сказала я, отворачиваясь к полю.

Мы устроили пикник прямо в поле, среди высоких стеблей рапса — его жёлтые цветы уже начали увядать, но всё ещё пахли мёдом и солнцем. *Мелантир* расстелил плед — клетчатый, шерстяной, — достал из котомки хлеб, сыр, фрукты и кувшин с вином.

— Ты всё предусмотрел, — удивилась я, садясь на мягкую ткань.

— Я же принц. Принцы предусматривают.

Он рассмеялся, откинув голову, и я увидела линию его шеи — плавную, сильную, без капли жира. Он перехватил мой взгляд и усмехнулся:

— Ты так смотришь, будто видишь меня впервые.

Я покраснела и уставилась в землю, теребя травинку.

— Просто ты не похож на других мужчин, которых я знала.

— Надеюсь, это комплимент.

— Да, — выдохнула я, не поднимая глаз.

Мы ели, болтали о пустяках. Я рассказывала о *Равенсте* — о том, как пекли хлеб по субботам, как *Элеонор* ругала меня за то, что я забываю закрыть ставни на ночь. Он слушал, задавал вопросы, смеялся — и его смех был таким тёплым, что я на секунду забывала, кто он. А он рассказывал о детстве в цитадели — о том, как они с сестрой играли в подземельях, как он боялся статуй предков, а она дразнила его трусом.

Время летело незаметно.

Я любовалась его руками, когда он резал сыр — длинные пальцы, узкие ладони, никаких следов тяжёлой работы. И в то же время, когда он поднимался, чтобы поправить плед, я замечала, как напрягаются мышцы на его бёдрах под тканью брюк. Он был в форме — не как солдат, прошедший сотни тренировок, а как охотник, который много ходит и плавает. Поджарый, жилистый, гибкий.

— *Лирия*, — вдруг сказал он, глядя на меня поверх кубка, и в его голосе не было обычной лёгкости. — Ты когда-нибудь думала о том, что будет дальше?

— Работать, наверное, — пожала я плечами. — Служить.

— А после службы?

— *Оброк* не кончается. Я здесь навсегда, — сказала я, и в моих словах не было горечи. Только усталая констатация факта, как знакомая дорога, которой идёшь уже много лет.

Мелантир не ответил. Он смотрел куда-то в сторону, на золотистые поля рапса, которые ветер рябил, как воду. Тишина между нами стала вдруг другой — не той, напряжённой, когда я ждала приказа или поцелуя, а какой-то задумчивой.

— Ты никогда не спрашивала меня, хочу ли я этого, — сказал он наконец. Голос был тихим, без обычной насмешливой нотки.

— Чего?

— *Оброка*. Того, что ты здесь навсегда.

Я усмехнулась, не поднимая глаз.

— Какая разница, чего ты хочешь? Ты принц. Твоя сестра — королева. Вы заключили договор с Водной девой тысячу лет назад. Моё «навсегда» — просто ещё одна строчка в «*Писаних первых*» с перечнем имён.

Он резко повернулся ко мне. В его глазах — нет, не гнев. Что-то другое. То, что я не умела называть.

— Ты ошибаешься, *Лирия*. — Он подвинулся ближе, и я почувствовала тепло его плеча — такое живое, такое человеческое, что у меня перехватило дыхание. — Я не хотел, чтобы ты приходила. Я присматривался в *Равенсте*, кого могут выбрать в этом году. Услышав, о чём вы говорите, я хотел предупредить вас. Я пытался вас напугать — тебя и ту девушку, *Улью*. Помнишь?

— Помню. — Я наконец подняла взгляд. — Ты сказал, что есть боги, которые пьют красоту, и те, кто ищет душу. И что ложь убивает медленнее.

Он кивнул, и в его лице что-то дрогнуло. Янтарные глаза смотрели на меня без обычной холодной отстранённости — в них была боль. Настоящая, живая боль.

— Я надеялся, что ты испугаешься. Откажешься от *оброка*. Но вы обе оказались такими упрямыми. И такими отчаянными.

— У нас не было выбора, — сказала я тихо.

— Выбор есть всегда. Просто иногда он хуже, чем отсутствие выбора. — Он помолчал, потом спросил: — Ты ненавидишь меня?

Вопрос застал врасплох. Я долго смотрела на его профиль — острые скулы, золотистая кожа, волосы, которые ветер трепал, как сухую траву. Три недели назад я бы сказала «да» не задумываясь. Неделю назад — «нет», потому что боялась. А сейчас

— Я не знаю, — ответила я честно. Голос прозвучал глухо, но не дрожал. — Я ненавижу то, что мне пришлось оставить всю мою жизнь. Но это была сделка. С условиями, где *оброк* существует.

Я замолчала, подбирая слова. Он не торопил. Смотрел куда-то в сторону, на золотистые поля, но я чувствовала, что он ждёт.

— Ты был единственным, кто попытался нас остановить, — сказала я наконец. — Даже если твой способ был странным. Ты мог просто промолчать. Как все.

— Я не умею молчать, когда вижу, что кто-то идёт в пропасть, — тихо ответил он. — Особенно когда этот кто-то — девушка, которая могла бы жить своей жизнью, а не становиться пешкой в чужой игре.

— Слишком поздно, — усмехнулась я. — Я уже пешка. Возможно, будь я менее упряма или если бы положение дел дома было хоть на толику лучше. Но это не твоя вина. А моя.

Он горько усмехнулся.

— Знала бы ты, — произнёс он, а затем повернулся ко мне. В его глазах мелькнуло что-то, чего я раньше не видела. Не жалость. Не сочувствие. Скорее боль. — *Лирия*, мне действительно жаль, что этот сложный выбор достался тебе.

Я кивнула, сглатывая откуда-то взявшийся комок. Его рука лежала на траве в нескольких сантиметрах от моей. Он сдвинулся ещё на сантиметр ближе, чуть наклоняясь ко мне.

— И не считай себя пешкой. Это не так. Ты важнее, чем сама о себе думаешь.

— Ну, как только я освою всю вашу кухню, сразу повышу о себе самомнение, — я неловко пошутила, вызвав его широкую улыбку.

Его ладонь легла поверх моей. Тёплая, сухая, с длинными пальцами, которые я так хорошо запомнила за эти недели. Он задумчиво посмотрел на наши руки. Большой палец пробежался по моей ладони, задевая свежие мозоли.

— Судя по всему, ножом ты орудуешь уже неплохо. Такие мозоли.

Я слегка улыбнулась, испытывая смущение.

— У вас просто очень плохо режущиеся продукты.

Он засмеялся — искренне, легко, и этот смех отозвался где-то глубоко в груди.

— Жаль твои руки, — сказал он, разглядывая мои пальцы. — Нужно будет найти для них менее травматичное занятие.

Я покачала головой, но руку не отдернула.

— Мне нравится. К тому же я привыкла к физическому труду. *Герда* никогда не сравнится в щепетильности с моей *Элеонор*. И, наверное, никто на целом свете. Она бы и пятнышка грязи на кухне не смогла бы перенести — и мне бы не дала.

Я улыбнулась, вспоминая строгость сестры. Ту, которую так не любила когда-то. И по которой теперь так болезненно скучала.

Мелантир внимательно смотрел на меня.

— Стоит подумать об этом, — сказал он тихо. — Может, не мозолить глаза тем, что не можешь усовершенствовать?

Я подняла взгляд. В его словах мне послышался намёк, но я не была уверена, что поняла его правильно.

— Если бы у меня был выбор, — ответила я, и голос дрогнул.

Он ничего не сказал. Только сжал мою ладонь чуть крепче.

Мы сидели на пледе, и *Мелантир* всё ещё держал меня за руку, когда я услышала топот копыт. Я обернулась — резко, словно меня поймали на месте преступления.

По краю поля, прямо по меже между рапсом и пшеницей, ехал всадник. Крупный гнедой конь, дорогое седло с серебряной отделкой, сам всадник — поджарый, с тёмно-русыми волосами, собранными в низкий хвост. Одет просто, но богато: тёмно-синий сюртук, серебряная

пряжка на поясе. Уши заострённые, взгляд серо-зелёный, цепкий — такой взгляд бывает у тех, кто привык всё замечать и ничего не забывать.

Он спешил в нескольких шагах от нас, бросил поводья на землю и пошёл прямо к нам.

— *Мелантир*, — сказал он без приветствия, даже не поздоровавшись. — А я тебя везде ищу. Королева отправила

Он запнулся, заметив меня. Его взгляд скользнул по пледу, по остаткам еды, по нашим рукам — *Мелантир* так и не отпустил мою ладонь. Бровь поползла вверх.

— О, — протянул он. — А это, видимо, та самая *оброчная*?

Мелантир не торопясь отпустил мою ладонь, но не выказал ни тени смущения. Его лицо оставалось спокойным, почти безразличным.

— *Лирия*, — спокойно представил он. — Это *Велиан*. Мой друг и советник. Не обращай на него внимания, он всегда появляется не вовремя.

Велиан усмехнулся и коротко склонил голову — так, будто бросал мне кость через плечо.

— Приятно познакомиться, — сказал он. В голосе не было ни тепла, ни холода. Только любопытство. — Наслышан.

Я кивнула, не зная, что ответить. Его взгляд ощупывал меня, как товар на рынке — но без презрения, скорее с профессиональным интересом.

Велиан перевёл взгляд на *Мелантира*, и лицо его стало серьёзным.

— Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Мелантир помедлил, посмотрел на меня. Я понимала, что он спрашивает разрешения — или просто вежливости ради делает вид.

— Я подожду здесь, — сказала я, отводя взгляд к полю. — Собирайся.

Они отошли шагов на пятьдесят — туда, где конь щипал траву, помахивая хвостом. Я видела их фигуры, видела, как *Велиан* говорит что-то резкое, жестикулируя, как *Мелантир* отвечает спокойно, как потом его плечи напрягаются. Но ни одного слова я не разобрала. Ветер дул в другую сторону, да и расстояние было слишком большим.

Я смотрела на золотистые поля и чувствовала, как внутри поднимается глухое раздражение. *Почему он не сказал, чтобы я отошла сама? Почему просто не попросил меня подождать в другом месте?* Но я тут же одёрнула себя: я здесь никто. Служанка. *Оброчная*. Не мне указывать принцу.

Через несколько минут они вернулись. *Велиан* бросил на меня короткий взгляд — такой же цепкий, как и в первый раз, — кивнул *Мелантиру* и уехал, даже не попрощавшись.

Мелантир подошёл ко мне, лицо его снова было спокойным, будто ничего не произошло.

— Пойдём, — сказал он, протягивая руку. — Уже поздно.

— Всё в порядке? — спросила я, игнорируя его жест.

— Всё в порядке, — ответил он слишком ровно. — Не обращай внимания.

Мы вернулись в цитадель, и всю дорогу он молчал. Я шла рядом, смотрела на его профиль — и впервые за долгое время не знала, о чём он думает. И от этого становилось не по себе.

Глава 12

Утро на кухне на следующий день началось не с привычного крика *Герды* и не с запаха жареного лука, а с тишины. Я спустилась затемно, как всегда, но застала странное затишье. Повара перешёптывались, косясь на меня, а *Герда*, отложив огромный нож, скрестила руки на груди и уставилась так, будто я была провинившимся ребёнком.

— Собирай свои пожитки, смертная, — сказала она без обычной ворчливой теплоты. — Ты больше не на кухне.

Сердце ухнуло вниз.

— Что? Я меня увольняют? — голос сорвался на шёпот. Я не знала, что хуже — потерять единственное место, где я чувствовала себя хоть немного полезной, или осознание, что *Мелантир*, возможно, больше не зайдёт за мной после работы.

— Увольняют? — *Герда* фыркнула и покачала головой. — Нет, девонька. Тебя переводят. В швейную. По распоряжению самой королевы.

Я моргнула, не веря своим ушам. Королева? Та самая, что отправила меня на кухню смотреть, «на что я способна»? Что заставило её переменить решение?

— Но почему? — выдохнула я.

Герда бросила на меня долгий, почти сочувственный взгляд.

— Не моё дело спрашивать «почему», когда приказ исходит от её величества. — Она помолчала, потом добавила тише: — Но, думаю, Его Высочество замолвил за тебя словечко. Он часто о тебе спрашивал.

Мои щёки вспыхнули. *Мелантир*. Конечно. Воспоминание о его словах в поле всплыло отчётливо: «*Жаль твои руки. Нужно будет найти для них менее травматичное занятие*».

Я думала, он просто говорил, чтобы сказать. Но он действительно это сделал — убедил королеву перевести меня из кухонного пекла.

— Иди, — *Герда* кивнула в сторону двери. — Не заставляй *Катрону* ждать. Она не из тех, кто любит опаздывающих.

Я сняла фартук — свой единственный, уже прожжённый у края, — и сложила его в последний раз. Пальцы всё ещё помнили шершавую ткань, запах специй, впитавшийся в кожу. Мне хотелось заплакать — от неожиданности, от глупой привязанности к этому шумному, потному, живому месту. Но я только кивнула и вышла, чувствуя на спине взгляды гномов и фавнов.

Швейная располагалась в восточном крыле, куда я раньше не заглядывала. Узкий коридор, освещённый электрическими лампами, привёл меня к двери из тёмного дерева с медной ручкой. За ней открылась просторная комната с высокими окнами, выходящими на горы. Вдоль стен стояли манекены в полуготовых платьях — шёлк, бархат, парча, переливающиеся под утренним светом. Воздух пах тканью, воском и чем-то сладким, как отцветающая лаванда.

За длинным столом, уставленным катушками нитей и деревянными формами, сидели три женщины.

Три швеи: пикси с прозрачными крыльями, нимфа с пепельной косой и молчаливая женщина с переливающимися глазами. Но главной здесь была та, что стояла у окна, спиной ко мне.

Катрона.

Я узнала её по описаниям *Бри*. Старшая швея, *фэйри* с точёным лицом и волосами цвета воронова крыла, собранными в высокий пучок. На ней было платье из медистой парчи, которое переливалось, как чешуя дракона. Она повернулась ко мне, и её янтарные глаза скользнули по моему лицу, по рукам, по простому рабочему платью, которое я так и не сменила. В её взгляде не было ни жалости, ни пренебрежения — только холодная оценка.

— Новенькая? — спросила она, и голос её звучал как струна — ровно, без лишних эмоций.

— *Лирия*, — представилась я, сжимая пальцы, чтобы не дрожали. — Меня прислали из кухни.

— Знаю, — *Катрона* кивнула в сторону свободного стула. — Садись. Будем учиться шить.

Первый день в швейной оказался самым долгим в моей жизни.

Тишина здесь была другой, чем на кухне. Не звонкой, полной жизни, а давящей, как ватное одеяло. *Пикси*, которую звали *Велла*, иногда напевала что-то себе под нос — мелодии без слов, похожие на звон ручья. *Нимфа*, *Дария*, молчала, но её игла двигалась с гипнотической скоростью, создавая на ткани узоры, которые, казалось, дышали. Третья, *Ирма*, оказалась молчаливой и замкнутой; она работала не поднимая головы, и только её глаза — переливающиеся, как опалы — иногда следили за мной из-под полуопущенных век.

Катрона дала мне кусок грубого холста и велела делать ровные стежки.

Мои пальцы, привыкшие к ножу и овощам, не слушались. Игла кололась, нить путалась, концы то и дело скользили по натруженной коже. Через час я уже чувствовала, как немеют кончики пальцев, а через два — на подушечках выступили красные точки, похожие на маленькие кровавые росы.

— Не торопись, — сказала *Катрона*, проходя мимо. Её шаги были бесшумными, как у кошки. — Иголка не нож. Она требует терпения. И смирения.

Я сжала зубы и продолжила. Но в голове крутились мысли о кухне, о *Герде*, о запахе свежего хлеба и жареного мяса. И о нём. О *Мелантире*. Почему он это сделал? Что ему за дело до моих рук?

После обеда, когда мы делали перерыв, *Велла* потянулась и зевнула, обнажив острые зубки. Её крылья за спиной слабо затрепетали, разгоняя воздух.

— Слышали новость? — спросила она, стрельнув глазами в сторону *Катроны*. — *Велиан* вчера опять ночевал в покоях королевы.

Дария фыркнула, не отрываясь от работы.

— Это не новость, *Велла*. Он её наложник уже лет пятьдесят.

Я замерла. Игла застыла в воздухе, нить повисла.

— Да, знаю, — *Велла* пожала плечами, и её крылья колыхнулись. — Просто он уже уходил. Я думала, что они с *Лютицией* всё-таки сочетаются узами. Но, видимо, он решил вернуться к своему долгу.

Я перевела взгляд на *Ирму*. Та сидела неподвижно, но в её глазах, сменивших цвет с серого на холодный нефрит, мелькнула тень.

Лютиция — разве не так звали личную служанку королевы?

— Наложник? — переспросила я, и мой голос прозвучал слишком громко в тишине.

Велла посмотрела на меня с любопытством.

— А ты не знала, смертная? *Велиан* — фаворит её величества. Уже давно. Он из знатного рода, но не настолько, чтобы претендовать на руку. А так — она пожала плечами, — почётно. Дети от таких связей могут унаследовать трон. Но иногда — она бросила быстрый взгляд на дверь, — иногда они пытаются уйти. Не у всех получается.

Я кивнула, стараясь, чтобы лицо оставалось бесстрастным. Да, про сложные связи королевы с наложниками я уже знала. Не знала только, что друг *Мелантира* — тоже из них. И это никак не подрывало их дружбу.

Велла болтала дальше, но я уже не слушала. Смотрела на свои пальцы — исколотые, красные — и думала о том, как *Мелантир* вчера говорил: «Я не хочу связывать себя с теми, кто мне безразличен». А сегодня выясняется, что его лучший друг — наложник королевы. Тот, кто связал себя с женщиной не по любви, а по долгу. По статусу.

Значит, Мелантир не осуждает такой выбор. Значит, для него это норма.

А для меня?

Я сжала иглу так, что она впилась в палец. На подушечке выступила капля крови. Вот и «поберегла» свои руки.

Если для него это нормально то что он думает обо мне? О том, что между нами?

Вопрос повис в воздухе, не находя ответа. Я сунула палец в рот, сглатывая солёный привкус металла. *Велла* уже переключилась на обсуждение нового заказа для какой-то придворной дамы, *Дария* молча вгоняла иглу в ткань с методичной жестокостью, а *Ирма* смотрела в окно на горы, и её глаза снова стали серыми — пустыми, как зимнее небо.

Никто не обращал на меня внимания.

Я снова взялась за шитьё, стараясь, чтобы стежки ложились ровно. Но мысли возвращались к *Мелантиру*. К его словам. К тому, что он дружит с человеком, который живёт по правилам, от которых я бежала всю жизнь.

Может, он и сам не лучший? Может, я просто не хочу этого замечать?

К концу дня пальцы болели так, что я с трудом разжала их. *Катрона* мельком взглянула на мою работу, хмыкнула и бросила:

— Для первого дня сойдёт. Завтра начнём с основ.

Я поспешила уйти.

В дверях швейной меня ждал *Мелантир*.

Он стоял, прислонившись к стене, в простой рубашке с закатанными рукавами, волосы влажные после душа. Без сюртука он казался моложе, почти уязвимым. Но глаза — золотые, как всегда, — смотрели с теплом, от которого у меня перехватывало дыхание.

— *Герда* сказала, ты сегодня в швейной, — произнёс он, отталкиваясь от стены. — Пойдём, проветрится. Ты заслужила свежий воздух.

Я хотела отказаться — внутри всё ещё кипело от сегодняшних открытий, — но тело предательски потянулось за ним. Он уже шёл по коридору, даже не оглядываясь, будто знал, что я последую.

Мы вышли во внутренний двор, а потом за ворота цитадели. Вечерний воздух был прохладным, с запахом мокрого камня и далёких трав. Горы на западе уже тонули в сумерках, их бронзовые прожилки слабо мерцали, как угли догорающего костра.

— Ты молчишь, — заметил *Мелантир*, когда мы свернули на пустынную улочку, ведущую к нижнему городу.

— Думаю, — ответила я.

— О чём?

Я помолчала, собираясь с мыслями.

— О *Веллане*, — произнесла я на выдохе, стыдливо отводя глаза. — Мне рассказали, кем он является.

Мелантир долго смотрел на меня. Я решила на вопрос:

— Как вы можете дружить с человеком, который

Я не договорила, только кивнула.

Мелантир вздохнул, провёл рукой по волосам.

— Мы знакомы с детства, *Лирия*. *Велиан* был моим оруженосцем, потом советником. Он умён, предан и всегда держал слово. А то, что происходит в спальне королевы это не моё дело.

— Но он бросил свою возлюбленную, — сказала я тихо, поднимая на него взгляд из-под ресниц.

Мелантир выглядел удивлённым.

— Девушки в швейной разговаривают больше, чем на кухне, — добавила я.

— Я заметил, — он слегка улыбнулся, кривовато. — И что же ты узнала?

— Только это. Про него. И про *Лютицию*. И что он вернулся к своему долгу. — Я помолчала. — И что ты к этому спокойно относишься.

Он остановился. Мы стояли посреди пустынной улочки, окружённые каменными стенами, и вечерний ветер трепал его влажные волосы.

— А ты хочешь, чтобы я возмущался? — спросил он. — Кричал, что это несправедливо? Рвал на себе рубаху?

— Я хочу понять, — ответила я. — Как можно уважать человека, который

— Который делает то, что должен? — перебил он. — *Лирия*, в нашем *Мире* долг перед короной — это не пустой звук. *Велиан* дал клятву. Он служит. Да, ему больно. Да, он любил *Лютицию*. Но он не может взять и уйти. Не потому, что не хочет, а потому, что не имеет права.

— А она? — спросила я. — *Лютиция*? Она имеет право на боль? На то, чтобы каждое утро прислуживать женщине, которая спит с её любимым?

Мелантир помолчал. Его лицо омрачилось.

— *Лютиция* — он покачал головой. — Она тоже дала клятву. Служить королеве. И она её держит.

— Это жестоко, — сказала я.

— Да. — Он не стал спорить. — Это жестоко. Но таков порядок.

Мы пошли дальше. Я смотрела под ноги, на булыжники мостовой, и думала о *Лютиции*, которая каждый день проходит мимо покоев королевы и знает, кто там внутри.

— А ты? — спросила я, не поднимая головы. — Ты тоже давал клятву?

— Да, — тихо ответил он. — И я её держу.

— И что она запрещает?

Он не ответил. Только сжал челюсть.

Мы вышли к небольшой смотровой площадке, откуда открывался вид на город и далёкую *Бронзовую гряду*. Огни внизу зажигались один за другим, и город казался россыпью золотых искр.

— Ты когда-нибудь позволишь мне посмотреть библиотеку? — спросила я, чтобы сменить тему. — Ту, в цитадели.

Мелантир усмехнулся.

— Библиотека закрыта для посторонних. Только учёные и старейшины.

— А для гостыи?

— Для гостыи — тем более. — Он помолчал, потом добавил: — Но если ты очень хочешь, я добьюсь для тебя разрешения.

В его голосе не было обещания — была только вежливая отсрочка. Но я оценила, что он хотя бы сразу не отбрил меня.

— Ты перевёл меня в швейную, — сказала я, глядя на огни внизу. — Почему не признаёшься?

— А ты бы поверила, что я просто забочусь о твоих руках?

— Нет.

— Вот поэтому и не признаюсь.

Он сел на каменный парапет, я — рядом, оставляя расстояние, но чувствуя тепло его плеча.

— Знаешь, — сказал он после долгого молчания, — я иногда думаю: а что, если бы *Велиан* тогда ослушался? Если бы он взял *Лютицию* и ушёл? Бросил всё — положение, честь, клятву?

— И что? — спросила я.

— Может, они были бы счастливы. — Он повернулся ко мне. В сумерках его глаза светились тусклым золотом. — А может, их бы убили. Или он проклинал бы себя за предательство каждый день. Не знаю.

— А ты? — спросила я тихо. — Что бы ты выбрал?

Он не ответил. Только смотрел — так, что у меня перехватило дыхание.

— Представь, что есть что-то, чего ты хочешь больше всего на свете, — сказал он наконец. — Что-то, ради чего готова сломать все правила. Но если ты это возьмёшь, можешь потерять всё остальное. Что ты выберешь?

— Я не знаю, — прошептала я.

— А я знаю. — Его голос стал ниже, почти шёпотом. — Я бы выбрал то, что хочу. И плевать на последствия. Иногда это стоит риска.

То, как он это произнёс Я обернулась, заглядывая ему в глаза. Я понимала, о чём он говорит. И это не о *Велиане* и *Люттиции*.

— И чего ты хочешь? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Он не ответил. Вместо этого наклонился и поцеловал меня.

В голове взорвались звёзды. Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле, горячее и огромное. Поцелуй был не жадным — глубоким, как омут, в котором тонешь без сожаления. Его губы двигались медленно, изучающе, и я забыла, где нахожусь. Забыла, кто я. Забыла, что мы на смотровой площадке, что внизу город, что могут увидеть.

Мои пальцы сами вцепились в его рубашку, притягивая ближе. Я хотела больше — больше его вкуса, его тепла, его запаха. Я хотела тонуть в нём вечно.

Но это неправильно.

Голос разума прорвался сквозь туман, холодный и жестокий.

Ты — служанка. Он — принц. Ты не фэйри. Ты не можешь быть с ним. Не так. Не сейчас.

Я упёрлась ладонями в его грудь и оттолкнулась. *Мелантир* отпустил меня сразу, как только почувствовал движение. Его глаза потемнели до цвета старой бронзы, дыхание сбилось.

— Не надо, — выдохнула я, прижимая ладонь к губам. Они горели. Внутри всё горело. — Не надо, *Мелантир*.

— *Лирия*

— Я не могу. — Голос сорвался. — Ты принц. Я прошла *оброк*. Если нас увидят

— Наши обычаи не запрещают.

— Но я — человек! — Я почти кричала, хотя в горле стоял ком. — Для меня это не игра. Если меня увидят с тобой, назовут любовницей. Как *Люттицию*. А я не хочу быть любовницей, которую бросают, когда приходит время долга.

Он сжал кулаки.

— Я не *Велиан*.

— А я не *Люттиция*, — ответила я, чувствуя, как слёзы жгут глаза. — Но правила здесь не мои. И если я поддамся я потеряю себя. А это единственное, что у меня осталось.

Я встала. Ноги дрожали. Внутри всё кричало от отчаяния — я хотела его, хотела так, что сводило живот. Я ненавидела себя за то, что останавливаюсь. Но я не могла иначе.

— Дай мне время, — прошептала я, не глядя на него. — Пожалуйста.

Он молчал долго, тяжело. Потом я услышала, как он выдохнул.

— Я подожду, — сказал тихо. — Сколько понадобится.

Я пошла прочь, не оглядываясь. Но каждым нервом чувствовала его взгляд на своей спине.

И знала, что он будет сниться мне этой ночью.

И, наверное, следующей.

И, возможно, всю оставшуюся жизнь.

Глава 13

Эту ночь я провела без сна.

Ворочалась с боку на бок, сбивая простыни в тугие узлы, и никак не могла унять мысли, которые кружили по кругу, как встревоженные птицы перед бурей. Тяжёлое шерстяное одеяло сбилось в комок у ног, подушка казалась то слишком жёсткой, то слишком мягкой — но дело было не в постели.

Он поцеловал меня.

Его губы на моих.

Это тепло.

Я прижала ладонь к груди, туда, где сердце колотилось слишком громко, слишком предательски. Даже сейчас, спустя несколько часов, я чувствовала его дыхание на своей щеке, его пальцы, скользнувшие по моему подбородку, мягко приподнимающие моё лицо к его лицу.

Я сама себя ругала за то, что остановила его.

Мелантир принял отказ достойно — ни тени разочарования, ни попытки настоять. Он просто кивнул, отступил на шаг, и в его глазах мелькнуло что-то, что я не смогла прочесть. Уважение? Сожаление? Облегчение?

Я не знала.

Но теперь, лёжа в темноте, глядя на тлеющие угли в камине, которые догорали красными зрачками, я спрашивала себя: *правильно ли я поступила?*

Что подумают обо мне люди? Я — всего лишь работница, служанка на кухне, а он — принц. В *Равенсте* меня бы назвали любовницей, пусть даже кроме поцелуя у нас ничего не было. Репутация — хрупкая вещь, а моя и без того висела на волоске. Слишком уж часто меня замечали в компании *Мелантира*. Для радушного хозяина его забота о моём комфорте могла показаться чрезмерной.

Но, *Ньяду* милостивый

Это было так *приятно*.

Я загорелась от этого поцелуя, как сухая трава от случайной искры. Огонь разгорался внутри, и я не знала, как его теперь погасить. Тело помнило тепло его ладоней, его запах — терпкий, пряный, с горьковатой ноткой, похожий на дым от костра, в который бросили сухие травы. И каждый раз, когда я закрывала глаза, я снова оказывалась там, в полумраке смотровой площадки, прижатая к его груди, чувствуя, как бьётся его сердце — ровно, сильно, совсем не так, как у обычного человека.

Хватит.

Я села на кровати, отбросила одеяло. Простыни остыли, и воздух в комнате был прохладным — камин прогорел почти дотла, оставив только горстку пепла на каменном полу. За окном ещё царила ночь, но где-то далеко, за горами, уже брезжил рассвет — серый, холодный, не обещающий тепла.

В кровати я больше не могла оставаться.

Мой взгляд упал на шкаф. Туда, где висели платья — не те, грубые рабочие, что я носила на кухне, а другие. Красивые. Бархатные, шёлковые, с кружевом и вышивкой. Те, что *Бри* вешала молча, а я каждый раз отводила взгляд, не решаясь прикоснуться. Они казались мне чужими, предназначенными для кого-то другого — для той, кто умеет принимать подарки, не чувствуя себя обязанной.

Сегодня я выбрала одно из них.

Не для того, чтобы впечатлить Мелантира.

Для себя.

Мне хотелось цвести.

Я ушла на работу затемно, не дождавшись прихода *Бри*.

В отличие от кухни, где всегда кипела жизнь, где воздух дрожал от жара печей и криков поваров, в швейной царила совсем иная атмосфера. Здесь время текло медленно, тягуче, как смола, — и, казалось, сама тишина имела вес, давящий на плечи. Большую часть дня мы сидели в молчании, прерываемом лишь шелестом ткани, редкими вздохами да приглушённым позвякиванием ножниц.

Мои мозоли с кухни потихоньку проходили. Кожа на пальцах становилась глаже, но я всё равно то и дело задевала иглой подушечки, и на них снова выступали красные точки.

Три швеи — *пикси* с изящными длинными пальцами *Велла*, *нимфа* с пепельными волосами *Дария* и ещё одна женщина — *Ирма*, принадлежность к расе которой я так и не уточнила, — лениво делали стежок за стежком в своих вышивках. Они ждали заказов, а их не было. Летний сезон считался мёртвым сезоном в *Мире* высокой моды.

Я оказалась здесь после слов *Мелантира* о том, что мне нужна «не такая травмоопасная работа». Теперь я не сомневалась — это он убедил королеву перевести меня. Он заботился обо мне. Или просто хотел держать подальше от кухонных ножей — подальше от *Герды*, от запаха жареного лука, от той простой, понятной жизни, где я хотя бы знала, что делаю.

Я не знала.

Катрона удивлённо вскинула свою изящную бровь, увидев меня на пороге. Её взгляд скользнул по моему платью — розовому, бархатному, с кружевной отделкой у рукавов. Самому простому из тех, что висели в моём шкафу, но всё равно слишком нарядному для рабочего дня. На самой *Катроне* было изящное платье цвета закатной меди, переливающееся при каждом движении. Её удобка не казалась болезненной — она была изящно-грациозной, и платье подчёркивало каждое движение гибкого, точно стебель тростника, тела.

— Ты рано, — только и сказала она.

Мне разрешалось приходить позже — заказов у нас действительно не было. Лишь изредка требовалось подшить форму какому-нибудь стражу или заготовить лекала для осенних платьев знатных дам. Но летний сезон был переполнен, и все были заняты своими делами.

Я взяла в руки шитьё — кусок грубого холста для тренировки — и молча кивнула.

— Не спалось.

Я надеялась, что мои щёки не были такими пылающими, какими казались.

День обещал быть таким же унылым, как и предыдущие. Я не знала, зайдёт ли *Мелантир* сегодня за мной после работы. После вчерашнего. Но старалась не думать об этом, вгоняя иглу в ткань с методичной точностью, считая стежки: один, два, три

В районе полудня всё изменилось.

Дверь в швейную буквально вышибла *Теона* — старшая экономка двора, женщина с тяжёлой челюстью и взглядом, который заставлял стражников вытягиваться по струнке. Она вошла стремительно, даже не потрудившись постучать, и в воздухе запахло потом и металлом — так пахнет приказ, от которого нельзя отказаться.

— Доброго дня, дамы. — Она говорила быстро, без обычных церемоний, и её глаза, холодные и цепкие, обвели нас всех по очереди. — У вас срочный заказ. Платье для королевы.

Она протянула эскиз *Катроне*. Та взяла его дрожащими пальцами, развернула — и я увидела, как расширились её глаза. В них мелькнуло что-то — то ли ужас, то ли восхищение.

— Конечно, — голос старшей швеи звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение, как в струне перед разрывом. — Для нас это большая честь. — Она взглянула на эскиз, прикидывая масштаб работы. — Сколько у нас дней?

— Три часа. — *Теона* даже не моргнула.

— Три часа? — *Катрона* побледнела так, что её янтарные глаза стали ещё ярче на бескровном лице.

— Платье должно быть готово к вечеру. Все остальные заказы отменить.

— Но

— Это королевский приказ, — отрезала экономка и скрылась за дверью, не дождавшись возражений.

На секунду в комнате повисла тишина — такая густая, что, казалось, её можно было резать ножницами. А потом началась суэта.

Мы побросали свои вышивки, немедленно вытаскивая раскройки. *Катрона* показывала, что и как делать, и сама без устали резала ткань серебристо-голубой парчи, её руки двигались с такой скоростью, что я едва успевала следить за мельканием ножниц.

— К чему такая спешка? — буркнула *Велла*, её тонкие пальцы дрожали от напряжения. — У королевы наверняка миллион разных платьев. Зачем ей ещё одно?

— Это не нашего ума делать, — отрезала *Катрона*, не поднимая головы. — Работай.

Мы уложились в три часа. Я не знала, как нам это удалось — мы почти не разговаривали, только перебрасывались короткими командами: «подай нитки», «придержи край», «ровнее». К концу работы мои пальцы болели так, что я с трудом разгибала их, а в глазах двоилось.

Но платье получилось невероятным. Поистине, королевским. Из серебристо-голубой парчи, расшитой мелкими жемчужинами, с длинным шлейфом и рукавами-крыльями, которые, казалось, парили в воздухе, даже когда висели на манекене. Я замерла, глядя на него, и на миг представила, как оно будет смотреться на королеве — как струящийся водопад, как лунный свет, застывший в ткани.

Катрона вызвалась отнести его сама, наказав нам ждать и не расходиться. Её голос был ровным, но я заметила, как побелели её костяшки, когда она взяла платье в руки.

Когда она вернулась, я сразу поняла: что-то не так.

Она была задумчива и хмура. Её брови сошлись к переносице, а губы сжались в тонкую линию — такую же, как у *Герды*, когда та проверяла мою работу и находила изъян.

— Не понравилось? — осторожно спросила *Дария*, откладывая иглу.

— Она не посмотрела на него, — ответила *Катрона*, и в её голосе звучало недоумение, смешанное с обидой. — Поблагодарила за работу и велела оставить.

Мы переглянулись.

— Что-то случилось? — спросила я, и мой вопрос словно вывел её из ступора.

Катрона подняла на меня глаза. В их янтарной глубине плескалось что-то, чего я не могла прочесть — может, страх, может, предчувствие.

— Вечером будет пир. Свадьба двух представителей дриад. — Она помолчала, словно собираясь с мыслями. — Если вы пойдёте туда, выглядеть должны в строгой форме. Безупречно.

Мы снова переглянулись. Никто никогда не диктовал нам, как одеваться в свободное время.

— И желательно — *Катрона* замаялась, подбирая слова, — там вовсе не появляться.

— Но я знаю Лету, она моя подруга! — возразила *Дария*, и в её голосе послышались обиженные нотки.

— Так распорядились, — ответила *Катрона*, и в её голосе прозвучала усталость. — Прямого запрета нет, но лучше прислушаться.

В комнате повисла тишина. Мы выглядели поникшими, растерянными. Так продолжалось до конца рабочего дня.

За мной *Мелантир* не пришёл.

Вместо него у дверей швейной меня ждала *Бри*, и это сбивало с толку. Он избегал меня? После вчерашнего? Я думала, мы всё выяснили, но теперь в груди заворочалось что-то тяжёлое и неприятное — не то обида, не то разочарование.

— *Бри*, ты замечаешь, что происходит? — спросила я, когда мы двинулись по коридору, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

— Все готовятся к пиру, госпожа.

Я оглядывалась по сторонам. Стражи сновали туда-сюда, слуги тащили подносы с едой, кружки, декорации — живые цветы, серебряные подсвечники, тяжёлые парчовые скатерти. Суэта была необычной — даже для такого события.

Фэйри редко женились, но свадьбы всё же случались. На них всегда присутствовала королева, устраивались пиры. Но такой суеты я ещё не видела. Неужели эти дриады настолько богаты и влиятельны?

— Не слишком ли много шума для обычной свадьбы? — спросила я. — Сегодня к нам сама *Теона* пришла с заказом для королевы. Мы едва уложились в три часа.

Бри бросила на меня быстрый взгляд, её жёлтые глаза с вертикальным зрачком блеснули в свете электрических ламп.

— Двор ожидает важных гостей, госпожа. Мы получили королевский запрос на присутствие на пиру.

— Королевский запрос?

— Это официальное прошение о нахождении кого-либо из представителей другого королевского двора на территории нашего.

У меня перехватило дыхание.

— К нам едет король *Багряного леса*. И его свита.

Я остановилась как вкопанная. Где-то в глубине сознания мелькнуло воспоминание — *Мелантир* рассказывал о других королевствах. *Багряный лес* с его светящимися деревьями, о которых он говорил с такой странной смесью презрения и осторожности.

— Правда? — я коснулась её плеча, привлекая внимание. — *Мелантир* упоминал, что ваши королевства держат нейтралитет.

Бри замялась, её копытце нервно цокнуло по каменному полу.

— Это правда, госпожа. Король *Багряного леса* к нам раньше вообще не приезжал.

— Тогда с чего вдруг сейчас?

— Они сообщили, что знают жениха. Дриады — вольный народ, они могут скитаться независимо от королевства. — *Бри* говорила быстро, словно боялась, что её кто-то услышит. — У жениха уточнили, знаком ли он с королём. Тот ответил, что однажды бывал при дворе *Багряного леса*, но не догадывался, что произвёл на короля настолько большое впечатление.

Я приоткрыла рот и двинулась следом за фавной, которая уже набрала скорость. В голове крутились мысли и небольшое волнение.

До комнаты мы не успели дойти.

У моей двери, прислонившись к стене, стоял *Мелантир*. Его фигура в полумраке коридора казалась высеченной из тёмного камня — только золотые глаза горели в сумраке.

— Спасибо, *Бри*, — сказал он, не глядя на фавну. — Дальше я сам.

Бри коротко кивнула и исчезла за поворотом, оставив нас одних.

Он улыбнулся — но улыбка вышла напряжённой, не такой, как обычно. Каштановые кудри падали на лицо, обрамляя острые скулы. В свете ламп его глаза казались почти чёрными, но в глубине всё ещё тлели золотые искры — тусклые, как угли догорающего костра.

— Добрый вечер, *Лирия*.

— Добрый вечер, *Мелантир*.

Я не решалась зайти в комнату. Не решалась пригласить его внутрь. Между нами было расстояние в несколько шагов, но оно казалось бесконечным.

— Я не думала, что увижу тебя здесь, — призналась я, теребя край рукава. — Особенно после того, как за мной пришла *Бри*.

Он слегка склонил голову, и прядь волос упала ему на лоб.

— Собирался сам прийти. — Он махнул рукой в сторону коридора, откуда доносился приглушённый шум приготовлений. — И я пришёл. Но дела задержали.

Я кивнула, чувствуя, как между нами повисает неловкость. Вчерашнее всё ещё висело в воздухе, невысказанное, но осязаемое, как запах озона перед грозой.

— Я слышана, у вас важные гости, — сказала я, чтобы заполнить тишину.

Он кивнул, и его лицо чуть напряглось. Скулы сжались, на лбу пролегла едва заметная морщина.

— Я не знаю, зачем они едут, — честно ответил он. — Для меня это такая же тайна, как и для тебя. Мы получили запрос, но не понимаем, что он значит. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Последний раз король Багряного леса навещал нас, когда моя сестра только взойшла на трон. И это был другой король — дед нынешнего. После него правила королева, мать нынешнего короля. А этот — он покачал головой, — он никогда здесь не был.

— Ты его не знаешь?

— Вообще-то, я видел его один раз. По делам, когда посещал *Нефритовое озеро*. — Он задумался, словно пытаясь вспомнить детали. — Он был ещё совсем мальчишкой.

— Вы не ладите?

Мелантир усмехнулся, но в усмешке не было веселья — только усталость.

— Не то чтобы не ладим. Просто не пересекаемся. Нам нечего выяснять. Поэтому их желание присутствовать здесь обескураживает.

Я вспомнила утреннюю суету, странный приказ *Катроны*, напряжённые лица слуг.

— Сегодня нам не разрешили приходить на пир, — сказала я. — *Катрона* сказала, что лучше вообще не появляться.

Мелантир нахмурился — и в этом жесте, в том, как его брови сдвинулись к переносице, проступило что-то почти человеческое.

— На тебя запрет не распространяется. Ты не подчинённая *Бронзовых земель*.

— Я думала, я как раз-таки подчинённая, — возразила я, и мои щёки опалил румянец. — Твоя.

— Ты — *гостья*, — вновь напомнил он, и в его голосе послышались те же нотки, что и вчера. Перед поцелуем.

Я поспешила сменить тему.

— Может, они действительно настолько близки с этими дриадами, что не хотели пропустить свадьбу? — предположила я.

— Может. — Он пожал плечами, но в его глазах застыла тень сомнения. — А может, его интерес немного шире.

Я наклонила голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы думаем, он решил проверить, не заинтересована ли королева в союзе с ним.

Мои губы сложились в букву «О».

— Вполне логично, — признала я. — Объединить два королевства

— Да. — *Мелантир* провёл рукой по волосам, откидывая их назад. — Но мы не знаем наверняка. И это нервирует. От *Багряного леса* никогда не знаешь, чего ожидать.

Я неловко пожала плечами.

— А что королева думает о таких перспективах?

Я не была уверена, что вообще имею право спрашивать об этом. Но было слишком интересно.

Мелантир улыбнулся — на этот раз мягче, почти по-человечески.

— Ну, ей интересно. У нас редко происходят действительно важные события. — Он помолчал, и в его глазах мелькнул озорной огонёк, такой же, как в тот день на пикнике. — К тому же, говорят, он очень хорош собой.

Я изогнула бровь.

— Пряма настолько?

Он рассмеялся — коротко, почти беззвучно. Я поняла, что он передаёт не свои слова, а чьи-то чужие. Возможно, самой королевы.

— Довольно забавный аргумент для политического визита, — заметила я, и уголки моих губ поползли вверх.

— В любом случае, это только предположения, — сказал он, и его лицо снова стало серьёзным. — Пока намерения не были выражены чётко.

— Тогда будь её ушами и глазами, — посоветовала я и тут же подумала о другом. — А если королева выйдет замуж, что станет с её наложниками?

Я подумала о *Велиане*. Возможно, они с *Люттицией* смогут теперь быть вместе? Эта мысль кольнула где-то в груди — не то надеждой, не то горечью.

— Ничего, это же политический союз. На самом деле, официальный брак не важен.

— Меня учили верить в другое, — ответила я, выдавив кривую улыбку. Мы снова заходили на опасную территорию.

— Это дела королевские, — мягко сказал он, словно пытаясь остудить мой пыл. — Всё немного сложнее. Для браков нужны веские поводы. Например, такие. В прочих случаях — для *фэйри* это ненужное обременение.

— По крайней мере, королеве наверняка хочется ему понравиться, — заметила я.

Мелантир посмотрел на меня с непониманием.

— Она заказала новое платье. Мы сшили его по эскизу. — Я пожала плечами. — Ей нравится выглядеть впечатляюще.

— Красота — тоже оружие, — ответил он.

Я продолжила:

— Я не уверена, что мне стоит идти на пир. Я там буду лишней. Я даже не знаю людей, которые женятся.

— Ты не лишняя, — тихо сказал он. — Иди. Если хочешь просто повеселиться.

Мы стояли в коридоре, и молчание между нами становилось тяжёлым, как свинцовое одеяло. Я смотрела на свои пальцы — исколотые, покрасневшие после долгого дня в швейной, — и не знала, что сказать.

— *Мелантир*, — начала я, но не смогла продолжить.

— *Лирия*? — он остался на месте, не приближаясь, не касаясь.

— Если хочешь, можем уже идти, — сказал он мягко.

Я покачала головой.

— Сначала зайду в комнату. Нужно привести себя в порядок.

Мелантир бросил на меня оценивающий взгляд — скользнул по розовому бархату платья, по распущенным волосам, которые я так и не заплела в косу. В его глазах мелькнуло что-то — то ли одобрение, то ли удивление.

— Выглядишь замечательно, — выдал он свою оценку.

Я не смогла сдержать смущения. Показала ему пальцы — красные, с маленькими следами от игл.

— Надо отдохнуть. Ты иди. Я буду чуть позже.

Я потянулась к ручке двери, но едва коснулась её, его рука накрыла мою сверху. Тёплая, сухая, с длинными пальцами, которые я так хорошо запомнила за это время.

— *Лирия*, — тихо спросил он, и его голос вибрировал где-то у моего уха, — между нами так и будет присутствовать эта неловкость?

Я не рискнула посмотреть ему в лицо, когда он был так близко.

Я не знала.

Мне хотелось переступить через это. Я же сама его отвергла. Но сейчас, чувствуя тепло его ладони на своей руке, я понимала, что могла ошибиться. Могла, но не была уверена.

— Я не знаю, — честно ответила я. — Но пока мне нужно побыть одной.

Он промолчал. Его пальцы сжались на моей руке на секунду — и отпустили.

Я поспешила спрятаться за дверь, боясь сделать или сказать что-то, о чём пожалею.

Как же нелепо.

В комнате я привела себя в порядок. Обработала пальцы мазью, которую оставила *Бри*, — пахло мятой и чем-то горьким, лекарственным. Расчесала волосы и оставила их распущенными — мягкими волнами спадать на спину и плечи. Розовое бархатное платье сидело идеально, подчёркивая талию и скрывая то, что нужно скрывать.

Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала.

Я немного набрала — щёки округлились, под глазами исчезли тени, присутствовал здоровый румянец. Вид был почти торжественный — такой, будто я собиралась не на пир, а на собственную казнь.

Я глубоко вздохнула и вышла.

Пир уже был в разгаре, когда я добралась до зала.

Церемония закончилась — я сильно задержалась, — и теперь всё пространство дворца гудело музыкой, смехом и звоном бокалов. *Фэйри* всех мастей теснились у столов, пили вино, танцевали. В воздухе пахло жареным мясом, пряностями и терпким запахом эльфийского вина — таким крепким, что у меня закружилась голова ещё до того, как я сделала глоток.

Обычно церемонии проводились на открытых площадках на природе, а сюда переносили только торжество, поэтому ни на одной церемонии заключения фэйских браков мне не удалось побывать — только на пирах, которые переносили во двор, чтобы королева тоже могла присутствовать. Но сегодня, насколько я знала, церемония тоже должна была пройти здесь. Моя задержка не позволила её застать, и, честно говоря, я была даже рада.

Я пробиралась вдоль стен, держась подальше от центра, где кружились пары. *Бри*, как тень, следовала за мной, но в этот раз не так навязчиво — её то и дело отвлекали другие служанки, и она отпускала меня из виду. Больше на мой приход никто не отреагировал.

Потому что король *Багряного леса* уже прибыл.

Его не нужно было представлять. Я бы сразу поняла, что этот *фэйри* имеет высокий статус, даже если бы он не сидел на отдельном троне рядом с королевой. Даже если бы на его голове не сиял обруч с россыпью гранатов — простая, изящная корона, которая казалась скорее украшением, чем символом власти.

Он притягивал все взгляды.

Королева сегодня тоже не осталась без короны — тяжёлый медный венец в виде переплетённых ветвей покоился на её бронзовых волосах, мерцая в свете ламп. И она смеялась. Разговаривая с ним, она смеялась — открыто, искренне, запрокидывая голову. Я не помнила, чтобы видела её улыбающейся раньше.

Мелантир был прав.

Король действительно был хорош собой.

Красив той нечеловеческой, почти пугающей красотой, которая заставляла замирать сердце. Длинные белые волосы, заплетённые в косу с алой лентой, падали на плечо. Выбившиеся пряди обрамляли лицо с чёткими, почти мальчишескими чертами — высокие скулы, прямой нос, губы, которые легко складывались в улыбку. Он казался юным, лет двадцать — двадцать пять на человеческий манер, но с *фэйри* никогда нельзя определить возраст по лицу.

Красивый. Какой-то почти неприличной красотой.

Совсем не похож на приземлённую, почти грубую красоту *Мелантира*. В этом короле было что-то вычурное, изысканное, как дорогой клинок в серебряных ножнах. Подстать красоте королевы.

Платье королевы сидело на ней великолепно. Серебристо-голубая парча мерцала в свете ламп, жемчужины вспыхивали при каждом её движении. Я с гордостью подумала, что мы с девушками сделали эту красоту — и никто, кроме нас, не узнает, сколько пота и крови стоили эти стежки.

Они о чём-то увлечённо беседовали, совершенно не замечая происходящего вокруг. Может, они и правда решат заключить союз? По крайней мере, королева выглядела заинтересованной.

Я заметила *Мелантира*. Он стоял у противоположной стены, беседовал с каким-то гномом в расшитом жилете, но его взгляд то и дело находил меня в толпе. Я чувствовала это кожей — каждый раз, когда его золотистые глаза останавливались на мне, по спине пробежали мурашки.

Он не подходил. Не давил. Но я остро ощущала его присутствие.

Я держалась у фуршетных столов, делая вид, что внимательно изучаю закуски. *Бри* болтала с другими служанками неподалёку, и на этот раз не следила за каждым моим шагом.

Тосты следовали один за другим. Кто-то провозглашал здравицу в честь молодожёнов, кто-то — в честь королевы, кто-то — в честь гостя из Багряного леса. Потом начались танцы.

Королева поднялась с трона и под руку с беловолосым королём направилась в центр зала. Его свита двинулась следом, образуя защитное кольцо — их легко можно было узнать по тёмной форме и алым плащам, отороченным мехом.

Один из стражей, высокий и широкоплечий, с короткими чёрными волосами, выступал вперёд, не отводя цепкого взгляда от своего правителя. В его серо-зелёных глазах застыла настороженность, а рука то и дело касалась эфеса меча.

Королева улыбалась. Ей было приятно внимание. Но судя по тому, как легко король Багряного леса переключился на других — следующий танец он уже танцевал с фрейлиной, потом с фавной, потом с какой-то сильфидой в прозрачном платье, — его интерес к её величеству был не таким уж глубоким.

Девушки не стеснялись проявлять своё расположение к знатному гостю. Они прижимались к нему, заглядывали в глаза, касались его рук. Я уже достаточно здесь повидала, чтобы понимать: *фэйри* не считают это неуместным. Но по человеческим меркам некоторые движения выходили за все границы приличия.

Я давно наелась и просто лениво ковыряла вилкой остатки тарталетки на своей тарелке. Потом, от нечего делать, начала поправлять тарталетки на столах, которые после гостей выглядели небрежно. Не хотелось, чтобы труд *Герды* был так обесценен.

Старалась не встречаться взглядом с *Мелантиром*, но то и дело ловила на себе его взгляд. Он не подходил.

И я была благодарна ему за эту передышку.

Когда начался танец молодожёнов, все остальные покинули танцпол.

Я решила, что это мой момент. Пора уходить. Незаметно, тихо, пока никто не смотрит.

Я уже сделала шаг к дверям, когда заметила его.

Король Багряного леса стоял у фуршетного стола — того самого, где я только что поправляла тарталетки, раскладывая их аккуратными рядами. Он разглядывал закуски с таким довольным видом, будто они были не едой, а личным оскорблением.

Его страж — тот самый, черноволосый, — стоял рядом, скрестив руки на груди, и наблюдал за происходящим с выражением скучающего превосходства.

Король переходил от блюда к блюду, его тарелка оставалась пустой.

Я поискала взглядом *Герду*, опасаясь, что она сейчас выскочит из-за угла и начнёт отчитывать короля за то, что ему не нравится её стряпня. Но поварахи нигде не было.

И тогда я, сама не зная зачем, сделала шаг вперёд.

— Может, вам подсказать, что в составе блюда, ваше высочество? — произнесла я, прочистив горло.

Он медленно поднял на меня взгляд.

Льдисто-голубые глаза — холодные, как зимнее небо, — смотрели из-под светлых ресниц.

А потом на его губах появилась улыбка.

— Ах, смертная, — протянул он, и в его голосе послышалась ленивая, почти кошачья насмешка. — Буду премного благодарен.

Я сделала несколько шагов, чтобы встать ближе. Он возвышался надо мной больше чем на голову, и мне пришлось запрокинуть лицо, чтобы смотреть ему в глаза.

Я указала на тарталетку с рыбой.

— Это с лососем и сливочным сыром. — Перевела руку к следующей. — А это с паштетом из лягушки и шафраном. Очень изысканно.

Я надеялась, что ничего не перепутала. *Герда* устроила бы мне взбучку, если бы я ошиблась, по старой памяти, несмотря на то, что я у неё больше не работала.

Король тут же положил себе на тарелку по одной штуке каждого вида.

— И мне возьмите, ваше высочество, — подал голос страж, делая шаг вперёд. В его голосе слышалась полуусмешка.

Король обернулся к нему, и в его взгляде мелькнуло что-то тёплое — почти дружеское. Ещё пара тарталеток переключевала на тарелку.

— Сделано. Доволен? — усмехнулся король.

— Вполне, — ответил страж, и я заметила, как дёрнулся уголок его губ.

Темноволосый мужчина шагнул ещё ближе, оказавшись почти вплотную ко мне. Я оказалась зажатой между ним и столом — не агрессивно, но достаточно тесно, чтобы почувствовать себя неуютно. От него пахло кожей и железом — запахом оружия, которое носили слишком долго.

Я подняла взгляд и поверх его широкого плеча увидела *Мелантира*.

Он пробирался сквозь толпу, его лицо было напряжено, зубы стиснуты. Он смотрел прямо на меня — и на стража, который стоял слишком близко.

Король тем временем поднёс тарталетку ко рту, но прежде чем откусить, наклонился ко мне. Так близко, что я почувствовала его запах — хвойный, свежий, с примесью дыма.

И тихо, так чтобы слышала только я, произнёс:

— Когда я просил тебя в лесу бежать, я и подумать не мог, что ты побежишь не от опасности, а напрямиком в её гушу.

У меня перехватило дыхание.

Что?!

Он быстро приложил палец к губам — жест, который должен был означать молчание, — и откусил от тарталетки, смакуя. На его лице застыла довольная, почти мальчишеская улыбка.

Его рука быстро коснулась моей раскрытой ладони. Или мне показалось?

— Спасибо за помощь, смертная, — произнёс он громче, так, чтобы слышали окружающие. И развернулся, уводя своего стража прочь.

Мне показалось?

Но, сжав ладонь, я почувствовала, что в ней что-то есть.

Бумага. Маленький, аккуратно сложенный квадратик.

— *Лирия*, всё в порядке? — рука *Мелантира* легла мне на плечо.

Я вздрогнула, сильнее сжимая кулак.

— Да, — выдохнула я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я в порядке. Его высочество просто хотел ознакомиться с местной кухней.

Мелантир кивнул, напряжённо посматривая недоверчиво через толпу на правителя Багряного леса. Его пальцы на моём плече слегка сжались — и отпустили.

А я продолжала стискивать в кулаке записку от него.

Глава 14

Ночь опустилась на *Цитадель* тяжёлым бархатным одеялом, густым и непроницаемым. Луна пряталась за тучами, и только редкие звёзды мерцали сквозь рваные облака, как далёкие костры на краю света. Я сидела на подоконнике в своей комнате, сжимая в пальцах маленький клочок бумаги — тот самый, что король *Багряного леса* сунул в мою ладонь на пиру, когда наши взгляды пересеклись всего на мгновение.

«Ровно в пять утра. Ручей у подножия восточной стены. Приходи одна. Об охране снаружи мы позаботимся, если сможешь улизнуть изнутри незамеченной».

Ни подписи. Ни печати. Только несколько строк, выведенных нервным, изящным почерком. Бумага была дорогой, с водяными знаками, каких я не видела даже у богатых купцов в *Равенсте*.

Я посмотрела на часы: половина пятого.

Я перечитала послание в десятый раз. Сердце колотилось где-то в горле — не от любопытства, а от тяжёлой, липкой тревоги. Зачем королю другого королевства встречаться со мной, жалкой *оброчной* служанкой? Что ему нужно? Чтобы убить? Похитить? Сорвать *оброк*?

Мелантир предупреждал: с *Багряным лесом* лучше не связываться. «*Наши королевства сохраняют нейтралитет, — сказал он тогда, — но это не значит, что они добрые соседи*». А потом добавил, глядя куда-то в сторону: «*Говоря о них: наверное, то, что пишут в вашем Писании Первых о ложно-бессмертных — правда*».

В «*Писании*» о *ложно-бессмертных* не писали ничего хорошего. Эти строки я помнила с детства: *они вырезали целые деревни. Они смеялись, глядя в глаза умирающим. И теперь я должна довериться одному из них?*

Зачем им я? Что я для них — пешка в игре против *Бронзовых земель*? Может, они хотят настроить меня против *Мелантира*? Или использовать, чтобы досадить королеве?

Мысли путались, накручивая одна другую.

Я почти решила не идти. Но любопытство и какая-то глупая, отчаянная надежда перешили страх.

Его слова на пиру крутились в моей голове: «*Когда я просил тебя в лесу бежать, я и подумать не мог, что ты побежишь не от опасности, а прямоком в её гуцу*».

Я плохо помнила ночь *Рахмы*, кроме кровавых зубов *стрыги*, криков и головы *Ульи* у моих ног. Вспоминать это было страшно и больно. Мне казалось, что своих спасителей я просто вообразила, а на самом деле потеряла сознание от ужаса и лишь чудом осталась жива. Но то, что произнёс король *Багряного леса* на пиру, — ничем другим это быть не могло. Это был он. И ещё кто-то из его свиты. Возможно, тот верзила, что постоянно торчит у него за плечом.

Это должны были быть они. В этом всё должен был быть смысл, который ускользал от меня.

Я посмотрела на часы. Половина пятого. Время будто застыло. Или это я просто не решалась сделать последний шаг?

— *Ньяду*, или вы сломались, — прошептала я в пустоту, — или я схожу с ума.

Вероятно, так и было. Потому что я взяла плащ, накинула его на плечи и, стараясь не скрипеть половицами, выскользнула в коридор.

Ночная *Цитадель* дышала тяжело, как старый зверь перед охотой. Электрические лампы были прикручены до минимума, их тусклый жёлтый свет выхватывал из темноты лишь узкие полосы каменного пола. Тени от статуй предков тянулись по стенам, словно длинные костлявые пальцы. Пахло сыростью, медью и ещё чем-то — чем-то забытым, древним, от чего по спине бежали мурашки.

Я миновала внутренний двор, прошла через арку к восточной стене. Ручей журчал где-то внизу, его голос был единственным живым звуком в этой каменной тишине. Воздух снаружи оказался ледяным — он обжигал лёгкие, и я плотнее закуталась в плащ, стараясь не стучать зубами.

Луна то выныривала из-за туч, то снова пряталась, и тогда темнота становилась почти осязаемой, как чёрная вода. Я выбрала старый дуб с низкими ветвями — с подветренной стороны. *Фэйри* остро чувствуют запахи. Если они придут не одни, я хочу услышать их раньше, чем они учуют меня.

Я замерла в развилке ствола, укрытая редкой листвой. Кора была шершавой, холодной, и я вцепилась в неё пальцами, чтобы не упасть. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук разносится по всей округе.

Идиотка, — сказала я себе. — Что ты делаешь? Если они хотели тебя убить, ты сама пришла к ним в руки. Если хотели похитить — ты сама вышла за ворота.

Но ноги уже не слушались. Я замерла, вжавшись в дерево, и ждала.

Ждать пришлось недолго.

Они появились из-за поворота тропинки — двое. Король, светловолосый, с косой, перевитой алой лентой, которая слабо мерцала в тусклом свете, и тот самый страж с тяжёлой челюстью и цепким взглядом цвета старой бронзы. Они двигались бесшумно, как хищники. Даже ветки не шевелились под их ногами, будто сам лес расступался перед ними.

Король выглядел уставшим: под глазами залегли глубокие тени, волосы собраны небрежнее обычного, и он то и дело потирал переносицу, словно у него болела голова.

Значит, не я одна ворочалась этой ночью.

— Пусто, — констатировал страж, оглядывая поляну. В его низком голосе слышалась ленивая насмешка.

— Рано, — ответил король рассеянно. — Она придёт.

— Откуда такая уверенность? — страж уселся на валун, скрестив руки на груди, и поднял голову к небу. — Мы выглядим как подозрительные типы, которые поджидают девушек в кустах.

— Мы и есть подозрительные типы, — король усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — К тому же она смертная. Они всегда идут туда, куда их не зовут. Особенно если сказать, что это опасно.

Я стиснула зубы. Он говорил обо мне так, будто я была дрессированной зверушкой.

— И что ты ей скажешь? — спросил страж.

— Что её сестра ищет её. И мы можем помочь.

Мой пульс подскочил. *Сестра?* Откуда они знают об *Элеонор*?

— А про *оброк*? — страж понизил голос.

— И про *оброк*. Но не сразу.

— И ты думаешь, поверит?

Король замолчал, глядя на тёмное небо. Его профиль на фоне звёзд казался выточенным из старого янтаря — красивый, но какой-то неправильный. Слишком острые скулы, слишком тонкие губы. Нечеловеческая красота, от которой становилось не по себе.

— Придётся убедить, — сказал он наконец, и в его голосе прозвучала такая усталость, что я почти поверила — почти. — Она упрямая. Я это понял ещё в ту ночь.

А потом он поднял голову и посмотрел прямо на меня.

— Ты можешь слезать, — сказал он спокойно, без угрозы. — Мы знаем, что ты здесь.

Ветка хрустнула под моей ладонью, когда я попыталась отодвинуться глубже в тень. *Бесполезно.*

— Бесполезно, — подтвердил страж. — Мы слышим твоё сердце, оно колотится, как у перепуганного зайца. И пахнешь ты страхом. И недоверием.

Я замерла. *Чувствуют запах страха? Слышат сердце?* Как можно доверять существам, которые читают тебя, как открытую книгу, даже не прикасаясь?

— Слезай, — повторил король, и на этот раз его голос прозвучал резче. — Нас могут обнаружить в любую минуту. И у меня нет настроения играть в кошки-мышки.

Я медленно спустилась с дерева, стараясь держаться прямо. Страж подался вперёд, но я отшатнулась.

— Не надо, — бросила я тихо. — Я сама.

Он шагнул ко мне. В слабом свете звёзд его лицо было бледным, почти белым, а глаза — холодными, как зимняя вода. На плечи был накинут тёмный плащ, под которым угадывалась простая, но дорогая рубашка. У горла что-то блеснуло — тонкая серебряная цепочка, уходящая под ворот. Я заметила такую же у его стража. Медальоны? Или просто украшения? Я не успела разглядеть — он перехватил мой взгляд и чуть повернул плечо, пряча цепочку в складках плаща.

— Ты умна, — сказал он. — Не полезла вперёд, выбрала место с подветренной стороны, забралась на дерево. Это похвально. Но эмоции тебя выдали.

Я опустила руки, чувствуя, как холод пробирает пальцы. Ссориться с королём другого королевства — безумие. Но и молчать, когда ты уже вляпалась по уши, — тоже.

— Вы оставили записку. Я пришла. Говорите.

Он усмехнулся, переглянулся со своим спутником.

— Не помешало бы представиться. Я — *Роллан Лангенет*. Король *Багряного леса*. А это — мой военачальник, *Эрик Ривенсон*. — Он говорил так, будто представлялся на балу. — Мы здесь не случайно и не для того, чтобы созерцать твоё милое, но сердитое личико.

Я строила сердитую гримасу.

— Милое для смертной, — вставил *Эрик*. — Без обид.

Уголок его губ дёрнулся в усмешке, но глаза оставались цепкими, немигающими.

Я проигнорировала это.

— Что вам нужно от меня? Хотите убить? Похитить? Или просто позлорадствовать?

Роллан поднял бровь. В его льдисто-голубых глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Если бы хотели убить, ты была бы уже мертва. Если бы хотели похитить — не стали бы назначать встречу. Мы просто хотим поговорить.

— Вы упомянули мою сестру. Откуда вам о ней известно?

Он сделал ещё один шаг, и я невольно отступила к стволу. Моя спина упёрлась в шершавую кору.

— Твоя сестра здесь, в *фэйской* части *Калле*. Пришла за тобой после *Рахмы*. Она заблудилась, а мы её нашли.

Мир качнулся. Я схватилась за кору.

— Что? — выдохнула я. — Не может быть. Приведите её!

— Говоря «здесь», я не имел в виду, что прямо здесь. Она в *Багряном лесу*.

— Она правда у нас, — спокойно ответил *Эрик*. — Жива. Поправляется.

— Поправляется? — насторожилась я. — Что с ней не так?

— Хотели бы и мы знать, — вздохнул *Эрик*.

— Она ранена, — сказал *Роллан* неожиданно мягко. — Не тяжело. Но она восстанавливается. Лекари сказали, что ей нужен покой.

Я осматривала одного и другого с настороженностью.

— Вы можете как-то доказать свои слова? Есть хотя бы записка от неё?

— Её зовут *Элеонор*, — ответил он.

Я ждала продолжения, но он решил, что этого достаточно.

— В *Рахму* любой *фэйри* мог перейти границу и узнать имя моей сестры, — я покачала головой, чувствуя, как внутри разгорается злость. — А вы это же как раз вы были в человеческих землях в ночь *Рахмы*! Я помню вас. Это вы меня спасли от *стрыги*. — Голос дрогнул. — Вы могли узнать всё что угодно. Имя, шрамы, даже рисунок под кроватью — если успели расспросить кого-то в *Равенсте*. Там все знали о нас больше, чем мы сами.

— Мы никого не расспрашивали, — тихо сказал *Роллан*.

— Мы были немного другим заняти, пытаюсь спасти твою нежную шейку из лап кровопийцы, — добавил *Эрик*. В его голосе слышалась усмешка, но глаза оставались серьёзными.

— Спасибо, — я заставила себя выдохнуть. — Только я не понимаю, что вы вообще там делали, — я махнула рукой в сторону короля, — особенно вы.

Повисла тишина. *Роллан* и *Эрик* переглянулись — тем быстрым, молчаливым взглядом, который я уже начинала ненавидеть. Они что-то решали без меня.

— Хочешь правду? — спросил *Роллан*, и его голос вдруг потерял ленивую насмешку.

— Конечно. И на этот раз хотелось бы убедительную.

— Мы охотимся на нечистых. Они угроза нашему народу

— Это своего рода развлечение, — с жуткой улыбкой добавил *Эрик*.

— Эта тварь была настойчива и прошмыгнула за барьер. Наверное, использовала остаток сил, чтобы его пересечь, почуяв дичь

Я побледнела, поняв, что под «дичью» король имел в виду стражников, *Улья* и меня.

— И мы перешли за ней. И разобрались, — закончил король, скрещивая руки на груди с каким-то горделивым видом.

Меня замутило. Ему не было дела до того, что нас там чуть не растерзали. Он думал только об охоте. *Дичь*. Мы были дичью. *Улья*, стражники, я — просто куски мяса, на которые напала тварь, а они пришли добить её, потому что она угрожала их народу. Не нам.

— Вы — мой голос сорвался. Я обхватила себя руками, чувствуя, как холод проникает под кожу. — Вы даже не ради нас пришли. Вы пришли за ней.

— Мы пришли убить *стрыгу*, как ты назвала, — спокойно ответил *Роллан*. — То, что ты при этом выжила, — случайность. Или, может быть, удача.

— Удача? — я почти засмеялась, но смех вышел истеричным. — *Улья* разорвана на куски. Голова моей подруги лежала, буквально, у моих ног. Стражники мертвы. А вы говорите про удачу?

— Они погибли, потому что не умели сражаться, — отрезал *Эрик*. — Ты выжила, потому что мы вмешались. Не путай причину и следствие.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль отрезвила.

— Зачем вы тогда вообще перешли барьер? Если вам плевать на людей?

— Я же сказал: мы охотимся на нечистых, — *Роллан* говорил ровно, без тени оправдания. — *Стрикса* угрожала не только вам. Если бы она задержалась в человеческих землях и набралась сил, она вернулась бы на нашу сторону — и тогда пришлось бы иметь дело с целым выводком. Мы убили её, пока она была ослаблена.

— А мы мы просто оказались рядом.

— Да.

Я закрыла глаза. В голове гудело. *Дичь*. Мы были дичью. И если бы они опоздали на минуту — меня бы уже не было.

— И вы хотите, чтобы я вам доверяла после этого? — тихо спросила я, открывая глаза.

— Мы не просим доверия, — сказал *Эрик*. — Мы просим, чтобы ты задумалась. О том, что здесь происходит. О том, кому ты на самом деле служишь.

Роллан шагнул ко мне, и я не отступила — только вжалась спиной в ствол.

— Твоя сестра здесь, — сказал он. — Мы её нашли. Мы её лечим. Она хочет, чтобы ты пошла с нами. Это правда, даже если ты не хочешь в неё верить. А то, что ты думаешь о нас — он усмехнулся, но усмешка вышла грустной, — нам всё равно.

— Привезите её сюда, и пусть она скажет это сама! — я повысила голос, чувствуя, как внутри закипает отчаяние. — Потому что я никуда с вами не пойду.

— Мы не можем, — *Роллан* с шумом сделал выдох сквозь зубы.

— Не можете или не хотите?

— И то и другое, — вмешался *Эрик*. — Для неё. Для тебя. Да и вообще для людей здесь находиться небезопасно.

— А у вас, значит, безопасно? — я фыркнула. — Люди здесь живут сотни лет. *Оброчные* женщины работают здесь, как и все остальные. Я сама работаю уже больше месяца. И со мной ничего не случилось.

— И ты видела хоть одну? — произнёс *Роллан* тихо, наклоняя голову.

Я хотела ответить, что знаю о *Мире*, которая работает в полях. Но я её не видела. Только слышала от *Бри*. И *Бри* говорила, что *Мира* ни с кем не общается, что с ней «что-то не так». Но вслух я этого не произнесла.

— Это ничего не доказывает, — сказала я вместо этого.

— Конечно, нет, — *Роллан* покачал головой с грустной усмешкой.

Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

Эрик резко оглянулся, прислушиваясь. Я ничего не слышала.

— *Морена*, патруль движется сюда, — выдохнул *Эрик*, хватая короля за плечо. — Уходим.

— Мы не закончили, — начал было *Роллан*.

— Потом. Если нас поймают — её тоже заподозрят. Ты хочешь, чтобы её заперли?

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Не верь ему, — сказал *Эрик*. — Ни единому слову.

Я хотела спросить: кому именно? *Мелантиру*? Но понимала, что пока не доверяю только им — бесчувственным, наглым *фэйцам*, которые называют людей дичью.

— Подумай, — бросил *Роллан* напоследок. — Пока ещё не поздно. И беги обратно во двор, пока тебя не поймали.

Они исчезли в темноте бесшумно, как тени. Даже ветки не шелохнулись.

Я прижалась спиной к дубу с подветренной стороны, затаив дыхание. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно на весь лес, и я старалась его успокоить, считая про себя. *Только бы его не услышали и не почуяли мой запах.*

Двое стражников прошли в ста шагах от меня, их факелы выхватывали из темноты красные стволы. Я не видела их лица, но и они не смотрели в мою сторону. Видимо, *Ньяду* сегодня был на моей стороне. Они о чём-то переговаривались, мне было не разобрать их слов. Меня не заметили.

Когда шаги стихли, я выдохнула. Руки дрожали. В голове гудело.

«И ты видела хоть одну?»

Нет. Не видела. Я просто верила на слово.

Идиотка, — прошептала я себе. — *Какая же идиотка.*

Я оттолкнулась от ствола и двинулась обратно к *Цитадели*, стараясь ступать как можно тише. Рассвет уже брезжил над горами, окрашивая снежные вершины в бледно-розовый цвет. Где-то внизу, в городе, запел петух.

Скоро *Мелантир* проснётся. Скоро начнётся новый день.

А я сделаю вид, что этой ночи не было.

Глава 15

Я спешила как могла, стараясь никому не попасться на глаза. Главное было успеть вернуться во двор, слиться со слугами — и тогда бы я смогла.

Патрули вышагивали возле ворот, пока я пряталась за деревьями. Путь, которым я пришла, осложнялся тем, что людей становилось всё больше. Но появились и первые выходящие.

Я постаралась утомить сердце и в какой-то момент просто вышла на дорожку, медленным шагом, успокаивая себя. Я часто ходила здесь, пусть стражей этих и не знала, но они наверняка видели меня.

В руках были свежесобранные соцветия шалфея и лаванды из ближайшего сада.

Я продвигалась ближе ко входу во двор. *Фэйри* уже чаще входили и выходили, стража особого внимания не обращала. Мне повезло: они не обратили внимания и на меня.

Выскользнуть смогла только когда зашла во дворец. Уже было светло. *Бри* могла прийти в любую минуту и обнаружить, что меня нет. Я буквально бежала в свою комнату на третьем этаже, сунув цветы в ближайшую вазу по дороге.

В безопасности своей комнаты я сползла вниз по стенке.

Что за ночь?! Зачем я в это ввязалась, а?

Я быстро умылась остатками вчерашней воды из кувшина, спрятала в шкафу пальто и легла на кровать, укрываясь одеялом. В швейную не требовалось вставать так рано, как на кухню, но всё равно рано.

Окно оставила нараспашку, чтобы успеть выветрить запах моего страха и нервозности — если *фэйри* действительно могли его читать. Успокаивала себя. У меня было примерно сорок минут.

Но мысли не унимались. Я прокручивала в голове каждое слово, сказанное там, в лесу. «*Твоя сестра здесь. Мы её нашли. Она хочет, чтобы ты пошла с нами.*» Ложь? Или правда, в которую я просто не могу поверить, потому что тогда придётся признать: *Мелантир* — не тот, кем кажется. И всё, во что я верила последние недели, — обман.

«Не верь ни единому его слову.»

Чьему слову? *Мелантира*? Или самого *Роллана*? Я запуталась. Единственное, что я знала точно — если *Мелантир* узнает, что я встречалась с ними, меня могут запереть. Или хуже.

Я заставила себя дышать ровнее. Никто не узнает. Я была осторожна. Я всё сделала правильно.

Затем стук в дверь, и *Бри* просунула свою голову, проверяя, сплю ли я. Я потёрла глаза, словно только проснулась, и начала откидывать с себя одеяло.

— Доброе утро, госпожа, — пролепетала она, ставя новый кувшин, от которого шёл пар, взамен старого.

— Доброе утро, *Бри*.

— Завтрак можете взять с собой, вам уже нужно идти на работу, — произнесла она, чуть смутившись, — я подумала, вам нужно поспать подольше после вчерашнего.

Сердце пропустило удар. Но на лице я отразила недоумение.

— С чего ты так решила?

— Праздник выдался насыщенным, — ответила фавна, собирая мой завтрак.

Я кивнула, постаралась скрыть вздох облегчения и стала собираться на работу, надеясь, что никто не узнает, какую глупость я совершила.

Швейная встретила меня привычной тишиной. Запах ткани, воска и сладковатых духов, которые носила *Велла*. Пикси уже сидела на своём месте, её прозрачные крылья слабо мерцали

в утреннем свете. *Дария*, нимфа с пепельной косой, молча перебирала катушки нитей. *Ирма*, чью расу я так и не определила, сидела у окна и смотрела на горы, но её переливающиеся глаза следили за каждым моим движением.

Катрона встретила меня на пороге с привычным холодком.

— Присаживайся, — бросила она, кивнув на стул. — Сегодня будем работать с бархатом. Никаких срочных заказов. Что ж, это радовало.

Она показала мне, как делать стежки, и ушла из швейной по своим делам.

— Слышали новость? — спросила *Велла*, не поднимая головы от вышивки. Её голос звенел, как маленький колокольчик. — Говорят, король *Багряного леса* уехал ещё до рассвета. Даже не попрощался с королевой.

Дария фыркнула.

— А чего ты хотела? Он здесь всего один день пробыл, только на пир и успел. Да и с королевой они только за столом и виделись. Никаких тебе прогулок в саду, никаких тайных ужинов. Скукота.

— Зато он красивый, — мечтательно протянула *Велла*, откладывая иглу и подпирая щеку ладонью. — Я таких мужчин не видела с нашей последней ярмарки. Эти глаза и волосы — как свежий снег. И улыбка — она вздохнула.

— Улыбка у него, как у сытого кота, — отрезала *Дария*. — Но ты права, недурён. Только холодный. И смотрит так, будто всё вокруг — его личная игрушка. С пира ушёл без спутницы на ночь.

Велла хихикнула, прикрывая рот ладонью.

— Может, он слишком разборчив. Или, — она понизила голос до шёпота, — ищет не просто ночь, а что-то другое. Например, фаворитку. А может, что большее. Говорят, в *Багряном лесу* уже давно нет королевы.

— Последней королевой была его мать, и это было совсем недавно. Он же только взошёл на трон. Ещё мальчишка, — фыркнула *Дария*.

Мне он не казался мальчишкой. Я поздно осознала, что произнесла это вслух.

— Для тебя, смертная, может, и нет. Но ему и двухсот ещё нет, только за восемьдесят перевалило.

— За сто семьдесят, — поправила *Велла*.

Я округлила рот. *И это — мальчишка?*

— А ты уже всё разузнала, — усмехнулась *Дария*.

Ирма только тяжело вздыхала на нашу болтовню.

— Конечно, — самодовольно ухмыльнулась та. — Он совсем молоденький король, неопытный, только лет сорок правит. Может, он решил нарушить традиции и сочетаться с кем-то узами или всё-таки жениться.

— Всё-таки жениться, — закончила *Велла*, и в её голосе зазвенело что-то мечтательное.

Жениться. На ком? Всё-таки на королеве? Или это совсем не его план.

Я жала иглу и постаралась не подавать виду, что их разговор меня касается. Но внутри всё кипело.

Что ему было нужно на самом деле?

Пальцы двигались автоматически, повторяя движения, которым успела научиться за эти дни. Бархат был капризным — ворс норовил сбиться, нить цеплялась за малейшую неровность. Я переделывала один и тот же участок трижды, прежде чем *Катрона*, вернувшись, бросила одобрителный взгляд.

— Сойдёт, — буркнула она и снова ушла.

В голове крутились обрывки ночного разговора: тихий голос, шёпот: «*Твоя сестра здесь*»; «*не верь ни одному его слову*»; «*дичь*». Как можно назвать живого человека дичью? *Эрик* сказал тогда: «*Это своего рода развлечение*». Охота на нечисть для них — забава. А мы были просто

добычей, на которую напала *стрикса*. Они спасли меня не потому, что я заслуживала спасения. А потому, что оказалась рядом с их целью.

И *Роллан* — король, который явился на пир, улыбался, танцевал, а потом назначил мне тайную встречу, — он тоже говорил обо мне как о дичи. И теперь он, возможно, уже забыл о моём существовании. Или, что хуже, помнил и ждал, когда я передумаю.

Я вонзила иглу в ткань сильнее, чем требовалось. Злость поднялась такая острая, что едва не вылилась наружу. Я стиснула зубы, заставила себя дышать ровно.

Вечером. Подумаю вечером.

К концу дня пальцы болели, а в голове гудело. *Катрона* приняла работу с кислой миной, но забраковать не посмела — королеве пока не пожаловалась.

Я выскользнула в коридор, на ходу растирая затёкшую кисть.

И замерла.

Он стоял у окна в конце коридора, прислонившись плечом к холодному камню. Простая рубашка с закатанными рукавами, волосы влажные, словно он только что вернулся с прогулки. Золотые глаза смотрели прямо на меня — тёплые, чуть насмешливые.

— Ты сегодня бледная, — сказал он, отталкиваясь от стены. — Плохо спала?

— Нормально, — ответила я, и это была ложь.

— Не хочешь прогуляться?

С моими ночными прогулками и потоком противоречивой информации, который обрушили на меня представители *Багряного леса*, я совсем забыла, что своим действием — приходом к ним на встречу — по сути, предала *Мелантира*. А у нас с ним оставался один незакрытый вопрос.

Я кивнула.

— Конечно, — сказала я, поравнявшись с ним. Он взял меня под руку.

Вечерний воздух был прохладным, пахло мокрым камнем и дымом. Мы шли не спеша, и я чувствовала, как напряжение понемногу отпускает плечи. *Мелантир* молчал, и это молчание не было тяжёлым — скорее задумчивым.

— У тебя был тяжёлый день? — спросила я, чтобы хоть что-то сказать.

— Нет, обычный, — он пожал плечами. — Был у королевы. Она до сих пор в недоумении от этого визита.

— От визита багряного короля?

— А от кого же ещё. — *Мелантир* усмехнулся, но без веселья. — Все ждали хоть чего-то. Предложений, намёков, хотя бы намёка на намёк. А он приехал, один день походил по пирам, ни с кем толком не поговорил — и уехал. Даже не попрощался.

— Странно, — заметила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Вот и королева так считает. — Он вздохнул. — Навели суету, а мы теперь должны понять, был ли в этом какой-то знак. Хотя, — он бросил на меня короткий взгляд, — поговаривают, что последний, с кем его видели разговаривающим, — это ты.

У меня ёкнуло сердце. Я заставила себя улыбнуться. *Нет, он не мог этого знать*. Но я вспомнила. На пиру я была действительно той, с кем он разговаривал. *Наверное, последней*.

— Мы обменялись всего парой слов на пиру, когда я рассказала, чем наполнены таргалетки на столе, — это было правдой, пусть и не всей. — Нельзя счесть это за полноценный разговор.

Мелантир хмыкнул, но в его глазах мелькнуло что-то — то ли облегчение, то ли просто усталость.

— Значит, таргалетки. — Он покачал головой. — *Герда* была бы в восторге. Её стряпня привлекает королей.

— Может, стоит ей сказать? — подыграла я, чувствуя, как напряжение медленно отпускает.

— Ни в коем случае, — он усмехнулся. — Она и так невыносима, когда речь заходит о её рецептах. А если узнает, что багряный король оценил — он театрально закатил глаза. — Придётся повышать ей жалование.

Я улыбнулась — на этот раз искренне. Мы пошли дальше, и *Мелантир* перевёл разговор на другие темы: на сплетни при дворе, на нового советника, который слишком громко сморкается, на то, что гномы опять требуют снизить налоги. Я слушала, кивала, иногда вставляла замечания — и постепенно поймала себя на мысли, что почти забыла о ночной встрече.

Почти.

Когда мы вернулись в *Цитадель*, он не отпустил мою руку.

Мы остановились у дверей моей комнаты. Коридор был пуст, только лампы отбрасывали жёлтые круги на каменный пол. Тишина стояла такая, что я слышала, как бьётся моё сердце — тяжело, сбивчиво, предательски.

Мелантир повернулся ко мне. Его лицо оказалось слишком близко — я чувствовала тепло его дыхания на своей щеке, видела, как в золотых глазах пляшут отблески огня. Он не торопился. Смотрел — долго, внимательно, словно читал что-то в моём лице, до чего я сама не допускала.

— Ты сегодня молчаливая, — произнёс он тихо. Не вопрос — констатация.

— Просто устала, — ответила я, и голос прозвучал хрипло, чуть выше обычного.

Он не поверил. Я видела это по его глазам. Но спорить не стал.

Вместо этого его пальцы, всё ещё сжимающие мою ладонь, легонько погладили тыльную сторону моей руки. Большим пальцем провёл по костяшкам, запястью, выше — там, где бился пульс. Я замерла, чувствуя, как кожа покрывается мурашками.

— *Лирия*, — позвал он. Голос низкий, чуть хриловатый, и в нём было что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

Я подняла глаза. Встретилась с его взглядом и утонула. Золото, живое, тёплое, незащитное. Он смотрел так, словно хотел запомнить каждую черту моего лица — ресницы, изгиб губ, тени под глазами. Словно я была не просто «*оброчной*», за которой он присматривает, а кем-то большим.

А если это не долг? Что, если по-настоящему?

И именно это всё усложняло. Я не могла быть той, кем он хотел меня видеть.

Он сделал шаг — совсем маленький, почти незаметный, но теперь мы стояли так близко, что я чувствовала тепло его тела сквозь ткань платья. Его рука скользнула с моей ладони выше, на талию, мягко притягивая меня к себе.

— Я хочу поцеловать тебя, — сказал он, и в его голосе не было приказа, только вопрос. Только надежда. — Но не буду, если ты не хочешь.

Если ты не хочешь.

Внутри всё замерло. А потом взорвалось — сотней противоречивых чувств. *Хочу. Боюсь. Нельзя. А если это снова обман? А если он просто играет? А если*

Я вспомнила ночную встречу. Льдисто-голубые глаза. Тихий шёпот: «*Не верь ни единому его слову*». Чьему слову? Потом — «*Дичь*». И холод, сковавший сердце.

А если они правы? А если он прав?

Я смотрела в его глаза — золотые, тёплые, ищущие. Его пальцы на моей талии чуть сжались, не настойчиво, скорее ободряюще. Он ждал. Дышал так же неровно, как и я.

Шаг. Один маленький шаг. Или назад.

— *Мелантир*, — выдохнула я, и в моём голосе была такая тоска, что я сама испугалась.

— М-м? — он чуть наклонил голову, прядь каштановых волос упала на лоб.

Поцелуй. Всего один. Что в этом такого? Мы уже целовались. И это было

Воспоминание обожгло — тот вечер на смотровой площадке, его губы на моих, его руки, прижимающие меня к себе. Тогда не было сомнений. Тогда был только он и я и звёзды над головой.

А теперь есть страх. Есть тайна.

Я упёрлась ладонью в его грудь. Не толкнула — просто положила, чувствуя, как под тканью рубашки бьётся его сердце. Сильно. Ровно.

— Не сейчас, — прошептала я, едва слышно. — Прости.

Он замер. Его пальцы на моей талии дрогнули, но не убрались.

— Почему? — спросил он тихо, и в этом «почему» было не требование, а боль. Тихая, неприкрытая боль, которую он не пытался скрыть.

Потому что я боюсь. Потому что я не знаю, кому верить. Потому что, если я позволю себе упасть, а ты снова окажешься ложью — я не выдержу. У меня больше не останется себя.

— Просто не сейчас, — повторила я, отводя взгляд. — Я устала. И в голове сумятица. Дай мне ещё время.

Он молчал долго. Потом убрал руку с моей талии — медленно, словно нехотя. Шагнул назад, возвращая расстояние между нами.

— Хорошо, — сказал он наконец. Голос стал ровным, почти спокойным, но я видела, как напряжены его плечи. — Да. Сколько нужно.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Он ещё раз посмотрел на меня — долгим, внимательным взглядом, словно надеялся прочитать ответ на моём лице. Потом развернулся и ушёл, не оглядываясь. Шаги затихли в конце коридора.

Я зашла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Рука всё ещё помнила тепло его груди, пальцы — биение его сердца.

Я остановила его. Сама. Хотя хотела обратного.

Я провела ладонью по лицу, прогоняя слёзы, которые так и норовили выступить на глазах.

Правильно ли я сделала?

Ответа не было.

За окном багровели медные прожилки гор в закатном солнце, и холодный ветер приносил запах бронзы — вечный, как моё одиночество.

Глава 16

Время потекло иначе. Первые недели в *Бронзовых Землях* я отмечала зарубками на подоконнике, как делала в детстве, ожидая возвращения отца из поездок. Но зарубки становились всё короче и небрежнее, а потом я и вовсе перестала их делать. Дни сливались в недели, недели — в месяцы, и скоро я уже не могла сказать с уверенностью, сколько времени прошло с той ночи, когда я переступила барьер.

Лето в *Бронзовых землях* выдалось мягким — не таким жарким, как в *Равенсте*, но достаточно тёплым, чтобы по вечерам можно было гулять без плаща. Горы, опоясывающие долину, уже не казались мне тюремными стенами. Я привыкла к их суровой красоте, к тому, как бронзовые прожилки в скалах вспыхивают на закате, словно вены, по которым течёт расплавленный металл.

После той ночи в лесу я несколько дней не могла спать. Вздрагивала от каждого шороха, ожидая, что *Мелантир* войдёт и скажет: «Я знаю, где ты была». Но он ничего не говорил. Постепенно я убедила себя, что *Роллан* и *Эрик* солгали. Что никакой сестры у них нет. Что я всё придумала. И эта мысль принесла странное облегчение — как будто я снова могла дышать. И ничего в итоге не произошло, просто жизнь пошла дальше, своим чередом.

Работа в швейной больше не изматывала. Пальцы привыкли к игле, стежки стали ровными, и *Катрона* всё реже бросала на меня недовольные взгляды. Рядом со мной теперь были они — мои неожиданные, почти невозможные наперстницы. *Велла*, пикси с прозрачными крыльями, трепетавшими от любого сквозняка, знала все сплетни *Цитадели* и щедро делилась ими, пока мы подшивали оборки. Её голос звенел, как колокольчик, а смех разносился по мастерской, заражая даже мрачную *Дарию* — нимфу с пепельной косой, которая редко говорила, но когда вставляла свои едкие замечания, *Велла* заливалась хохотом, а *Ирма*, оказавшаяся волкалаком — что было редкостью даже для этих мест, — только тяжело вздыхала, закатывая свои переливчатые глаза.

Теперь, сидя в их кругу, вдыхая запахи шёлка и нагретого воска, я чувствовала почти покой.

Но покой этот длился ровно до того момента, как в дверях появлялся *Мелантир*.

Он приходил каждый вечер — не настойчиво, не требуя. Просто возникал у порога швейной, прислонившись плечом к косяку, и на его губах играла та самая полуулыбка, от которой у меня когда-то подгибались колени. Теперь я встречала его спокойно, но внутри, где-то глубоко под рёбрами, каждый раз что-то теплело, стоило лишь заметить его высокую фигуру в дверном проёме. Он действительно дал мне время и больше не поднимал вопрос о наших отношениях. Это было больше, чем я могла просить, но что касалось меня самой я хотела большего. И сама же страшилась, того, что наши отношения могли измениться.

Мы гуляли по городу, иногда поднимались на смотровые площадки, иногда просто сидели у фонтана, и он рассказывал о своём мире — о гномах, которые веками враждовали с троллями из-за медных рудников, о фавнах, чьи леса пострадали во время *Первых войн*, о спрайтах, которые помнили времена, когда магия ещё не была ограничена. Я слушала, задавала вопросы и ловила себя на мысли, что мне искренне интересно. Не просто быть рядом с ним, а узнавать его мир. Понимать его.

Он больше не пытался меня поцеловать. Не прикасался без необходимости. Держал дистанцию — ровно такую, чтобы я не чувствовала себя загнанной в угол. И это подкупало. И одновременно сводило с ума. Потому что теперь, когда он не делал шагов навстречу, я начала сомневаться: а хочет ли он всё ещё меня? Или его интерес угас, и он просто выполняет долг гостеприимства?

Но потом я ловила его взгляд — быстрый, украдкой, когда думал, что я не вижу, — и все сомнения рассеивались. Он смотрел на меня так, как смотрят на что-то драгоценное. Что-то, что боялся разбить неосторожным движением.

Однажды вечером, когда мы сидели на нашей любимой скамье у восточной стены, глядя, как солнце окрашивает горы в медь и золото, я наконец решилась.

— Ты обещал, что я смогу встретиться с *Мирой*. С той девушкой, что пришла десять лет назад.

Мелантир повернул голову. В янтарных глазах мелькнуло что-то — не раздражение, скорее осторожность, словно у хищника, который не хочет спугнуть добычу.

— Обещал, — согласился он. — Но она пока не готова.

— Не готова к чему?

— К встрече. — Он пожал плечами, и это движение вышло почти небрежным, но я заметила, как напряглись его плечи. — Она замкнулась в себе. После того, что случилось. Ей нужно время.

— Что случилось? — я старалась, чтобы голос звучал ровно, но внутри уже поднималась тревога, знакомая и липкая.

Мелантир вздохнул, отвёл взгляд к горам. Он почесал подбородок, так и не поворачиваясь ко мне. Я заметила, как дернулся мускул на его скуле — но он тут же расслабился, и лицо снова стало спокойным

— Она потеряла ребёнка. Это было тяжело. Для всех нас. — Он помолчал, и в этом молчании мне почудилась настоящая, неподдельная скорбь. — Но она жива, *Лирия*. Работает в полях. У неё есть дом, еда, всё необходимое. Просто ей нужно побыть одной.

Я помнила слова *Бри*: «*Она ни с кем не общается*». И слова *Эрика*, сказанные там, в ночном лесу: «*Не верь ни единому его слову*». Но сейчас, глядя на *Мелантира* — на его усталое лицо, на тени под глазами, — я не могла заставить себя усомниться. Он говорил так убедительно. Так по-человечески. В его словах сквозила неподдельная грусть, ему и вправду было жаль эту девушку.

Я немного помолчала, но всё равно спросила — тихо, почти шёпотом:

— Она забеременела здесь? От кого-то из *ложно-бессмертных*?

Это было некрасиво, знаю. Но мне нужно было услышать. *Мелантир* смотрел куда-то вдаль, и заходящее солнце золотило его острые скулы. Он выглядел напряженным и расстроенным одновременно. Мы вторгались в зону чужой драмы, его реакция была понятна мне.

— Да. — Он почесал подбородок, так и не поворачиваясь ко мне. — Думаю, она любила его. Но не сложилось.

Я чуть выдохнула. *Значит, любовь*. Это многое объясняло. Мне бы тоже не хотелось больше ни с кем общаться, если бы я потеряла и ребёнка, и возлюбленного. Щёки стыдливо покраснели. Не стоило расспрашивать.

Я замолчала, чувствуя, как лицо заливают жаркий румянец. Стыдно. Зачем я вообще спросила? Это было грубо, нетактично — совать нос в чужую боль, которая меня совершенно не касалась.

Мелантир наконец перевёл взгляд на меня. В его янтарных глазах не было ни укора, ни раздражения — только та же печаль, что и минуту назад, и что-то ещё понимание.

— Ты имела право спросить, — сказал он тихо. — Понимаю, тебе хочется знать, как другие люди здесь живут. Чтобы ты не чувствовала, что ты здесь одна.

Я улыбнулась краем губ и опустила глаза, не в силах выдержать этот тёплый, обволакивающий взгляд.

— В последнее время я не чувствую себя одиноко, — я подняла глаза, набираясь смелости. — Благодаря тебе.

Мы несколько мгновений смотрели друг на друга, и воздух между нами, казалось, наэлектризовался, как перед грозой.

И он кивнул, медленно расплываясь в улыбке — той самой, от которой моё глупое сердце пропускало удар.

— Рад это слышать, *Лирия*.

Не успел отгреметь свадебный пир с королём *Багряного леса*, как по *Цитадели* поползли новые пересуды. Сначала едва слышные, точно шелест осенних листьев, они передавались из уст в уста в мастерских, на кухнях, в прачечных: «Говорят, в этом году помост начнут ставить на три дня раньше». «Слышала? Королева велела достать из хранилищ лунный шёлк». «А мне *Велла* сказала, что музыканты репетируют с самого солнцестояния».

Ночь Танцующей Луны.

Я поначалу не придавала значения этим перешёптываниям. Мало ли праздников у *фэйри*? После свадьбы, которая выпила из меня все силы, хотелось только одного: тишины. Но чем ближе подкрадывался конец месяца, тем громче становились голоса. Запах свежеструганного дерева поплыл по улицам, когда гномы принялись возводить помост на главной площади. В воздухе появился азартный блеск, и даже *Катрона*, всегда такая суровая, отпустила нас пораньше, бросив: «Готовьтесь. Этот праздник — для всех и каждого».

Тридцать первое июля. Ночь, когда луна, по преданию, спускается с небес, чтобы танцевать среди *фэйри* — не важно, знатный ты лорд, простая швея или даже смертная девушка.

К концу месяца воздух в *Бронзовых землях*, казалось, вибрировал от предвкушения. На склонах гор распустились серебристые лютики — верный знак, что праздник близко. И весь город, затаив дыхание, ждал. Ждала и я.

С каждым днём волнение в *Цитадели* нарастало, и я, сама того не замечая, заразилась им. Даже привычная работа в швейной теперь шла под аккомпанемент бесконечных обсуждений: *Велла* щебетала о том, какого фасона платье выберет *Витиеватая королева*, *Дария* мрачно предрекала, что кто-нибудь непременно упадёт с помоста, а *Ирма* только закатывала глаза и ворчала, что всё это «суета сует».

Но даже она, сдаваясь под напором всеобщего предвкушения, однажды бросила мне через плечо:

— Ты хоть платье-то приготовила, смертная? Или так и пойдёшь в рабочем фартуке?

Я растерялась. У меня не было подходящего наряда — по крайней мере, такого, который я бы выбрала сама. Мой шкаф ломился от платьев, которые *Бри* исправно приносила каждую неделю: шёлк, бархат, кружево, вышивка, — но все они висели нетронутыми, словно музейные экспонаты. Я по-прежнему носила одно и то же рабочее платье — то самое, что выдали мне ещё на кухне, — старательно подшивая его каждый вечер. Оно было удобным. Привычным. Моим.

Говорить об этом вслух не хотелось. Я и так чувствовала себя неловко каждый раз, когда *Бри* с немым укором заглядывала в шкаф. Но *Велла*, заметив моё замешательство, всплеснула руками:

— Ты серьёзно собралась идти в этом? На *Ночь Танцующей Луны*? Да тебя же затопчут! Не в прямом смысле, конечно, — тут же поправились она, — но *Катрона* нам головы оторвёт, если ты опозоришь мастерскую.

— Я могла бы надеть то, что уже есть, — пробормотала я, думая о платье, в котором была на свадьбе дриад.

Оно было прекрасным, но чужим. Как и все остальные. Очередной подарок, подчёркивающий мой статус — не то гостыи, не то служанки, не то чьей-то собственности.

Дария, не проронив ни слова, молча поднялась и вышла в подсобку. Вернулась она через минуту, держа в руках свёрток из тонкой бумаги.

— Я сшила, — сказала она бесцветным голосом, вкладывая его в мои руки. — Давно. Лежало без дела. Может чуть великовато, но еще успею подшить.

Я развернула бумагу и ахнула. Платье из золотисто-розового шёлка, с открытыми плечами и струящейся юбкой, переливалось в свете ламп, как лунная дорожка на воде. Никаких лишних деталей — только ткань, крой и магия рук нимфы, вложившей в эту работу то, чего не купишь ни за какие медные монеты.

— *Дария*... — начала я, но она уже отвернулась, делая вид, что поправляет катушки на полке.

— Примерь, — велела *Ирма*, и в её голосе послышалось что-то похожее на нетерпение. — Хватит смотреть на него, как на диковинного зверя. Оно не кусается.

Велла захлопала в ладоши, её крылья затрепетали, разгоняя воздух. Я прижала платье к груди и, чувствуя, как щёки заливают румянец, скрылась за ширмой.

Когда я вышла, в мастерской на мгновение повисла тишина. А потом *Велла* испустила такой восторженный писк, что на него, кажется, обернулись даже гномы в дальнем конце коридора.

— Луна их раздери, смертная, — выдохнула *Ирма*, скрестив руки на груди, — а ты хороша.

Я недоверчиво покосилась на зеркало. Из отражения смотрела незнакомка: тёмно-русые волосы, выгоревшие за лето на концах до золотистых прядей, мягко спадали на обнажённые плечи, а золотисто-розовый шёлк струился вдоль тела, как переливы медных прожилок Бронзовой гряды при закатном солнце. Я не привыкла видеть себя такой. Не привыкла чувствовать себя... красивой.

— Ну вот, — заключила *Велла*, хлопая в ладоши, — теперь ты готова танцевать. И даже если не будешь — всё равно будешь выглядеть так, будто только что сошла с небес.

Я закатила глаза, но улыбнулась. И впервые за долгое время подумала: может, я и правда готова.

В сумерках тридцать первого июля *Цитадель* преобразилась. Улицы, ещё утром казавшиеся суровыми и неприступными, теперь сияли серебром. Гирлянды из живых цветов — тех самых серебристых лютиков, что распустились на склонах всего неделю назад, — оплетали колонны и арки, источая тонкий медовый аромат. Сотни факелов на высоких шестах ещё не зажглись, но в воздухе уже пахло маслом и дымом, и этот запах смешивался с музыкой — пока ещё тихой, доносившейся откуда-то с главной площади.

Навевало воспоминания о Рахме.

Я стояла у фонтана, нервно теребя край рукава. Платье *Дарии*, казалось, светилось изнутри, впитывая последние отблески заката. *Ирма* — молчаливая, суровая *Ирма*, чьё волчье происхождение всё ещё вызывало у меня лёгкую оторопь, — вплела в мои волосы тонкую медную нить с крошечными бубенчиками, и теперь при каждом движении раздавался тихий, мелодичный перезвон. Я чувствовала себя нелепо: смертная девушка, разряженная в пух и прах, чтобы танцевать с бессмертными. Но отступить было поздно.

Бри, моя верная служанка, крутилась рядом, поправляя складки юбки и то и дело бросая на меня взволнованные взгляды.

— Вы прекрасны, госпожа, — прошептала она в десятый раз, и я уже собиралась попросить её замолчать, когда слова замерли на губах.

Мелантир поднимался по ступеням от нижнего города.

Он не шёл — двигался, как всегда, с той ленивой грацией хищника, которая заставляла толпу расступаться перед ним. Простая белая рубашка с расстёгнутым воротом открывала шею, поверх нее строгий зеленый камзол, и такого же цвета брюки, волосы прилежно зачёсаны в высокий хвост, но пару прядей у лица выступали и завивались у висков бронзовыми коль-

цами. На его губах играла та самая полуулыбка — обещание, спрятанное в уголках, — и стоило ему поднять глаза и встретиться с моими, как всё вокруг перестало существовать. Настоящий сказочный принц, коим он и являлся.

Бри что-то говорила — я не слышала. Музыка на площади зазвучала громче, факелы начали вспыхивать один за другим, толпа зашумела, предвкушая начало танцев, но всё это доносилось до меня будто сквозь толщу воды. Был только он. И биение моего сердца, гулкое и предательски громкое.

Он остановился в двух шагах. Его взгляд скользнул по мне — медленно, от бронзовых бубенчиков в волосах до подола переливающегося платья, — и я увидела, как что-то изменилось в его глазах. Потемнели. Вспыхнули глубже.

— Ты прекрасна, — сказал он, и в его низком голосе не было привычной насмешки. Только восхищение, от которого у меня ослабели колени.

— Ты уже говорил, — улыбнулась я, надеясь, что румянец не выдаст меня с головой.

— И скажу ещё. Много раз. — Он протянул руку — ладонь была тёплой, широкой, надёжной, — и я вложила в неё свою, чувствуя, как пальцы *Бри* в последний раз поправили складку у меня на плече. Мне показалось, что она просто исправилась — Пойдём. Музыка уже началась.

Мы двинулись к главной площади, и с каждым шагом музыка становилась громче, настойчивее. Барабаны — глубокие, рокочущие — отдавались где-то в животе. Дудки и волынки вплетались в их ритм, создавая мелодию, одновременно дикую и завораживающую. Помост в центре площади медленно вращался, и сотни *фэйри* кружились на нём в такт, их острые уши и переливчатые глаза мерцали в золотистом свете.

— Навевает воспоминания о *Рахме*, — прошептала я, оглядываясь.

Мелантир чуть сжал мою ладонь.

— Сегодня всё иначе. Сегодня — только танцы. Никаких прощаний.

Я знала, о чём он. *Рахма* — священный день в *Равенсте*, день поклонения *Водной деве* и рекам, — для *фэйри* была совсем иным. Днём памяти. Днём скорби. Днём, когда они вспоминали тех, кто пал в *Первых войнах*, — пал и не ушёл в землю, а застыл навечно немым извоянием. Я видела эти статуи: старики и старухи, юноши и воины, замершие в вечном крике. «*Плата за гордыню*», — сказал тогда *Мелантир*.

Но я имела в виду другое.

Здесь, в *Бронзовых землях*, пиры сменяли один другой, праздники шли нескончаемой чередой — гномьи, трольи, дриадовы и других низших *фэйри* свадьбы; дни сбора урожая, какие-то древние ночные ритуалы, названий которых я не могла запомнить. Но ни один из них не вызывал во мне того трепета, что я испытала сегодня. Ни один не прогонял привычную рутину, не обещал заменить усталость — восторгом, а привычную настороженность — чистой, беспримесной радостью.

Последний раз я чувствовала такое на *Рахму*. Той самой ночью, когда танцевала с *Элеонор* на площади, когда смеялась, запрокидывая голову, и ела пироги с рыбой, и смотрела, как ряженные изображают *Водяных духов*. Той ночью, когда я уже знала, что ухожу на *оброк*, к *опасным существам*, давным-давно разгневавшим богов.

Тогда я думала, что иду на верную смерть. Или на служение — что в моём воображении выглядело почти так же.

А теперь я стояла на пороге *Ночи Танцующей Луны* — живая. И — *Ньяду*, прости меня, — почти счастливая.

Я подняла глаза на *Мелантира*, чувствуя, как его пальцы чуть крепче сжали мои.

— Я понимаю, — тихо сказал он, заглядывая мне в лицо. — Рад, что эта ночь для тебя — другая.

Я ничего не говорила. *Может он прочел мои мысли?*

Робкая улыбка расплзлась по моим губам и ее мне больше не хотелось скрывать.

Мы двинулись дальше, в самую гущу света и музыки.

Но в последний момент, он не повёл меня в самую гущу танцующих, на вращающийся помост, где кружились *фэйри*. Вместо этого *Мелантир* мягко увлёк меня в сторону — туда, где тень старого дуба, увитого серебристыми лютиками, скрадывала резкие блики факелов. Здесь музыка звучала приглушённо, а свет смягчался, превращаясь в интимное, золотистое сияние. Мы оказались почти одни, скрытые от чужих глаз.

— Я хочу, чтобы ты танцевала только со мной, — сказал он, и это не было вопросом. — Простишь мне это эгоистичное желание?

Его голос звучал ниже обычного — бархатный, обволакивающий, — и в нём, помимо всегдашней уверенности, мне почудилось что-то ещё. Уязвимость? Надежда? Я смотрела в его янтарные глаза, чувствуя, как последние остатки настороженности тают, точно иней под утренним солнцем.

— Прощу, — ответила я, и губы сами растянулись в улыбке. — Но только потому, что это желание совпадает с моим.

Он усмехнулся и положил руку мне на талию.

Мы начали двигаться медленно, почти неощутимо, покачиваясь в такт далёкой музыке. Под ногами хрустели лепестки серебристых лютиков, опавшие с гирлянд, и их аромат — тонкий, медовый — смешивался с запахом дыма и нагретой за день земли.

— Ты даже не представляешь, как долго я этого ждал, — прошептал он, и его дыхание коснулось моего виска.

— Чтобы потанцевать? — я чуть склонила голову, заглядывая ему в лицо.

Чтобы ты перестала смотреть на меня как на врага.

Слова ударили глубже, чем я ожидала. Я опустила взгляд, чувствуя, как колется в горле непрощеный ком. Он был прав. Я так долго держала оборону, так долго искала подвох в каждом его слове, каждом жесте, что забыла: иногда людям — и *фэйри* — можно просто верить.

— Я осознала кое-что для себя, — тихо сказала я.

— И что же это? — почти промурлыкал он мне на ухо, покачивая меня в такт далёкой музыке.

Я на мгновение прикрыла глаза, чувствуя его тёплую ладонь на своей талии, его дыхание у виска, ровный ритм сердца под моими пальцами. Всё это — такое близкое, такое реальное — больше не пугало.

— Если бы ты хотел сделать мне зло, ты бы мог воспользоваться любым моментом, который был раньше, — сказала я, и слова полились сами, без усилия, будто ждали этого часами. — Когда я была уязвима. Когда не ждала. Когда некому было за меня заступиться. Но ничего не произошло. Ты не сделал мне больно. Ни разу.

Он молчал, но я чувствовала, как его пальцы чуть крепче сжались на моей талии.

— Я держала оборону, потому что боялась, — продолжила я. — Боялась, что всё это — игра. Что ты просто ждёшь момента. Но ты ждал... не этого. Ты ждал меня.

Я подняла голову и встретила его взгляд — янтарный, глубокий, в котором плясали золотые искры, и в них не было ни тени насмешки. Только что-то тёплое. Что-то похожее на облегчение.

— Я поняла, что тебе можно верить, — прошептала я. — Страх ушёл.

Мелантир выдохнул — медленно, будто всё это время тоже держал что-то внутри. Его ладонь скользнула от моей талии к лицу, и он коснулся моей щеки — легко, почти невесомо, словно я была чем-то хрупким, драгоценным.

— Ты не представляешь, как долго я ждал этих слов, — произнёс он хриловато.

— Представляю, — улыбнулась я. — Примерно столько же, сколько я убегала от них сама.

Он тихо рассмеялся и прижался своим лбом к моему.

— Стоило того?

— Стоило, — ответила я. А затем приподнялась на цыпочки и поцеловала его.

В этот раз поцелуй вышел другим — не жадным, не отчаянным. Медленным. Осознанным. Я чувствовала его вкус — пряный, с ноткой грога, — и тепло его губ, и то, как его руки обхватили меня крепче, прижимая к себе. Музыка, доносившаяся с площади, сменилась на медленную, тягучую, и мы двигались в её ритме, не разрывая поцелуя, не желая разрывать.

А потом внутри что-то проснулось. То, чего я никогда не испытывала раньше — ни с *Найтаном*, чьи неуклюжие ухаживания вызывали у меня лишь лёгкое смущение, ни с кем-либо ещё в *Равенсте*. *Жажда*. Не потребность в защите или поддержке — их он давал мне в избытке, — а иное, более острое, более жгучее чувство. Желание обладать. Быть рядом. Быть ближе, чем позволяли приличия, чем позволяла музыка, ещё звучавшая где-то за дубом.

Мои пальцы, запутавшиеся в его волосах, потянули его к себе — настойчивее, чем я когда-либо осмеливалась. Он отозвался мгновенно, с глухим, грудным звуком, похожим на сдерживаемый стон, и поцелуй стал глубже. Горячее. Его ладонь скользнула по моей спине, прижимая меня к его груди так тесно, что между нами не осталось воздуха.

— *Лирия*, — выдохнул он, отрываясь на мгновение, и в его голосе звучал вопрос.

— Не останавливайся, — прошептала я, глядя в его потемневшие глаза.

Я знала, что мы ушли с праздника в самом его начале. Знала, что он — принц, и его отсутствие заметят, и кто-нибудь наверняка уже ищет его среди танцующих. Но в этот миг мне было всё равно. Абсолютно, эгоистично всё равно. Я не думала ни о *Велле*, что наверняка уже обыграла всех гномов, ни о *Бри*, что будет ждать меня у фонтана, ни о *Витиеватой королеве*, чьи янтарные глаза, возможно, уже скользят по толпе в поисках брата.

Он был нужен мне. Здесь и сейчас. Только он.

— Ты даже не представляешь, что делаешь со мной, — произнёс *Мелантир* низко, почти рычаще, и его лоб прижался к моему.

Я не могла говорить в ответ. Слова застряли где-то в горле, перекрытые пульсирующей, оглушающей жаждой. Вместо этого я сильнее прижалась к нему, чувствуя, как его руки обхватывают меня — одна на пояснице, вторая на затылке, зарываясь пальцами в волосы. Бубенчики, вплетённые *Ирмой*, зазвенели, и этот тихий, мелодичный перезвон смешался с нашим сбитым дыханием.

Фэйри не стеснялись проявлять свои чувства на публику. Не сдерживались. И я — я, *Лирия* — оброчная смертная девушка — привыкшая прятать каждую эмоцию под слоем осторожности, — начинала жить по их правилам. Начинала чувствовать, как с каждым ударом сердца страх отступает, уступая место чему-то новому, пьянящему, как самый крепкий грог.

Этой свободе. Этой жажде. Ему.

Это было признание — не ему, нет. Себе. И от этого признания я на мгновение замерла, ошеломлённая собственной смелостью. Поцелуй замедлился. Я отстранилась ровно настолько, чтобы заглянуть в его глаза — янтарные, потемневшие, полные того же голода, что пульсировал во мне.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел.

Где-то за деревьями, на главной площади, толпа взорвалась радостным воплем. Музыка, на мгновение стихшая, грянула с новой силой — торжественная, ликующая. Я вздрогнула и обернулась, выглядывая из-за ствола дуба.

Между колоннами, в самом центре площади, на возвышении стояла она. *Витиеватая королева* явилась на праздник.

Её бронзовые волосы, распущенные и перевитые медными нитями, сияли в свете факелов. Платье из лунного шёлка — того самого, о котором столько шептались, — струилось до земли, переливаясь серебром и золотом. Витые рожки, изящные и острые, венчали её голову,

как корона, которой она сегодня не надела. Она улыбалась — той самой холодной, царственной улыбкой, что я помнила по нашей первой встрече, — и простирала руки к толпе, приветствуя своих подданных.

— *Рейеса*, — выдохнул *Мелантир*, и в его голосе мне почудилась странная смесь облегчения и досады.

— Ты должен быть там, — сказала я, всё ещё не в силах отдышаться.

— Я должен быть здесь, — возразил он, но его взгляд уже скользнул к сестре.

Я мягко высвободилась из его объятий, поправляя растрепавшиеся волосы.

— Иди. Это твой долг. А я...

— А ты?

— Я подожду тебя, — я улыбнулась, чувствуя, как губы всё ещё горят от поцелуя. — У фонтана. С грогом. Как и обещала.

Он помедлил мгновение, а затем коротко, крепко поцеловал меня в лоб и шагнул обратно в свет.

Остаток ночи пролетел как одно головокружительное мгновение. *Велла*, разгорячённая танцами и медовухой, носилась между столами. *Дария* стояла в стороне, но я заметила, как она трижды приняла приглашение на танец от одного и того же гнома, чья борода была заплетена медными кольцами. *Ирма* тяжело вздыхала, но даже позволила *Велле* нацепить на себя венок из серебристых лютиков.

Я смеялась, пила грог, танцевала и периодически бросала быстрые взгляды туда, где сидел *Мелантир*, — подле королевы. *Рейеса* восседала на высоком резном кресле и выглядела как всегда: скучающей, отстранённой. *Мелантир* сидел с идеально прямой спиной, отвечал на приветствия, кивал советникам — и ни разу не позволил себе даже улыбнуться. Но я видела, как он время от времени бросает взгляды в мою сторону — быстрые, почти незаметные.

В какой-то момент, запыхавшаяся и счастливая, я отошла к фуршетным столам, чтобы перевести дух.

— *Лирия!* — раздался знакомый скрипучий голос.

Герда стояла у огромного подноса с закусками, скрестив мощные руки на груди. Её лицо, пересечённое глубоким шрамом, было, как всегда, суровым, но в глазах поблёскивало что-то похожее на теплоту.

— *Герда!* — я улыбнулась. — Ты одна? А где твой супруг?

Она махнула рукой.

— Лесник он. Сегодня не смог прийти. Неподалёку от двора, в реке у восточной стены, заметили *никса*.

Я поёжилась. О *никсах* я слышала — водяные духи, коварные и опасные. Не так страшны, как *стриксы*, но всё равно твари, встречи с которыми лучше избегать.

— Он в порядке?

— Да. Дело привычное. Но праздника ему не видать. — Она вздохнула и поправила передник. — Вот и я одна. Лично наблюдаю, как один фуршет сменяется другим. Хоть кто-то должен следить, чтобы мои пироги не растащили раньше времени.

Я взяла с подноса крошечный пирожок с мясом — тот самый, что когда-то училась лепить на кухне.

— Обещаю съесть ровно столько, чтобы не лопнуть.

Она фыркнула.

— Смотри у меня, смертная. Я помню, как ты в первый день чуть не угробила тесто.

Я рассмеялась в голос и, прихватив ещё один пирожок, двинулась обратно к фонтану — туда, где обещала ждать *Мелантира*.

Я стояла у фонтана, допивая вторую — или уже третью? — кружку грога, когда заметила, что толпа на площади начала редеть. Музыка стала тише, факелы догорали. *Велла*, пошатываясь, брела под руку с одним из дриад. *Дария* давно исчезла — кажется, с тем самым гномом с медными кольцами в бороде. Даже *Ирма* куда-то запропастилась.

Я осталась почти одна. *Бри* всё ещё крутилась неподалёку, но и она уже клевала носом, пристроившись на краю фонтана. Даже она позволила себе выпить немного и теперь сетовала, что её копытца не держат. Я усмехалась, поглядывая на её безуспешные попытки встать ровно, и уже протянула руку, чтобы поддержать фавну, как вдруг замерла.

Мои глаза выхватили фигуру на периферии праздника — у высокой каменной стены здания, там, куда уже не доставал свет догорающих факелов. Она стояла совершенно неподвижно, и в этой неподвижности было что-то противоестественное.

Короткие чёрные волосы. Бледное, измождённое лицо. Простое серое платье — не праздничное, рабочее, — которое висело на ней мешком.

И она смотрела прямо на меня.

Не на танцующих, не на догорающие огни, не на королеву. Только на меня. Её взгляд был тяжёлым, пронизывающим — и в нём читалось не просто любопытство. Узнавание. Словно она ждала этого момента давно.

Бри что-то пробормотала, хватаясь за мой локоть, но я не слышала. Моё сердце пропустило удар. Я не знала эту женщину, но каждая клеточка моего тела кричала: *человек*. Она была человеком. Такой же, как я.

Улыбка сползла с лица. Я сделала шаг вперёд, забыв о *Бри*. Потом ещё один.

— Госпожа? — голос фавны доносился откуда-то издалека. — Что вы увидели?

Но я уже не ответила. Я видела только её — незнакомку у стены, чьи глаза, огромные и пустые, впервые за всё время дрогнули. В них мелькнуло что-то похожее на боль. Или на узнавание.

— Госпожа, — *Бри* наконец поднялась, цепляясь за фонтан, она встала прямо передо мной. — Вы куда собрались? Праздник уже заканчивается.

Я попыталась выглянуть из-за головы фавны на то место и там никого не было. Я удивлённо моргнула. *Мне померещилось?*

Я попыталась выглянуть из-за головы фавны на то место — и замерла.

Там никого не было.

Я удивлённо моргнула, не веря собственным глазам. Ещё мгновение назад она стояла там и смотрела на меня так, будто знала что-то, чего не знаю я. А теперь — пусто.

— Госпожа? — *Бри* встревоженно заглядывала мне в лицо. Её жёлтые глаза с вертикальным зрачком были полны беспокойства. — Вы белая, как луна. Что вы там увидели?

— Я... — слова застряли в горле. — Мне показалось, что там кто-то был.

Бри обернулась, глядя в темноту у стены, и пожала плечами.

— Там никого нет, госпожа. Может, тени от факелов? Или вы устали? Праздник был долгим, а вы и так целый день на ногах.

Я медленно кивнула, хотя внутри всё кричало: *это было не игрой теней*. Я видела её. Я видела *Миру* — так же ясно, как видела сейчас лицо *Бри*. Но доказывать что-то фавне было бессмысленно.

— Да, наверное, — пробормотала я, потирая лоб. — Устала. Грог ударил в голову.

— Вот и славно, — *Бри* облегчённо выдохнула и взяла меня под руку. — Давайте я провожу вас до комнаты, вам нужно отдохнуть.

Я позволила увести себя с площади. Но всю дорогу до покоев, поднимаясь по каменным ступеням *Цитадели*, я чувствовала этот взгляд — тяжёлый, пронизывающий, — словно он застрял где-то под кожей и никак не хотел отпустить.

Мира была там. Я знала это. И она смотрела на меня так, будто хотела предупредить. Но о чём?

Уже в комнате, лёжа в постели и глядя в тёмный потолок, я вспомнила слова, что не давали мне покоя весь этот месяц. Слова *Эрика*, сказанные там, в ночном лесу, под звёздами, которых я больше не видела. Слова *короля Роллана*, брошенные между строк её предсказаний: «*И ты видела хоть одну*».

Теперь, видела. И не знала, успокаивал меня этот факт или нет.

Я зажмурилась, прогоняя их. Заставила себя думать о *Мелантире* — о его улыбке, о его руках, о том, как он смотрел на меня, когда я сказала ему, что страх ушёл. Он был искренним. Я чувствовала это. Я знала это.

И всё же... если *Мира* действительно была там, если она действительно человек — такая же, как я, — почему она смотрела на меня с таким сожалением?

Этот вопрос заснул вместе со мной — и проснулся наутро, тяжёлый и липкий, как недосказанная ложь.

Глава 17

На следующее утро я проснулась с тяжестью в груди. Не той, что бывает от дурного сна или усталости, — а той, что поселяется где-то под сердцем и не отпускает, сколько ни гони. Я лежала в постели, глядя на серый свет за окном, и прокручивала в голове вчерашнюю ночь. Танец. Поцелуй. Его руки на моей талии. И *Мира*. Её пустые глаза, её беззвучное предостережение, которое я так отчаянно пыталась забыть.

Я обещала дождаться *Мелантира* у фонтана. Но после того, как увидела её, все вылетело из головы. *Бри* что-то говорила, провожая меня до комнаты, но я не слышала. В ушах стоял только этот взгляд — тяжёлый, пронизывающий, полный сожаления.

И всё же, когда наступило утро, я не могла думать только о *Мире*. Потому что стоило мне закрыть глаза, как передо мной вставал он. *Мелантир*. Его улыбка, его глаза, его губы на моих. Я всё ещё чувствовала жар того поцелуя — он горел на коже, как клеймо, и сколько бы я ни твердила себе, что это глупо, безрассудно, опасно, — ничего не помогало.

Я была влюблена. И с каждым днём это становилось всё очевиднее.

Он ждал меня у дверей швейной после работы — как всегда, прислонившись плечом к каменной стене, с ленивой полуулыбкой на губах.

— Ты вчера исчезла, — сказал он вместо приветствия.

— Я переутомилась, — ответила я, надеясь, что голос не дрогнет. — Праздник был насыщенным. Прости, что не дождалась.

Он шагнул ближе, и его пальцы коснулись моего подбородка, приподнимая лицо.

— Ты отстраненная. И пахнешь тревогой. Что случилось?

Я хотела рассказать. О *Мире*, о её взгляде, о том, как она стояла у стены и смотрела на меня. Но слова застряли в горле. Потому что, если я расскажу, он, может быть, снова скажет, что она «не готова к встрече», что мне не стоит волноваться. *И окажется прав*.

— Я видела её, — выдохнула я наконец. — *Миру*. На празднике.

Его лицо на мгновение застыло. Всего на долю секунды — но я заметила. Тень, пробежавшая по острым скулам. Потом он моргнул, и тень исчезла, сменившись привычным выражением лёгкой озабоченности.

— Она была там? — спросил он тихо. — Я не заметил.

— Она стояла у стены. Смотрела на меня. А потом исчезла.

Мелантир вздохнул, запуская пальцы в волосы — жест, который я уже успела изучить. Усталость. И что-то ещё, чего я не могла прочитать.

— Она... просто смотрела на меня, — я кивнула. — Наверное, ей было интересно. Посмотреть на новую *обручную*.

— Я тоже так подумал... — Он наклонил голову, и в его янтарных глазах мелькнуло сочувствие. — Но я хотела поговорить с ней, а она просто исчезла.

— Она знает, где тебя искать, если сама захочет поговорить. — Он нахмурился. — Наверное, ей ещё рано ходить на такие праздники... Она едва пережила то, что с ней случилось.

Рот невольно приоткрылся.

— Она выглядела не очень здоровой, — протянула я, качая головой. — Бедная девушка. Сердце болело за неё. За женщину, которую я никогда не знала, но чья боль казалась мне почти осязаемой.

Мелантир наклонил голову, почти в нежном жесте, глядя на меня.

— Так не всегда бывает, не думай. Просто ей не повезло.

Я кивнула, думая о том, что когда-то читала в «*Писании первых*».

— В *Писании* есть целая глава, посвящённая тому, что иногда человеческие женщины были приворожены *ложно-бессмертными* и что это никогда не заканчивается хорошо, — произнесла я, вспоминая старые картинки в потрёпанной книге. Девушка лежит у ног чудовища.

— Приворожена? — переспросил *Мелантир*, и на его губах появилась хитрая улыбка. — Думаешь, мы на это способны? Мне казалось, нам достаточно природного очарования.

Я почувствовала себя глупо. Но напряжение немного спало. Я действительно не считала, что *фэйри* умели привораживать. Но вот очаровывать — точно.

Я закатила глаза, но улыбка сама собой растянула губы.

— Очаровывать — определённо, — пробормотала я, чувствуя, как напряжение окончательно отпускает плечи.

Он тихо рассмеялся и заправил выбившуюся прядь мне за ухо.

— Рад, что мы это прояснили. А теперь иди сюда.

Я кивнула, чувствуя, как от его слов отпускает. Не до конца — где-то на краю сознания всё ещё маячил образ *Миры*: её пустые глаза, её беззвучное предостережение. Но сейчас, когда *Мелантир* стоял так близко и смотрел на меня с этой своей тёплой, чуть насмешливой улыбкой, всё это казалось далёким. Почти нереальным.

— Просто... — я помедлила, подбирая слова, — я много думала о ней. О том, что ей пришлось пережить. И о других. О тех, кто приходил раньше. Я никогда их не видела.

— Они не в *Цитадели*, — сказал он ровно. — Зачем им быть здесь? У них своя жизнь. В нижнем городе, в деревнях у подножия гор.

— Но я даже не знаю, сколько их. Сколько вообще девушек пришло за всё время...

— Много, — перебил он мягко, и в его голосе прозвучала та же усталость, что и раньше. — Очень много. Не все истории одинаковы, *Лирия*. Некоторым повезло — они нашли себя здесь, обрели покой. Другие... не смогли.

— Не смогли?

— Умерли, — сказал он просто. — Роды, болезни, несчастные случаи. Жизнь в горах сурова, ты знаешь. — он положил руку мне на ладонь, нежно проводя, — ваш век короток.

Я опустила глаза. В это было легко поверить. *Оброк* — раз в десять лет. Мы, смертные, стареем и умираем здесь, как и везде, — отпущенный нам срок не становится длиннее от того, что нас окружают бессмертные. А *Бронзовые земли* действительно были суровы — холод, разрежённый воздух, каменистые тропы, по которым и здоровому-то ходить непросто. Человеческие женщины, непривычные к такой жизни, вполне могли не справиться.

Сколько вообще их могло быть, живых, из тех, что приходили раз в десять лет? Десять? Меньше? Если считать от первого *оброка* — да, наверное, не больше десятка на весь этот век. Они проживали здесь свои жизни до конца, как придётся и мне, а потом...

Я не успела развить эту мысль, потому что *Мелантир* уже притянул меня к себе, и его губы коснулись моего виска — легко, почти невесомо. Прямо в коридоре, где нас в любую секунду могли увидеть.

— Не думай об этом слишком много, — прошептал он. — Ты здесь. Ты со мной. Это всё, что имеет значение. А теперь иди сюда.

И я пошла в его объятия. Потому что с ним всё было просто. Ответила на поцелуй настойчивых, но таких мягких губ. *С ним всё было правильно.*

Дни потекли дальше, и с каждым из них мы становились ближе.

Поцелуи украдкой — в коридорах, пока никто не смотрит. В тени старого дуба, где мы танцевали в *Ночь Танцующей Луны*. На смотровых площадках под звёздами, которых в *Бронзовых землях* было больше, чем в *Равенсте*, и они казались ярче, холоднее, ближе.

Я больше не пыталась скрывать своё счастье. *Бри*, помогая мне одеваться по утрам, доставая те платья из шкафа, то и дело бросала многозначительные взгляды, но молчала. *Велла*

хихикала за моей спиной в швейной, а *Дария* однажды обронила: «Наконец-то. А то смотреть на тебя было тошно — ходишь, как в воду опущенная». Даже *Ирма*, суровая волкалачка, хмыкнула и покачала головой.

Казалось, все вокруг знали. Знали — и принимали. Никто не шептался, не показывал пальцем. В *Цитадели*, похоже, давно привыкли к тому, что я все время была с принцем, словно в этом не было ничего странного.

Потому что с *Мелантиром* всё было иначе. Он не был похож на того холодного, расчётливого принца, каким я представляла его когда-то. Он заботился обо мне. Спрашивал, как прошёл день. Смеялся над шутками *Веллы*, которые я ему пересказывала. И когда он смотрел на меня — вот так, с этой своей теплотой в янтарных глазах, — я забывала обо всём.

Даже о *Мире* и о лживом короле с его дружкой. Они не предоставили никаких доказательств, не передали никакой весточки от сестры и не собирались. Зачем нужен был этот спектакль, я так и не поняла. А *Мира* к тому же была жива и вполне настоящая. Я видела её своими глазами. И если она действительно потеряла ребёнка и возлюбленного, то неудивительно, что она смотрела на меня с такой болью. Наверное, я напомнила ей о том, что она сама когда-то потеряла. О том, что у неё могло бы быть.

Эта мысль принесла странное облегчение.

Я возвращалась из швейной позже обычного — *Катрона* задержала меня, велев переделать вышивку на вороте королевского платья. В коридорах было пусто. Лампы горели вполнакала, и их свет казался тусклым, уставшим — как я сама.

Я свернула за угол — и замерла.

По коридору двигалась процессия. Впереди шла *Витиеватая королева* — прямая, надменная, в струящемся платье цвета запёкшейся бронзы. За ней — двое слуг с подносами и шкатулками. И замыкающим, с выражением лица, от которого у меня похолодели пальцы, шёл *Велиан*.

Он выглядел... сломленным. Нет, лицо его оставалось бесстрастным, но глаза — те самые серо-зелёные, цепкие глаза — были пустыми. Как у человека, который давно смирился со своей участью и больше ничего не ждёт.

Прямо за королевой, с таким же пустым, затравленным взглядом шла женщина. Молодая, в форме служанки, с волосами, убранными под строгий чепец. *Лютиция*. Личная служанка королевы. Женщина, которую он любил. Женщина, которую он оставил ради долга. Они направлялись в сторону личных покоев её Высочества.

Я вжалась в стену, пропуская их. Сердце колотилось где-то в горле, а в груди разрастался холодный, липкий страх.

Они прошли мимо, даже не взглянув на меня. Королева скрылась за поворотом, за ней — слуги, *Велиан*, *Лютиция*. Последней просеменила какая-то фрейлина, и коридор опустел.

А я осталась стоять, прижав ладонь к груди, и не могла отдышаться.

Велиан шёл в спальню королевы. *Лютиция* — вместе с ним. Как служанка. Каждое утро, каждый вечер она будет видеть его, знать, куда он идёт, к кому, — и ничего не сможет сделать. Потому что он выбрал долг. Потому что она выбрала службу. Потому что такова была их судьба.

А что, если однажды это станет моей судьбой?

Мысль обожгла, как удар хлыста. Я представила себе *Мелантира* — в таких же покоях с другой, тонкой, бесконечно красивой бессмертной фэйкой. С любой, кого ему прикажут взять в наложницы, если *Рейеса* не родит наследника и ответственность за династию ляжет на его плечи. Я представила, как он улыбается ей, как касается её лица, как целует — так же, как меня. И меня замутило. По-настоящему, до спазма в горле. а кто будет сопровождать их молчаливой процессией в спальню? Такая роль мне будет отведена?

Я не *Люттиция*. Я не смогу стоять в стороне и делать вид, что ничего не происходит. Я не смогу прислуживать той, кто делит с ним постель. Я... я просто не выдержу.

Ты сама не своя, — сказал он, когда я вошла в его покои. — Что случилось?

Я не ответила сразу. Просто стояла посреди комнаты, обхватив себя руками, и смотрела на него. На его красивое, встревоженное лицо. На его руки, которые ещё час назад обнимали меня в коридоре. На его губы, которые шептали моё имя.

— Я видела *Велиана*, — произнесла я наконец. Голос прозвучал глухо, — И *Люттицию*. Они шли за королевой. В её покои.

Мелантир нахмурился, но промолчал.

— Он любит её, — продолжила я, чувствуя, как слова царапают горло. — И она его. Но они не могут быть вместе. Потому что он обязан королеве. А она обязана служить. И каждое утро она видит, как он уходит к другой. Каждое утро, *Мелантир*!

Мой голос сорвался на крик. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Я так не смогу, — прошептала я. — Если однажды... если тебе придётся...

Он шагнул ко мне, но я отшатнулась.

— Не надо. Дай мне сказать. — Я перевела дыхание, собираясь с силами. — Я думала, что смогу. Думала, что это просто... увлечение. Что я буду наслаждаться моментом и не ждать ничего большего. Но я не могу. Я влюбилась в тебя, *Мелантир*. Влюбилась так, что мне страшно. Потому что я не *Люттиция*. Я не смогу стоять в стороне и смотреть, как ты...

Я не договорила. Он преодолел разделявшее нас расстояние в два шага, схватил меня за плечи и притянул к себе — резко, почти грубо.

Я замерла, глядя в его глаза — янтарные, пылающие. В них не было ни насмешки, ни ленивого самодовольства. Только яростная, почти отчаянная искренность.

— Я не позволю этому случиться, — сказал он тихо, и его пальцы скользнули по моей щеке, его глаза были опущены. — То, что происходит между нами... это другое. Ты — совершенно другая для меня. Единственное, что важно. Я не хочу тебя терять.

Это не было похоже на прежние поцелуи — те, что начинались с вопроса в его глазах и заканчивались мягким, почти извиняющимся отступлением. Нет. В этот раз он ворвался в моё пространство, как штормовая волна — сметая всё на своём пути, не оставляя времени на раздумья.

Его губы накрыли мои с отчаянной, голодной жадностью. Я ахнула — не от испуга, а от той силы, что прорвалась сквозь его обычную сдержанность, — и этот выдох он поймал, углубляя поцелуй, делая его жестче, настойчивее.

Мои пальцы сами вцепились в ткань его рубашки. Я чувствовала, как под тонким льном перекачиваются мышцы, как бешено колотится его сердце — в том же ритме, что и моё. Все те недели, что мы ходили вокруг да около, все те украденные поцелуи в тени дуба, все те ночи, когда я лежала без сна, прокручивая в голове его слова, — всё это спрессовалось в одно мгновение и взорвалось между нами.

Он целовал так, словно хотел доказать то, что не мог — или не хотел — выразить словами. Каждым движением губ, каждым прикосновением языка. И я отвечала тем же, потому что устала сдерживаться. Устала думать, анализировать, взвешивать. Автопилот, на котором я жила последние недели — работа, прогулки, осторожные поцелуи, — разбился вдребезги, и из обломков поднялось что-то дикое, первобытное, жадное.

Мои руки скользнули вверх по его груди, обвились шею, зарылись в волосы. Его пальцы легли на мою талию, сжали крепче, притягивая ближе — так близко, что между нами не осталось воздуха. Я чувствовала каждый его вдох, каждое движение, и от этого кружилась голова.

— *Лирия*... — выдохнул он в мои губы, и в его голосе было что-то, чего я никогда раньше не слышала. Не вопрос. Не просьба. Почти мольба.

— Не останавливайся, — прошептала я, и мои пальцы скользнули к вороту его рубашки. Я дёрнула за завязки — неловко, торопливо, — и он издал низкий, грудной звук, от которого у меня подогнулись колени. Его ладонь скользнула по моей спине, задержалась на пояснице, прижимая меня к себе так, что я почувствовала каждый изгиб его тела.

В этот миг не было ни *Цитадели*, ни королевы, ни *оброка*. Не было вчерашних страхов и завтрашних сомнений. Только он. Только я. Только это.

А потом его руки сомкнулись на моих бёдрах, и он поднял меня — легко, словно я ничего не весила. Я обхватила его ногами, чувствуя, как мир переворачивается, и мы двинулись к постели. Он не спрашивал. Я не спорила. Потому что больше не было сил сдерживаться.

Потому что я хотела этого. Хотела его.

И когда он опустил меня на прохладные простыни и склонился надо мной, заслоня собой весь мир, в его янтарных глазах горело что-то тёмное, голодное. Его руки скользили по моему телу — медленно, почти мучительно, — и тесёмки корсета расходились одна за другой под его пальцами, словно он проделывал это сотни раз. Я не могла отвести взгляд от его лица: хищного, сосредоточенного, прекрасного в своей откровенной жажде.

Ткань соскользнула с плеч, и прохладный воздух коснулся разгорячённой кожи. Я вздрогнула — не от холода, а от того, как он смотрел на меня. Так, будто я была чем-то невероятным. Чем-то, чего он ждал очень, очень долго.

Его ладонь легла на мою талию, скользнула выше, проследившая изгиб рёбер. Каждое прикосновение отзывалось во мне дрожью, каждое движение губ, которыми он касался моего плеча, ключицы, шеи, — волной жара, прокатывающейся до самых кончиков пальцев. Я выгнулась ему навстречу, и с моих губ сорвался тихий, сдавленный стон. Со своей рубашкой он справился сам, очень проворно.

Он замер на мгновение — и улыбнулся. Той самой улыбкой, от которой у меня когда-то подгибались колени. Только теперь в ней было что-то новое. Тёмное. Победное.

— Вот так, — прошептал он, и его дыхание обожгло мне кожу. — Вот так, *Лирия*.

И я позволила себе раствориться в нём. Без страха. Без сомнений. С любопытством, на которое раньше не осмеливалась.

Его руки скользили по моему телу — медленно, изучающе, словно он запоминал каждый изгиб, каждую впадинку. Я отвечала тем же: проводила ладонями по его плечам, по напряжённым мышцам спины, по груди, где под горячей кожей гулко билось сердце. Всё было новым. Незнакомым. Захватывающим.

Его губы прокладывали дорожку по моему горлу, спускаясь ниже, задерживаясь на ключицах. Я закрыла глаза, погружаясь в ощущения — в тепло его дыхания, в мягкость простыней под спиной, в тяжесть его тела, прижимающего меня к постели. Это было приятно. По-настоящему приятно.

А потом он вошёл — медленно, осторожно, — и я вздрогнула. Не от наслаждения. От резкой, пронзительной боли, которая прошила тело от низа живота до самых кончиков пальцев. Я закусила губу, сдерживая вскрик.

Мелантир замер. Его лоб прижался к моему, дыхание сбилось.

— Лирия? — прошептал он, и в его голосе не было ни досады, ни нетерпения. Только беспокойство.

Я молча кивнула, чувствуя, качая головой. Мне нужно было пару мгновений. Не для того, чтобы отойти от боли — от неожиданности. От того, что это оказалось совсем не таким, как я представляла.

— Дыши, — сказал он тихо. — Просто дыши.

И я дышала. Медленно, глубоко, чувствуя, как напряжение постепенно отпускает, сменяясь чем-то другим. Ощущением полноты. Близости. Правильности. Он не двигался, давая

мне время привыкнуть, и я была благодарна ему за это. За то, что не торопил. За то, что оставался рядом — тёплый, живой, осязаемый.

Когда боль утихла, он начал двигаться — осторожно, размеренно, будто боялся причинить мне новую боль. Я не ждала чего-то большего. Я просто чувствовала.

Его тело, прижимающееся к моему. Его дыхание, горячее и неровное, касающееся моего виска. Его тихие, сдавленные стоны — он сдерживал их, я знала, ради меня. И это было... приятно. По-новому. Не так, как я представляла, когда украдкой наблюдала за фэйри на пирах — за тем, как они открыто, почти вызывающе наслаждались друг другом, не прячась, не стесняясь. Я никогда не понимала, что именно они чувствуют в такие моменты. И сейчас, лёжа под *Мелантиром*, я всё ещё не понимала. Но мне было любопытно.

Я погружалась в ощущения, как в тёплую воду. Изучала. Запоминала. Каждое осторожное движение внутри меня отдавалось не удовольствием, а странной, тянущей полнотой. Как первый глоток горячего грога после долгой прогулки по морозу — обжигающий, но приятный. Как прикосновение к лепесткам *светиль-травы* в оранжерее — незнакомое, но завораживающее.

Я чувствовала каждый его вдох, каждое осторожное движение бёдер, каждый невесомый поцелуй, которым он касался моего лба. Мои ладони скользили по его спине, по напряжённым мышцам, по лопаткам, и мне казалось, что я впервые по-настоящему узнаю его. Не принца. Не проводника. Не того, кто когда-то напугал меня до дрожи. А просто мужчину. Тёплого. Живого. Моего.

Он что-то прошептал — я не расслышала слов, только низкую, вибрирующую ноту его голоса, которая отозвалась где-то глубоко в груди. Я прикрыла глаза, отдаваясь ощущениям. Это было правильно. Это было наше. И даже если моё тело ещё не знало, как ответить ему тем же, — оно училось. Медленно, неуверенно, но училось.

А потом его движения стали быстрее, рванее, и с низким, гортанным стоном он замер, уткнувшись лицом в изгиб моей шеи. Я почувствовала, как его тело вздрогнуло, как пальцы сжались на моём бедре — и расслабились.

Несколько мгновений мы лежали молча. Только наше сбитое дыхание. Только его ладонь, всё ещё лежащая на моём животе — тёплая, тяжёлая, успокаивающая.

Он не скатился с меня сразу. Задержался, прижимаясь лбом к моему лбу, и в его янтарных глазах, ещё подёрнутых дымкой наслаждения, я увидела что-то новое. Удивление. Словно он сам не ожидал, что это окажется настолько... другим.

— Ты как? — спросил он хрипловатым шёпотом.

— Странно, — честно ответила я и чуть улыбнулась. — Но хорошо.

Он выдохнул — с облегчением, — и его пальцы мягко скользнули по моей щеке.

— В следующий раз будет лучше. Обещаю.

Я кивнула, чувствуя, как тяжелеют веки. Он уже заснул — я слышала, как его дыхание стало ровным и глубоким, а я лежала и смотрела в потолок. Тело казалось невесомым, будто парящим в тумане. И пусть я не испытала того, что, наверное, должны испытывать женщины в такие моменты, по рассказам, — я ни о чём не жалела.

Так и должно быть. Теперь я принадлежу ему. Но странное дело — эта мысль не пугала. Она казалась правильной. Как будто я наконец оказалась там, где должна была быть с самого начала. *Потому что он выбрал меня. Потому что я нужна ему. Потому что это и есть любовь — разве нет?*

Тьма приняла меня — мягкая, уютная, лишённая сновидений. Впервые за долгое время — без страха. Где-то глубоко, под слоем усталости, шевельнулось смутное предчувствие — как будто я забыла что-то важное. Но сон уже накрыл меня, и я не стала вспоминать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.